А.П. Чудинов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Учебное пособие

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2006

УДК 81(075)
ББК 81-9
Ч84

Р е ц е н з е н т ы:

д-р филол. наук, профессор, член-корр. РАН
Ю.Н. Караулов,

д-р филол. наук, профессор
Н.Б. Руженцева

Чудинов А.П.

Ч84 Политическая лингвистика : учеб. пособие / А.П. Чудинов. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 256 с.

ISBN 5-89349-897-6 (Флинта)
ISBN 5-02-033358-1 (Наука)

В книге представлено описание основных положений новой науки, возникшей на пересечении лингвистики и политологии и занимающейся изучением политической сферы коммуникации, рассмотрением средств и способов борьбы за политическую власть в процессе коммуникативного воздействия на политическое сознание общества. Для самостоятельной работы студентов после каждого раздела предлагаются контрольные вопросы и задания.

Для студентов и аспирантов, специализирующихся в области связей с общественностью, политологии, лингвистики и межкультурной коммуникации, социологии, рекламной деятельности, журналистики, государственного и муниципального управления, а также всем, кто интересуется языком политики, методами и приемами речевого воздействия в политической сфере.

УДК 81(075)
ББК 81-9

ISBN 5-89349-897-6 (Флинта)
ISBN 5-02-033358-1 (Наука)

Предисловие

Данное пособие предназначено для студентов высших учебных заведений, которые овладевают гуманитарными специальностями, в той или иной степени связанными с изучением взаимоотношений языка и общества. К числу этих специальностей относятся «Филология», «Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Политология», «Социология», «Рекламная деятельность», «Связи с общественностью», «Государственное и муниципальное управление», «Журналистика».

Основная задача учебного пособия состоит в ознакомлении студентов с политической лингвистикой — новой, активно развивающейся гуманитарной наукой, которая занимается изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием. В связи с этим в пособии охарактеризованы основные положения политической лингвистики, рассмотрена история ее возникновения и развития, выявлены типовые свойства политической коммуникации, ее дискурсивные характеристики и функции, описаны ведущие лексико-стилистические средства; детально проанализирована роль метафоры в политической коммуникации.

Изучение политической лингвистики важно для студентов, поскольку будет способствовать лучшему пониманию, анализу и продуцированию (в том числе в процессе перевода на другие языки) соответствующих текстов. Одновременно изучение политической лингвистики поможет студентам лучше понимать происходящие в стране политические процессы, научиться видеть подлинный смысл выступлений политических лидеров и используемые ими способы манипуляции общественным сознанием.

В состав каждого раздела пособия, помимо теоретических сведений, включены контрольные вопросы и задания. Ответы на вопросы помогут студентам обобщить соответствующий материал и продемонстрировать степень его усвоения. Выполнение заданий будет способствовать развитию практических навыков анализа политической коммуникации.

В приложении к учебному пособию представлены политические тексты, комплексный анализ которых поможет дальнейшему развитию умений и навыков лингвополитического изучения коммуникативной практики, а также будет способствовать более глубокому пониманию политической коммуникации и развитию способностей к самостоятельному созданию соответствующих текстов. На самостоятельную работу ориентирован и включенный в приложение список основной и дополнительной литературы: в последние годы появилось немало лингвополитических публикаций, знакомство с которыми будет полезно всем студентам.

Выражаю искреннюю признательность своим аспирантам — Э.В. Будаеву, Т.С. Вершининой, А.А. Касловой, Е.В. Колотниной, Н.А. Красильниковой, А.Б. Ряпосовой, А.М. Стрельникову, Н.М. Чудаковой, О.А. Шаовой и Н.Г. Шехтман, исследования которых были использованы при подготовке данной книги, а также всем коллегам, творческое общение с которыми способствовало рождению идей, ставших основой изложенной ниже концепции.

Особую благодарность выражаю рецензентам данного пособия — доктору филологических наук, профессору, члену-корреспонденту Российской академии наук Юрию Николаевичу Караулову и доктору филологических наук, профессору Наталье Борисовне Руженцевой, ценные советы которых помогали мне при доработке книги.

Глава 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: историческое развитие и современное состояние

Прежде чем приступить к изучению любой науки, необходимо рассмотреть ее предмет и цели, выделить ее ведущие постулаты. На начальном этапе изучения важно определить место данной науки в общей системе знаний, ее взаимосвязи с другими научными дисциплинами. Не менее полезно рассмотреть причины и историю возникновения соответствующей науки, выявить ее ведущие направления, познакомиться с существующими научными школами и идеями широко известных специалистов.

Политическая лингвистика как научная дисциплина

В последние десятилетия наиболее перспективные научные направления чаще всего возникают в зоне соприкосновения различных областей знания. Одним из таких направлений стала политическая лингвистика, новая для России наука, возникшая на пересечении лингвистики с политологией и учитывающая также достижения этнологии, социальной психологии, социологии и других гуманитарных наук. Необходимость возникновения и развития нового научного направления определяется возрастающим интересом общества к условиям и механизмам политической коммуникации.

Политическая лингвистика тесно связана с другими лингвистическими направлениями — с социолингвистикой, занимающейся проблемами взаимодействия языка и общества, с функциональной стилистикой и особенно с исследованиями публицистического стиля, с классической и современной риторикой, с когнитивной лингвистикой и лингвистикой текста.

Для политической лингвистики в полной мере характерны такие черты современного языкознания, как мультидисциплинарость (использование методологий различных наук), антропоцентризм (человек, языковая личность становится точкой отсчета для исследования языковых явлений), экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение).

Политическая лингвистика тесно связана и с науками, изучающими индивидуальное, социумное и национальное сознание: с социальной психологией, культурологией, социологией, политологией, этнографией.

Предмет исследования политической лингвистики — политическая коммуникация, т.е. речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе. Каждый человек, который хотя бы изредка читает газеты, включает радио или телевизор, становится адресатом политической коммуникации. Когда этот человек идет на выборы, он участвует в политической жизни и делает это не без влияния субъектов политической коммуникации. И тогда к сфере интересов политической лингвистики следует отнести не только передачу политической информации, но и все, что связано с восприятием и оценкой политической реальности в процессе коммуникативной деятельности.

Главная функция политической коммуникации — борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее преобразовании.

Основная цель политической лингвистики — исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности. Политическая коммуникация оказывает влияние на распределение и использование власти благодаря тому, что она служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.). Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира.

Современная политическая лингвистика активно занимается общими проблемами политической коммуникации (анализирует ее отличия от коммуникации в других сферах), изучает проблемы жанров политической речи (лозунг, листовка, программа, газетная статья, выступление на митинге, парламентская полемика и др.) и особенности функционирования политических текстов. Наша наука активно обращается к проблемам идиостиля отдельных политиков, политических партий и направлений, рассматривает стратегии, тактики и приемы политической коммуникации, изучает композицию, лексику и фразеологию политических текстов, использование в них самых разных образных средств. К числу важнейших направлений политической лингвистики относятся также рассмотрение отдельных политических концептов в рамках соответствующего языка и национальной культуры, обращение к проблемам понимания политических реалий того или иного государства гражданами других государств, сопоставительное исследование политической коммуникации в различных странах и на разных этапах развития общества.

Важнейший постулат современной политической лингвистики — дискурсивный подход к изучению политических текстов. Это означает, что каждый конкретный текст рассматривается в контексте политической ситуации, в которой он создан, в его соотношении с другими текстами, с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различны-

ми людьми. Обязательно учитывается та роль, которую этот текст может играть в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны. Например, одна и та же идея и даже одни и те же высказывания будут совершенно по-разному восприниматься в тексте газетной статьи журналиста и в официальном заявлении президента Российской Федерации или президента Соединенных Штатов Америки. Совершенно различный вес могут иметь высказывания одного и того же политика, произнесенные им в пылу предвыборной борьбы и после вступления на важный государственный пост.

Традиционно власть относится к числу высших социальных ценностей, а потому в борьбе за власть используются все людские возможности и достижения науки. Для получения нужного результата авторы политических текстов затрачивают колоссальные усилия. Поэтому при анализе политической коммуникации особенно заметно и высокое мастерство, и творческое убожество авторов, их коммуникативные успехи и неудачи.

Необходимо различать политическую лингвистику, ориентированную на изучение политической коммуникации, и исследования в области языковой политики государства, которые относятся к сфере интересов социолингвистики. Несколько упрощая проблему, можно сказать, что специалистов по политической лингвистике интересует то, как говорят политики, а специалисты по языковой политике занимаются тем, что политики делают (или должны делать) для оптимального использования языка. Поэтому к сфере интересов политической лингвистики не относятся столь важные направления работы, как анализ проблем функционирования государственного и иных языков в стране (начиная с вопроса о самой необходимости официального признания государственного языка), изучение проблем языков межнационального общения и языков международного общения (мировых языков), государственная регламентация графики (например, решение Государственной думы об использовании в России исключительно кириллических письменностей), вопрос об отношении к заимствованиям. Все эти проблемы относятся к государственной политике в сфере использования языка в целом, а не только к политической коммуникации, что и «вы-

водит» их за рамки политической лингвистики в том понимании, которое лежит в основе настоящего исследования.

Политическая лингвистика — это научное направление, имеющее большую прикладную значимость. Изучение опыта коммуникативной деятельности в политической сфере может способствовать выработке конкретных рекомендаций для политических функционеров, журналистов, специалистов по связям с общественностью. В демократическом обществе всем гражданам необходимы устойчивые навыки политической коммуникации как в сфере продуцирования речи, так и в сфере ее восприятия. Критический анализ современной политической коммуникации поможет сделать более гармоничной коммуникативную практику новых поколений политических лидеров и журналистов. Использование мировых стандартов при рассмотрении отечественной политической коммуникации будет способствовать формированию положительного имиджа России в представлении зарубежной общественности.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие проблемы изучает политическая лингвистика?
2. Каковы отношения политической лингвистики с политологией и лингвистикой? С какими другими научными направлениями в той или иной степени связана политическая лингвистика?
3. Почему дискурсивный подход к исследованию политической коммуникации называют важнейшим постулатом политической лингвистики?
4. В какой мере к сфере интересов политической лингвистики относятся проблемы поддержки нашим государством изучения русского языка в зарубежных странах и функционирования русского языка в международных организациях?
5. В какой мере к сфере интересов политической лингвистики относится сопоставительное изучение особенностей коммуникативной практики российских и американских президентов?
6. Существует немало анекдотов, связанных с речевой практикой таких отечественных политиков, как Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, В.С. Черномырдин. В какой степени эти материалы интересны для политической лингвистики?

7. В чем вы видите практическую значимость исследований по политической лингвистике? В какой степени эти исследования могут быть интересны активистам политических партий, журналистам, высшим государственным служащим и обычным гражданам?
8. Какое практическое значение могут иметь лингвополитические исследования, обращенные к опыту других стран и эпох?

Возникновение и основные этапы развития политической лингвистики

Обращение к предыстории той или иной науки, внимательный анализ этапов ее развития, материалам давно отгоревших дискуссий нередко позволяет нам лучше понять проблемы соответствующей науки на современном этапе ее развития.

Истоки современной политической лингвистики можно обнаружить уже в античной риторике: проблемами политического красноречия активно занимались уже в Древней Греции и Риме. Изучение политической коммуникации оказывается социально востребованным прежде всего в демократическом обществе, а поэтому соответствующие исследования вновь появились вместе с развитием демократии в Западной Европе. Рассмотрим основные этапы в истории изучения политической коммуникации.

1. Первоначально (т.е. до возникновения политической лингвистики) публикации по проблемам политической коммуникации носили преимущественно «рецептурный» и аналитический (восхваляющий или дискредитирующий) характер. В публикациях первого типа авторы стремились показать своим читателям, каким образом можно добиться успеха в публичных выступлениях или иной речевой деятельности. Среди ярких примеров подобных изданий можно назвать труды Дейла Карнеги и Поля Сопера, в которых рассмотрено множество конкретных выступлений и публикаций, а также предложены достаточно эффективные рекомендации. В публикациях второго типа основное внимание уделялось детальному описанию риторического мастерства конкретных поли-

тических деятелей и/или осуждению коммуникативных практик других политических лидеров.

2. Политическая лингвистика как самостоятельное научное направление возникла во второй половине XX в. Обращаясь к начальному этапу развития этой науки, специалисты называют помимо филологов, исследовавших социальные аспекты функционирования языка, английского писателя Джорджа Оруэлла и немецкого литературоведа Виктора Клемперера.

Первый из них написал в 1948 г. роман-антиутопию «1984», в котором были описаны принцип «двоемыслия» (doublethink) и словарь «новояза» (newspeak), т.е. на конкретных примерах были охарактеризованы способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве. Джордж Оруэлл наглядно показал, каким образом при помощи языка можно заставить человека поверить лжи и считать ее подлинной правдой, как именно можно положить в основу государственной идеологии оксюморонные лозунги «Война — это мир», «Свобода — это рабство» и «Незнание — это сила». Пророческий дар Дж. Оруэлла постоянно отмечают современные специалисты по политической пропаганде: иногда кажется, что именно по рецептам «новояза» советские войска в Афганистане решили называть ограниченным контингентом, а саму эту войну — интернациональной помощью. Аналогичные приемы использовали и американские лидеры, которые называли свои военные действия против Югославии и Ирака «борьбой за установлении демократии».

Описанный Джорджем Оруэллом «новояз» был плодом его фантазии, предположением о том, к чему может привести развитие тоталитарных идей в Великобритании. Немецкий филолог Виктор Клемперер подробно охарактеризовал «новояз», за которым он имел несчастье наблюдать 12 лет. Его книга «LTI. Записная книжка филолога» (издана в 1947 г.) была посвящена коммуникативной практике германского фашизма, а буквы LTI в ее названии обозначают «Лингвистика Третьей империи». Следует отметить, что практика нацистского новояза оказалась значительно многообразнее и изощреннее созданной Оруэллом теории. Например, оказалось,

что вовсе необязательно запрещать то или иное выражение — достаточно взять его в кавычки. Например, «немецкий поэт» Гейне — это уже совсем не немецкий и не совсем поэт; соответственно написание «выдающийся ученый» Эйнштейн позволяет поставить под сомнение гениальность выдающегося физика. На службу идеям фашизма в гитлеровской Германии были поставлены и многие другие языковые средства: особенно детально Виктор Клемперер описывает символику и метафорику фашистской пропаганды, а также практику запрета на «неугодные» слова и понятия с одновременной пропагандой «новых» слов и идей.

Позднее появилось описание коммунистического новояза и языкового сопротивления ему в Польше, Восточной Германии, Чехии, России и других государствах существовавшего во второй половине прошлого века социалистического лагеря. Эти исследования позволили обнаружить множество сопоставимых фактов и закономерностей. Вместе с тем обнаруживались и признаки национальных тоталитарных дискурсов: например, в советском политическом дискурсе очень значимыми были политические определения, кардинально преобразующие смысл и эмоциональную окраску слова. Так, в советском новоязе *буржуазный гуманизм* или *абстрактный гуманизм* — это вовсе не человеколюбие, а негативно оцениваемое проявление слабости, недостаточная жестокость по отношению к политическим противникам, представителям эксплуататорских классов и просто сомневающимся. С другой стороны, в качестве *социалистического гуманизма* могли быть представлены жестокие действия «против классово чуждых элементов», особенно если эти действия воспринимались как полезные «для трудового народа» в его «классовой борьбе». Например, в некоторых учебных пособиях в качестве примера социалистического гуманизма описывался эпизод из романа Александра Фадеева «Разгром»: командир партизанского отряда Левинсон «экспроприирует» (проще говоря, отбирает) у крестьянина свинью, чтобы накормить голодных партизан.

Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, для которого, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсо-

лютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогичными формами коммуникации, пропагандистский триумфализм, резкую дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ, пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем.

3. На следующем этапе развития политической лингвистики зарубежные специалисты (Р. Водак, Д. Воттс, Т.А. ван Дейк, Дж. Лакофф, К. Хаккер, Д. Хан, Й. Хейзинга, Н. Хомский и др.) обратились к изучению коммуникативной практики в современных западных демократических государствах. Эти исследования показали, что и в условиях демократии постоянно используется языковая манипуляция сознанием, но это более изощренная манипуляция.

Новые политические условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика — это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Например, опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов». Однако хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам. Умелый специалист будет предлагать бороться за социальную справедливость, за «сокращение пропасти между богатыми и бедными», и не всякий избиратель сразу поймет, что это призыв к повышению прямых или косвенных налогов, а платить их приходится не только миллионерам. Точно так же опытный политик будет говорить не о сокращении помощи малоимущим, а о важности снижения налогов, однако легко предположить, какие именно статьи бюджета пострадают после сокращения налоговых поступлений.

Подобные факты широко обсуждаются в критической теории Франкфуртской школы, представители которой (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер) начали изучать формы тоталитаризма, антидемократизма, националистического шови-

низма после окончания Второй мировой войны. Аналогичные материалы представлены также во многих публикациях англоязычных авторов.

4. В конце прошлого века в зарубежной лингвистике оформилось новое направление — критический дискурс-анализ, изучающий способы, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Специалисты стремятся выяснить, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное неравенство, а также наметить способы языкового сопротивления. Представители этого направления занимают активную социальную позицию, они ищут пути для предупреждения социальных конфликтов. Эти исследования представляют собой своего рода реакцию на традиционные публикации «рецептурного» и «восхваляющего» направлений предшествующей научной парадигмы.

Материалом для критического дискурс-анализа становятся политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Определение «критический» используется в подобных исследованиях для того, чтобы подчеркнуть обычно скрытые для неспециалистов связи между языком, властью и идеологией. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации. С 1990 г. выходит специальный журнал «Discourse and Society» («Дискурс и общество»), представляющий публикации названного направления, созданные в различных странах.

В работах специалистов по критическому дискурс-анализу особое внимание уделяется социальному, гендерному (половому) и этническому неравенству. Внимание авторов особенно привлекают факты злоупотребления властью в различных сферах общественной жизни. В частности, феминистские критические исследования представляют женщин как угнетенную социальную группу, характеризуют многообразные коммуникативные проблемы, являющиеся следствием угнетенного положения женщин в патриархальном мужском обществе. Не меньшее внимание уделяется коммуникативным аспектам этнического и расового неравенства.

Важное место в современной науке занимает контент-анализ политического дискурса, основанный на статистике. В отличие от критического дискурс-анализа лингвисты этого направления не выражают свою точку зрения, а оперируют цифрами и фактами. Основная задача таких исследований — выявление связи между жизнью общества и использованием политического языка, поиск статистических закономерностей функционирования политического дискурса. Классическим исследованием этого направления стала работа Х. де Ландтшер (1992), в которой на примере анализа голландского политического дискурса было доказано, что в периоды кризисов значительно возрастает количество политических метафор. В рамках современного контент-анализа (В. Бенуа, Л. Бразеаль, А. Клюковски, В. МакХейл, П. Пир, В. Уэллс, А. Харткок и др.) активно изучаются количественные характеристики тактик восхваления, критики и защиты; соотношение в речи политиков содержания, ориентированного на общественные проблемы и на личные характеристики; соотношение в политическом дискурсе обращений к прошлому, настоящему и будущему.

В России XVIII — первой половины XIX в. проблемы использования языка в социальной сфере изучались преимущественно в рамках риторики. Вопросы политической речи во второй половине XIX — начале XX в. затрагивались прежде всего в публицистике, где велись острые политические дискуссии между сторонниками революционных, либеральных и консервативных взглядов, между марксистами разных направлений, народниками и приверженцами других политических течений. В подобных публикациях основное внимание уделялось критическому рассмотрению коммуникативных практик отдельных политических лидеров.

В истории изучения политического языка советской эпохи можно выделить три периода. Первый из них приходится на 20—30-е годы, когда Г.О. Винокур, С.И. Карцевский, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, П.Я. Черных, Р.О. Якобсон изучали преобразования, происходящие в русском литературном языке после 1917 г. Были обнаружены значительные изменения в лексической и стилистической системе. Внимание исследо-

вателей привлекло появление множества аббревиатур, экспансия варваризмов и диалектизмов, значительное влияние просторечия и одновременно официально-деловой речи, сдвиги в семантике и эмоциональной окраске многих слов. В речевой практике новых политических лидеров страны обнаружилось последовательное стремление к «народности», что привело к изменению коммуникативного идеала, которому стремились соответствовать широкие массы населения. Результатом всех этих процессов стало общее снижение уровня речевой культуры.

Второй период приходится на 30—40-е годы, когда последователи Н.Я. Марра стремились выделить и автономно описать «язык эксплуататоров» и «язык трудящихся» как едва ли не отдельные системы в рамках национального языка. Советские специалисты стремились охарактеризовать факторы, способствующие успеху в речевом воздействии на массовую аудиторию. Определенный историко-лингвистический интерес представляют также опубликованные в этот период работы, в которых представлен лингвополитический анализ «языка и стиля» некоторых советских политических лидеров (С.М. Киров, М.И. Калинин, В.И. Ленин, И.В. Сталин и др.). Авторы указанных исследований отмечали ораторское мастерство большевистских руководителей, «народность» их речи (в смысле ее доступности для широких масс). С этими выводами (если с пониманием отнестись к тому, что в таких работах доминировал восхваляющий пафос) следует согласиться: плохой оратор просто не способен стать лидером в стране, где кипят революционные страсти, или победить в острых внутрипартийных дискуссиях, так характерных для первых лет советской власти.

Третий период в изучении советского политического языка относится к 50—80-м годам, когда проблемы политической речи рассматривались в публикациях по теории и практике ораторского искусства и лекторского мастерства (Г.З. Апресян, Л.А. Введенская, Н.Н. Кохтев, В.В. Одинцов и др.), при освещении деятельности средств массовой коммуникации (Ю.А. Бельчиков, В.Г. Костомаров, Д.Э. Розенталь, Г.Я. Солганик и др.), в исследованиях по вопросам агитации и пропаганды. Подобные публикации носили преимущественно «ре-

цептурный» характер. Проблемы политической лингвистики занимали важное место и в некоторых публикациях, посвященных развитию русского языка в послеоктябрьский период, его стилистической дифференциации, обогащению его лексико-фразеологического фонда (П.Н. Денисов, С.Г. Капралова, А.Н. Кожин, Т.Б. Крючкова, М.В. Панов, И.Ф. Протченко и др.). Среди советских специалистов были и блестящие мастера эзопова языка, и искренние сторонники господствующей идеологии, и люди, для которых сама возможность заниматься наукой значила больше, чем рассматриваемый материал. Наши языковеды смогли многое сделать и многое сказать (иногда между строк).

Следует отметить, что в советский период едва ли не всякое опубликованное в нашей стране исследование по проблемам политической речи было изначально скомпрометировано. Как известно, в условиях жесткой цензуры и самоцензуры было крайне сложно объективно охарактеризовать особенности речи как коммунистических лидеров (идейная чистота и высокая должность как бы предопределяли их речевое мастерство), так и их политических противников; допускались лишь своего рода «советы» агитаторам, стремящимся увеличить воздействие своей пропаганды, рекомендации журналистам по проблемам «языка и стиля» в средствах массовой коммуникации, а также критический анализ языка «буржуазной» прессы. Положение изменилось только после начала перестройки, когда гласность сделала возможной публикацию хотя бы сколько-нибудь объективных исследований.

Совершенно особое место в изучении отечественного политического языка занимают зарубежные исследования (Андре Мазон, Астрид Бэклунд, Эгон Бадер, Патрик Серио и др.), среди которых важное место занимают публикации российских эмигрантов (С.М. Волконский, И. Земцов, С.И. Карцевский, Л. Ржевский, А. и Т. Фесенко и др.) и специалистов из бывших советских республик — ныне суверенных государств (А.Д. Дуличенко, В.В. Дубичинский, Э.Р. Лассан, С.Н. Муране, Б.Ю. Норман и др.).

Как справедливо писал С. Есенин, «лицом к лицу лица не увидать»: взгляд «со стороны» иногда позволяет увидеть даже больше, чем наблюдения над языковой ситуацией «изнутри».

Кроме того, нельзя забывать, что жесткая цензура и самоцензура часто не позволяли советским лингвистам в полной мере высказать свою точку зрения, тогда как авторы, работавшие за рубежом, были в этом отношении относительно свободны. С другой стороны, многие эмигранты «первой волны» оказались слишком суровыми критиками и отвергали едва ли не любые инновации послереволюционного периода. В некоторых таких публикациях (например, в книге Андрея и Татьяны Фесенко «Русский язык при Советах») ненависть к лидерам советского государства отчетливо проявлялась и в критике языковых изменений в советской России.

Новый этап в развитии отечественной политической лингвистики начался в период перестройки социальной системы нашего общества. Обсуждение проблем политической коммуникации на предшествующих этапах происходило, по существу, вне контекста мировой науки. Западные публикации по этой проблематике считались идеологически порочными и по различным причинам почти не были известны в нашей стране. Положение изменилось только в конце XX в., когда демократизация общественной жизни сделала политическую коммуникацию в России предметом массового интереса. В этот период у нас стала возможной объективная оценка трудов крупнейших зарубежных специалистов в области политической коммуникации и — самое главное — достаточно объективное исследование речевой практики действующих политических лидеров. Как и на Западе, среди современных российских публикаций представлены исследования, которые можно отнести к различным направлениям — рецептурному, аналитическому (восхваляющему и дискредитирующему) и критическому; материалом для этих исследований служат как тоталитарные, так и демократические коммуникативные практики.

Специальные исследования показывают, что на смену советскому новоязу в политическую практику пришел новый политический язык. Вместе с тем критически мыслящие специалисты считают, что современный постновояз еще далек от идеала, что на смену пропагандистскому триумфализму, лозунговости, стандартизированности и ритуальности пришли механическое следование западным образцам, безответственность и чрезмерная раскрепощенность, способствую-

щие успеху в реализации новых способов манипуляции сознанием читателей и слушателей.

Представленный обзор показывает, что политическая лингвистика как в России, так и за ее рубежами за несколько десятилетий своего существования добилась значительных успехов. Характерными чертами современного состояния этой науки в России является ее методологическое сближение с зарубежными исследованиями и существенное расширение сферы исследований.

Контрольные вопросы и задания

1. Почему публикации писателя Джорджа Оруэлла и литературоведа Виктора Клемперера считаются лежащими в основе современной политической лингвистики?
2. Что такое «новояз» в представлении Джорджа Оруэлла? Что сближает английский «новояз», охарактеризованный Оруэллом, с польским, немецким или советским «новоязом»?
3. Сопоставьте особенности рецептурного, аналитического (восхваляющего и дискредитирующего) и критического направлений в политической лингвистике.
4. Охарактеризуйте основные этапы становления и развития зарубежной политической лингвистики.
5. Охарактеризуйте основные этапы становления и развития отечественной политической лингвистики.
6. Почему некоторые закономерности «советского языка» в публикациях зарубежных ученых оказались лучше охарактеризованы, чем в работах советских авторов?
7. Почему наша политическая лингвистика развивалась иначе, чем западная? Почему можно говорить о сближении в современных условиях отечественной и зарубежной политической лингвистики?
8. Что такое российский «постновояз», как он соотносится с советским «новоязом»?
9. Следует ли надеяться на то, что с развитием демократии отечественный политический язык перестанет быть средством борьбы за власть и уже не будет использоваться в манипулятивных целях?

10. Проанализируйте одну из научных публикаций, указанных ниже в разделе «Дополнительная литература», с позиций противопоставлений, рассмотренных в настоящем разделе.

Основные направления в современной политической лингвистике

В современной отечественной политической лингвистике сформировалось несколько относительно автономных, хотя и взаимосвязанных направлений. Возможна классификация современных отечественных политико-лингвистических исследований по используемым методам исследования, по изучаемому периоду, по рассматриваемому языковому ярусу и некоторым другим основаниям. Рассмотрим основные противопоставления, выявляющиеся при анализе конкретных публикаций.

1. Исследования в области теоретических основ политической лингвистики — анализ конкретных единиц в рамках политических текстов. К первой группе относятся публикации, авторы которых стремятся осмыслить общие категории политической лингвистики, сформулировать теоретические основы этой науки, охарактеризовать ее понятийный аппарат и терминологию. Так, в учебнике А.Н. Баранова (2001) политическая лингвистика представлена как одно из направлений прикладной лингвистики, охарактеризованы предмет, задачи и методы указанного научного направления. В таких публикациях рассматриваются методологические основы политической лингвистики и специфика политического языка, даются определения основных понятий политической лингвистики.

Характерными признаками языка политики являются смысловая неопределенность (политики часто предпочитают высказывать свое мнение в максимально обобщенном виде), фантомность (многие знаки политического языка не имеют реального денотата), фидеистичность (иррациональность, опора на подсознание), эзотеричность (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным), дистанцированность и театральность.

2. Исследования советского политического языка — изучение языка постсоветской эпохи. При «хронологической» (ориентированной на исследуемый исторический период развития русского политического языка) классификации противопоставляются публикации, посвященные, с одной стороны, «тоталитарному языку» советского периода, а с другой — политической речи постсоветской эпохи (начиная с «перестройки»). Ярким примером исследований первого типа может служить монография Н.А. Купиной «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» (1995), в которой тщательно рассматривается словарь советских идеологем, относящихся к политической, философской, религиозной, этической и художественной сферам, а также языковое сопротивление и языковое противостояние коммунистической идеологии внутри России. В монографии А.П. Романенко «Советская словесная культура: образ ритора» (2000) представлено детальное описание советского риторического идеала, образа «идеального» советского ритора. Проблемы «русско-советского языка» и языкового сопротивления рассматривают и многие другие специалисты.

Эти исследования показывают, что в политическом языке советской эпохи действительно существовало двуязычие («диглоссия», по А. Вежбицкой), точнее — использовалось несколько «диалектов» (официальный, диссидентский, обывательский, «потаенный»). Не следует считать, что весь русский политический язык в советскую эпоху был неуклюж, бюрократичен и малопонятен. Таким была только одна из его форм, а именно официальный язык, который его критики называли «новояз». Но свойства этого языка определялись его предназначением. Следует подчеркнуть, что советский «новояз» — это не язык всего советского народа, а официальный язык тоталитарного общества. Бюрократичность, «двоемыслие» (по Дж. Оруэллу), максимальная обезличенность, эзотеричность (наличие смыслов, понятных только специалистам), ритуальность — это естественные свойства официальной политической коммуникации, которые в той или иной мере присутствуют и во многих современных политических текстах. Разумеется, бюрократическим и неуклюжим был не русский язык, а коммуникативная деятельность

большинства советских лидеров, речевая практика которых если не считалась образцовой, по меньшей мере воспринималась как наиболее соответствующая духу эпохи.

Если же сравнивать русско-советский язык и русский политический язык новейшего времени, то следует отметить, что в прошлом осталась жесткая регламентация, которая определяла строгое следование всевозможным нормам (языковым, речевым, жанровым, этическим, композиционным и иным) и ограничивала проявления индивидуальности. Эта регламентация в каких-то случаях играла положительную роль (например, не допускала использования грубо-просторечной и жаргонной лексики, ограничивала поток заимствований), но именно она и определяла те качества «советского» языка, которые в одних случаях вызывают его критику, а в других — некоторую ностальгию.

3. Нормативный и дескриптивный подходы к изучению политического языка. В современной отечественной политической лингвистике отчетливо разграничиваются дескриптивный (описательный) и нормативный подходы к оценке инноваций. В первом случае авторы фиксируют новые явления, не стремясь при этом дать им позитивную или негативную оценку. Во втором случае новые явления «подвергаются досмотру» с позиций традиционной речевой нормы; высказывается даже мысль о необходимости создания лингвоэкологии — особой науки, призванной «защищать» классический русский язык. Авторы подобных работ тщательно фиксируют всевозможные реальные и мнимые недостатки в речи российских политиков и журналистов, справедливо демонстрируя при этом, что отечественная политическая элита по своему риторическому мастерству еще очень далека от Демосфена и Цицерона, что прямой телеэфир слишком безжалостен и что напрасно в некоторых СМИ сократили должности литературного редактора и корректора. Нередко в подобных работах критика современной речи и сетования на общую «порчу» русского языка совмещаются с критикой современной политической ситуации и современных политических лидеров.

Как известно, речевое творчество современных политиков и журналистов — едва ли не основной источник беспо-

койства лингвистических пуристов, ибо многочисленные нарушения традиционных литературных норм вызывают тревогу и у общества в целом. Подборки «перлов» политического слога стали в последние годы едва ли не постоянной рубрикой многих авторитетных средств массовой информации («Литературная газета», «Аргументы и факты», «Итого», «Комсомольская правда» и др.), речевые ошибки политиков и журналистов нередко становятся и предметом тщательного разбора профессиональных филологов.

Задача таких публикаций — не только фиксация ошибок конкретного автора: важнее выявить тенденции в использовании языковых средств, их функционировании в повседневной речевой коммуникации, в различных ее сферах. В подобных публикациях широко представлены конкретные примеры коммуникативных неудач и их теоретическое осмысление, рекомендации по предупреждению ошибок содержатся и в ряде других публикаций.

Следует признать, что современный русский язык находится в состоянии динамичного развития, а многочисленные ошибки конкретных политиков и журналистов могут служить свидетельством низкой речевой культуры лишь отдельных носителей русского языка.

Кардинальные социальные изменения всегда вызывают крупные преобразования в языке (вспомним утрату российской государственности в XIII в., Смутное время на рубеже XVI и XVII столетий, Петровские реформы или Гражданскую войну в начале прошлого века), но никакие политические катаклизмы не способны погубить или хотя бы «испортить» русский язык. Его развитие продолжается, в нем обнаруживаются новые ресурсы, а явления, пугавшие современников, бесследно уходят или начинают восприниматься как вполне естественные и необходимые. Поэтому нужно быть крайне осторожным при оценке новых феноменов и не путать косноязычие отдельных политиков с деградацией русского языка.

4. Автономное исследование отдельных языковых уровней политического языка. Значительный интерес представляют исследования, ориентированные на автономное изучение отдельных уровней современного политического языка (фонетики, лексики и фразеологии, синтаксиса). Наиболее

заметны изменения в лексике и фразеологии. Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразелогический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы. Поэтому вполне закономерно множество исследований по проблемам политического лексикона постсоветского периода. Очень интересны лексикографические издания, фиксирующие новые явления в русской лексико-фразеологической системе постсоветской эпохи: подготовленный под руководством В.И. Максимова «Словарь перестройки» (1992), «Словарь новых значений и слов языка газеты» С.В. Молокова и В.Н. Киселева (1996), «Словарь перифраз русского языка, (на материале газетной публицистики)» А.Б. Новикова (1999), подготовленный Л.Г. Самотик «Словарь выразительных средств языка политика (на материале текстов губернатора Красноярского края А.И. Лебедя)» (2002) и др.

Не менее ощутимы изменения стилистической системы русского национального языка и процессы его пополнения заимствованной лексикой. Для русского литературного языка последних лет особенно характерны два явления: интенсификация процессов заимствования иностранных слов и значительное влияние жаргонной и просторечной языковой среды. Вместе с тем замечено, что в последнее время не произошло кардинальных изменений в фонетике и грамматике.

5. Исследование жанров и стилей политического языка. Значительное количество публикаций посвящено изучению специфики отдельных жанров и стилей политического языка. Языковеды изучают специфику парламентских дебатов, особенности митинговой речи, язык средств массовой информации. Лингвополитические исследования посвящены анализу настенных надписей, лозунгов, предвыборной полемики, политического скандала. Специально рассматриваются жанры протеста, поддержки, рационально-аналитические и аналитико-статистические жанры, юмористические жанры и виртуально ориентированные низкие жанры.

Лингвополитические исследования показывают, что в постсоветский период прошло значительное обновление как самого арсенала жанровых средств отечественной политической коммуникации, так и внутренних закономерностей жанров и стилей политической речи.

6. Исследование идиостилей различных политических лидеров, политических направлений и партий. Значительный интерес представляют публикации, посвященные идиолектам ведущих политических лидеров современной России. Языковеды обращаются к «речевым портретам» ведущих политиков в сопоставлении с политическими портретами российских политических лидеров прежних эпох. Специалисты стремятся также охарактеризовать роль идиостиля в формировании харизматического восприятия политика, обращаются к особенностям речи конкретных политических лидеров.

В отдельную группу следует выделить исследования, посвященные взаимосвязи политической позиции и речевых средств ее выражения. В частности обнаружено, что политические экстремисты (как правые, так и левые) более склонны использовать метафорические образы. Легко заметить повышенную агрессивность речи ряда современных политиков, придерживающихся националистических и коммунистических взглядов. Едва ли не все авторы отмечают, что в постсоветский период речевые портреты политиков становятся более узнаваемыми, ярче проявляется индивидуальность, но не все черты такого рода индивидуальности заслуживают одобрения.

7. Дискурсивное исследование коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик. В рамках данного направления анализируется коммуникативное поведение субъектов политической деятельности. Современные политические лидеры, стремясь добиться успеха у избирателей, нередко используют своего рода «речевые маски». Речевое поведение в значительной степени зависит от социально-коммуникативной роли политика, которая зависит от его социального статуса, от используемых стратегий, тактик и речевых приемов.

Важное место в исследованиях политической коммуникации занимает критический анализ (по Т.А. ван Дейку и Р. Водак) проявлений социального неравенства и коммуникативных манипуляций сознанием адресата. Многие специалисты отмечают повышенную агрессивность современной политической речи, в том числе активное использование конфронтационных стратегий и тактик речевого поведения (угрозы, игнорирование, дискредитация, ложь, наклеивание ярлыков, оскорбления и др.). К сожалению, в современной политичес-

кой речи легко обнаружить многочисленные примеры использования бранных (в том числе нецензурных) выражений. Показательно, что речевая агрессивность в ее разнообразных проявлениях особенно возрастает в периоды обострения социальной ситуации, в том числе во время избирательных кампаний.

8. Когнитивные, лингвокультурологические и традиционные методы исследования политической коммуникации. Яркий признак современных исследований в области политической коммуникации — использование разнообразной методологии. С этой точки зрения выделяются исследования, выполненные с использованием методик, характерных для когнитивиной лингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, лингвистики текста, риторики и культуры речи.

Многие современные исследования ориентированы на использование методов когнитивной лингвистики, в том числе теории метафорического моделирования. Авторы подобных публикаций исходят из единства речемыслительной деятельности и рассматривают речевую деятельность как проявление специфического мышления. В этом отношении значительный интерес вызывают публикации, авторы которых стремятся выяснить, как именно метафорически представляется тот или иной политический феномен.

При социолингвистическом подходе к изучению политических текстов выясняется, что политический дискурс российского общества в последнее десятилетие XX в. отличается кардинальным обновлением содержания и формы коммуникативной деятельности. Новый политический язык характеризуется стремлением к индивидуальному стилю, отличается экспрессивностью, а также яркостью, граничащей с карнавальностью, и раскрепощенностью, находящейся на рубеже со вседозволенностью и политическим хамством. Специфику этого дискурса в значительной степени определяют и характерные для социального сознания концептуальные векторы тревожности, подозрительности, неверия и агрессивности, ощущение «неправильности» существующего положения дел и отсутствия надежных идеологических ориентиров, «национальной идеи», объединяющей общество. Как это часто бывает в революционные эпохи, общественное со-

знание чрезвычайно быстро наполняется необъяснимым доверием не только к некоторым политическим лидерам и партиям, но даже к некоторым политическим терминам и метафорам, но столь же стремительно и утрачивает иллюзии.

Значительный интерес представляют публикации, подготовленные с использованием методик политической психолингвистики, во многом заимствованных из психопоэтики. Специалисты стремятся обнаружить то, как проявляются в политической коммуникации личностные качества автора.

Во многих исследованиях используется методика лингвостилистического анализа. Особое место занимают публикации, в основе которых лежат методы, приемы и терминология традиционной и обновляющейся риторики, также иных научных школ и направлений.

Многообразие используемых методов и методик обогащает политическую лингвистику: каждый метод имеет свои достоинства и позволяет обнаружить некоторые факты и закономерности, не привлекавшие внимания исследователей, принадлежащих к иным научным школам.

9. Сопоставительные исследования. Совершенно особое место занимают публикации, посвященные сопоставительному анализу политической коммуникации в России и других государствах. В каждой стране есть национальные особенности в способах восприятия и языкового представления политической действительности, что объясняется национальной ментальностью и историческими условиями формирования политической культуры. Сопоставление политической коммуникации различных стран и эпох позволяет отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, «общечеловеческое» и свойственное только тому или другому национальному дискурсу. Все это способствует лучшему взаимопониманию между народами и межкультурной толерантности.

Показательно, что для авторов сопоставительных исследований, как правило, не характерен обличительный пафос: изучение зарубежной политической коммуникации показывает, что многие свойства политического дискурса, казавшиеся исключительно российскими пороками, обнаруживаются и в коммуникативных практиках политиков из самых демо-

кратичных стран. К сожалению, в отличие от многих других народов, нам свойственно излишне критическое отношение к собственному политическому опыту и слишком большие надежды на использование заимствованных политических идей и технологий.

10. Политическая лингвистика «в маске» и «без маски». Как показывает представленный обзор, в последние годы политическая лингвистика превратилась в самостоятельное направление лингвистических исследований. Принадлежность публикаций к этому направлению часто отражается в их названиях, при формулировании цели и задач исследования, при определении предмета и объекта изучения, при характеристике материала, лежащего в основе работы. Во многих других случаях исследования по политической коммуникации представляются читателям как бы «в маске», т.е. без акцентирования собственно лингвополитической сущности публикации. Можно выделить несколько вариантов такой «маскировки».

Во-первых, некоторые авторы представляют свои результаты как относящиеся к современному русскому языку в целом.

Во-вторых, материалы по исследованию политической коммуникации часто представляются как результаты изучения языка средств массовой информации. Как известно, политический дискурс пересекается с языком СМИ, и далеко не всегда существует необходимость (и возможность) однозначно отнести материалы публикации к тому или другому дискурсу. Среди других источников сведений по политической лингвистике можно назвать исследования по культуре речи, по лексикологии и фразеологии, по теории и практике журналистики, по психологии, социологии и политологии. Разумеется, подобные публикации должны быть учтены при определении общих тенденций развития русской политической коммуникации.

Многообразие школ и направлений в современной политической лингвистике отражает тот интерес, который проявляется к политической речи, и то многообразие материала, методик, аспектов анализа и позиций, которое характерно для современной отечественной науки. В наиболее общем виде каждое конкретное современное исследование в облас-

ти отечественной политической лингвистики можно охарактеризовать с использованием следующей системы не всегда эксплицитно выраженных противопоставлений:

1) исследования в области теории политической лингвистики — описание отдельных элементов политического языка;
2) хронологические рамки исследования: советская или постсоветская эпоха;
3) поуровневый анализ языка (в том числе лексики, фонетики, словообразования, морфологии, синтаксиса) — комплексное исследование текста;
4) нормативный подход (анализ с позиций соответствия норме, обычно критический, с призывами к борьбе с «порчей русского языка») — дескриптивный (описательный) подход, т.е. фиксация и изучение новых явлений без их оценки;
5) изучение отдельных политических жанров, стилей, нарративов и текстов — исследование общих признаков политического языка;
6) исследование идиостилей отдельных политических лидеров, политических направлений и партий — изучение общих закономерностей политического языка;
7) дискурсивное изучение коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик — лингвистическое изучение политического языка;
8) использование методов психолингвистики, когнитивистики, социолингвистики, лингвокультурологии, структурализма, риторики, психолингвистики и др.;
9) изучение отечественной политической речи — сопоставительные исследования, выявление общих и особенных признаков политических дискурсов различных стран и эпох;
10) собственно политическая лингвистика — материалы по политической лингвистике, содержащиеся в исследованиях, ориентированных на смежные области науки.

Важно подчеркнуть, что во многих публикациях используются разнообразные методы и приемы изучения политической коммуникации, совмещаются нормативный и описательный аспекты исследования, последовательно изучаются различные языковые уровни и текстовые характеристики, привлекаются материалы, относящиеся к разным этапам развития русского политического языка.

Контрольные вопросы и задания

1. Чем отличаются публикации в рамках описательного и нормативного подходов к политической коммуникации?
2. Какие лингвистические методы используются при изучении политической коммуникации?
3. В какой мере сопоставительные исследования могут быть полезны специалистам по российской политической коммуникации?
4. Почему в некоторых публикациях лингвополитический характер исследования не отражается в заголовке?
5. Назовите ведущие направления современной политической лингвистики.
6. В советский период было опубликовано множество исследований, посвященных языку и стилю советской пропаганды и речевому мастерству лидеров страны. Чем можно объяснить тот факт, что современные лингвисты снова и снова обращаются к этому материалу?
7. Какой уровень языка (фонетический, лексический, морфологический или синтаксический) чаще становится материалом для лингвополитических исследований? Чем можно объяснить подобные различия?
8. Чем можно объяснить тот факт, что в современных политических публикациях значительно больше языковых ошибок и недочетов, чем в публикациях советской эпохи? Свидетельствует ли это о порче русского языка?
9. В какой мере представляют интерес для политической лингвистики речевые практики Бориса Ельцина или Джорджа Буша, российских коммунистов или национал-патриотов? Чему отдают предпочтение современные ученые: изучению идиостилей или исследованию общих закономерностей политического языка?

Глава 2

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ И ТЕРМИНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Среди направлений современного языкознания преобладают такие, которые объясняются общностью методологической базы, в этих направлениях существуют признаваемые большинством исследователей определения, термины, постулаты и принципы. К числу подобных направлений относятся, например, сравнительно-историческое языкознание, психолингвистика, когнитивная лингвистика. Исследования по политической лингвистике представляют собой общность несколько иного рода. Они объединены прежде всего изучаемым материалом (политический язык, политические тексты, политический дискурс), а потому в этой области знаний до настоящего времени не существует единой теоретической основы, методологии и терминологии. Однако необходим некоторый понятийный и терминологический минимум, без которого невозможно хотя бы элементарное взаимопонимание между специалистами и тем более систематическое изложение основ политической лингвистики.

Один из возможных комплексов базисных понятий и терминов политической лингвистики представлен в настоящем разделе, в первой части которого рассмотрены понятия, связанные с политической коммуникацией, а во второй — понятия, связанные с языковой (лингвоментальной) картиной политического мира.

Политическая коммуникация

Политическая коммуникация — это процесс общения между участниками политической деятельности. Термин *коммуникация* восходит к латинскому *communico*, что означает *делаю общим, связываю, общаюсь*. Современные специалисты называ-

ют коммуникацией совместную деятельность по кодированию, передаче и восприятию информации. В коммуникации участвуют две стороны: адресант (говорящий или пишущий) и адресат (слушающий или читающий). Основной способ передачи политической информации вербальный, т.е. с использованием языка, однако существуют и невербальные средства передачи политически важной информации (изображения, символы, мимика, жесты, позы и др.). В настоящем учебном пособии ведущее место занимает вербальная коммуникация, поэтому ниже рассматриваются основные понятия и термины, связанные с использованием языка в политической коммуникации.

1. Политический язык. Вопрос о существовании политического языка как особой знаковой подсистемы в составе национального языка является дискуссионным. Некоторые ученые считают, что политическая коммуникация происходит на совершенно особом варианте русского языка, который следует называть именно политическим языком. Сторонники противоположной точки зрения считают, что собственно языковые черты своеобразия политической коммуникации немногочисленны и малосущественны, что они не выходят за рамки грамматических и даже лексических норм русского языка.

На этом основании подвергается сомнениям даже само использование термина «язык» по отношению к предмету нашего изучения. И действительно, кажется вполне обоснованным вопрос: можно ли называть «языком» одну из лексико-фразеологических подсистем современного литературного языка? Однако хорошо известно, что в разговорной, научной или официально-деловой речи специфических признаков не меньше, чем в политической речи, а поэтому термин «политический язык» имеет не меньше прав на существование, чем попрежнему используемые лингвистами термины «официально-деловой язык», «разговорный язык» или «научный язык». Поэтому *политический язык* — это, конечно, не особый национальный язык, а ориентированный на сферу политики вариант национального (русского, английского или иного) языка. В последние годы, для того чтобы избежать нестрогого употребления термина *язык*, многие специалисты предпочитают говорить о специфике «научной речи» или «официально-де-

ловой речи»; соответственно при исследованиях политических текстов часто предпочитают говорить лишь об особенностях политической речи или политической коммуникации.

2. Политический текст. В лингвистике текст — это объединенная смысловой связью последовательность слов (предложений), основными свойствами которой являются связность и цельность. Политический текст может относиться к различным жанрам, он может быть устным (выступление на митинге или в парламентской дискуссии, доклад на партийном съезде, телеинтервью политического лидера и др.) и письменным (передовая или аналитическая статья в газете, листовка, программа политической партии и др.).

Содержательный признак рассматриваемого вида текстов — это отражение в них деятельности партий, других общественных организаций, органов государственной власти, общественных и государственных лидеров и активистов, направленной на развитие (в широком смысле) социальной и экономической структуры общества.

Целевой признак политического характера текста — это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям. Иначе говоря, для политического текста характерна прямая или косвенная ориентированность на вопросы распределения и использования политической власти. Во многих политических текстах содержится изложение фактов и мнений, но такая информация должна служить еще одним аргументом для убеждения адресата и в конечном счете влиять на его политическую позицию.

Контекст — это фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу (например, слово) и достаточный для определения значения этой единицы в данном тексте. Сама определяемая единица не входит в состав контекста. В одних случаях для правильного понимания смысла того или иного слова достаточно одного предложения, в других — необходимо учитывать значительно более обширный фрагмент текста и даже весь текст. По этому признаку различают узкий и широкий контекст. Некоторые специалисты понимают рассматриваемое понятие очень широко и поэтому использу-

ют также термины *политический контекст*, *ситуативный контекст* и *эстралингвистический контекст*, однако представляется, что для обозначения соответствующих понятий лучше использовать другие термины (*политический дискурс*, *политический нарратив*), о которых будет сказано ниже.

3. Политическая речь. В лингвистике речь (речевая деятельность) — это процесс использования языка, результатом речевой деятельности является создание текста. Соответственно политическая речь — это использование общенародного языка в процессе создания политического текста. Специфика политической речи определяется ее содержанием и проблематикой (распределение власти между государствами, в государстве и в его структурах), функциями (воздействие на политическую картину мира адресата, эмоциональное воздействие на адресата, склонение адресата к тем или иным действиям), идеологической обусловленностью при отборе и употреблении лексики и иных элементов, а также использованием характерных для этого вида деятельности коммуникативных стратегий и тактик.

В тех случаях, когда необходимо подчеркнуть участие в речевой деятельности не только адресанта (т.е. говорящего или пишущего), но и адресата (т.е. слушающего или читающего), часто используется термин «политическая коммуникация».

В политической коммуникации в отличие от бытовой или художественной субъектом и адресатом речевой деятельности во многих случаях является не человек как частное лицо, а человек как представитель определенной политической организации или властной структуры. Например, многие политические документы формально как бы не имеют автора и обнародуются от имени организации, государственной структуры; соответственно речь, написанная референтом, воспринимается и анализируется как речь президента, а многие политические документы подписываются не их реальным составителем, а руководителем политической организации или властной структуры.

4. Стиль политического языка. Стиль политического языка (политический языковой стиль) — это речевые особенности использования национального языка, присущие определенному политику, определенной политической партии или организации.

Особенности политического языкового стиля могут быть связаны с предпочтением тех или иных языковых средств. Например, специалисты сравнили тексты интервью, которые давали журналистам ведущие политики современной России, и выяснили, что самыми многословными были ответы М.С. Горбачева, а самыми краткими — ответы Б.Н. Ельцина. Президент М.С. Горбачев нередко использовал книжные необщеупотребительные слова иностранного происхождения, а в речи действующего президента России иногда встречаются жаргонные слова и выражения.

Во многих случаях специалисты рассматривают не языковые особенности отдельных политиков, а способы выражения, характерные для типичных представителей тех или иных политических партий. Например, отечественные выразители либеральных ценностей (Б. Немцов, И. Хакамада, Е. Гайдар) максимально активно используют заимствованные политические термины, тогда как представители национально-патриотических сил во многих случаях предпочитают традиционно русские обозначения.

В современной отечественной политической лингвистике активно ведется изучение как стилистических особенностей политических партий, так и идиостилей отдельных политиков.

5. Политическая сфера коммуникации и ее разновидности. Вопрос о принципах выделения сфер коммуникации, об их соотношении со сферами использования традиционно выделяемых функциональных стилей и о самом количестве таких сфер относится к числу дискуссионных. Несомненно только, что выделяемые в современной лингвистике сферы коммуникации лишь частично соотносятся со сферами использования тех или иных функциональных стилей.

К числу ведущих сфер коммуникации, помимо политической, относятся следующие: финансовая, юридическая, производственная, медицинская, научная, педагогическая, религиозная, бытовая, сфера массовой информации и сфера искусств. Эти сферы противопоставлены друг другу по целям общения: в политической сфере целью является борьба за власть, в юридической — регулирование правоотношений, в финансовой — учет и распределение, в научной — выявление законов организации и развития природы, человека и общества, в педагогической — социализация личности и др.

Субъектом деятельности в политической коммуникации является человек как гражданин, как представитель политического объединения или государственного органа; субъектом коммуникации может быть и исключительно политическое объединение или государственный орган. В финансовой сфере субъектом коммуникации является продавец или покупатель (это может быть частное лицо, организация или представитель этой организации). Соответственно в юридической сфере осуществляется коммуникация между органами власти, организациями и физическими лицами (но закон строго определяет возраст, состояние здоровья и другие условия юридической дееспособности человека). В религиозной сфере человек общается с Богом и его «представителями» на земле.

Как известно, в современной функциональной стилистике выделяется пять основных функциональных стилей (функциональных типов) речи — научный, публицистический, официально-деловой, разговорный, художественный (М.Н. Кожина, Д.Н. Шмелев и др.). Исследуемые в политической лингвистике тексты, как правило, относятся к публицистическому или официально-деловому стилю. Специальные наблюдения показывают, что научное или художественное описание политических событий, бытовые разговоры «о политике» строятся по иным стилистическим законам, чем политические тексты в официально-деловом и публицистическом стилях. Поэтому художественные, бытовые и научные тексты политической тематики можно отнести лишь к дальней периферии политической речи.

В зависимости от того, кто и для кого создает тексты, целесообразно различать следующие разновидности (уровни, подсферы), относящиеся к ядру политической коммуникации:

1) аппаратная (служебная, внутренняя, бюрократическая) политическая коммуникация, ориентированная на общение внутри государственных или общественных структур. Такая коммуникация предназначена только «для посвященных», формальным признаком соответствующих текстов нередко служат грифы «секретно», «для служебного пользования». Несанкционированная «утечка» такой информации может служить причиной служебного расследования;

2) политическая коммуникация в публичной политической деятельности. Подобная коммуникация является формой осуществления профессиональной и общественной деятельности политических лидеров и активистов; в качестве адресата здесь выступают самые разнообразные слои населения. Наиболее яркие примеры такой деятельности — это предвыборная агитация, парламентские дебаты (особенно если депутат надеется, что его выступление станет известно избирателям), официальные выступления руководителей государства и его структур, рассчитанные на массовую аудиторию;
3) политическая коммуникация, осуществляемая журналистами и при посредстве журналистов. Такая коммуникация также рассчитана на массовую аудиторию; примерами могут служить интервью, аналитическая статья в газете, написанная журналистом, политологом или политиком (часто при помощи специалиста по СМИ). Журналисты в рассматриваемом случае привлекают внимание аудитории к проблеме, предлагают пути ее решения, сообщают об отношении к ней политических организаций и их лидеров, помогают политикам в решении их задач. Политически неактивные граждане воспринимают политическую информацию преимущественно в том виде, как она предстает в СМИ;
4) политическая речевая деятельность «рядовых» граждан (не профессионалов в области политической коммуникации), которые участвуют в митингах, собраниях, демонстрациях. Такие коммуниканты обычно воспринимаются как своего рода представители «народа», избирателей, «трудящихся» или каких-то групп граждан, связанных профессией, возрастом, местом проживания и др.

Иногда в качестве особого уровня выделяют парламентскую и переговорную коммуникацию. Возможна и иная точка зрения: публичные выступления в парламенте можно считать разновидностью публичной политической деятельности, а закрытая для публики работа в комитетах очень близка к

аппаратной коммуникации. Разновидностью последней можно считать и коммуникацию в процессе переговоров.

6. Жанры политической речи. Каждой коммуникативной ситуации в политической речи соответствует свой корпус жанров. Различают политические жанры устной речи (выступление на митинге, доклад, беседа, дебаты, интервью и др.) и жанры письменной речи (программа, листовка, газетная статья, письмо политическому лидеру и др.). Жанр — это важное средство индивидуализации текста, его соотнесения с условиями речевой деятельности. Для каждого жанра существуют строгие правила организации текста.

В зависимости от функции различаются ритуальные жанры (инаугурационное обращение, приветственное слово и др.), ориентационные жанры (доклады, указы, договоры, соглашения), агональные жанры (лозунг, листовка, выступление на митинге, речевка) и информативные жанры (газетная информация, обращения граждан к политикам или в СМИ).

По объему информации среди жанров политической речи различаются малые (лозунг, слоган, речевка), средние (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.) и крупные (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики и др.).

В зависимости от цели высказывания в политической коммуникации различают информативные, оценочные и императивные жанры. Показательно, что информация, оценка и императив могут присутствовать в одном и том же тексте. Например, в агитационной предвыборной листовке обычно содержится информация о кандидате, его положительная оценка и призыв оказать ему доверие. Вместе с тем существуют тексты, в которых заметно преобладает один из названных выше жанровых признаков. Примером преимущественно информативного жанра могут служить автобиографические книги политических лидеров.

Ярким примером императивности могут служить лозунги, широко использовавшиеся в советском политическом языке. Лозунг — это фраза, которая в краткой и яркой форме передает руководящую идею, актуальную задачу или требование. Хороший лозунг, как правило, отличается эстетической организацией формы, для чего используются метафоры, эллип-

сис, анафора, лексический повтор, синтаксический параллелизм и другие средства выразительности. В истории политической коммуникации навеки останутся лучшие (с точки зрения мастерства их создателей) советские лозунги: «Мы — не рабы, рабы — не мы», «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!», «Пятилетку — в четыре года!», «Профсоюзы — крылья советов!», «Партия — наш рулевой», «Экономика должна быть экономной».

Современные специалисты по организации политических кампаний предпочитают использовать не традиционные обозначения «лозунг» и «призыв», а пришедшее из английского языка слово «слоган». При этом иногда пытаются обнаружить некоторые смысловые различия между рассматриваемыми идеологемами. Например, дифференциация слогана и лозунга может быть ориентирована на разграничение коммунистической и либеральной пропаганды. Кроме того, анализ специальной литературы показывает, что слово «слоган» часто используется как общее наименование для любой яркой, запоминающейся фразы (или ее компонента), в том числе такой, которая не является собственно лозунгом, т.е. не передает основную идею, а просто привлекает внимание к лозунгу или закрепляет его в сознании. К числу таких «слоганов-нелозунгов» специалисты по теории рекламы причисляют заголовки, завершающие текст эхо-фразы, саунд-байты. Примером саунд-байта может служить фраза, которую президент США Буш-старший часто повторял, предваряя особо важную часть своей речи: «Следите за моими губами».

Хороший слоган легко и прочно запоминается. Ярким примером могут служить некоторые зарубежные слоганы: *Лейборизм не работает* (Великобритания, консерваторы); *Социализм слишком дорог* (Австрия, правые); *Сердце всегда будет биться слева* (левые, Франция); *Большинство получит большинство* (центристы, Франция). Удачные слоганы появились в последние годы в России: *Голосуй или проиграешь! Выбирай сердцем!* (Б. Ельцин); *Ваша судьба — в ваших руках* (Г. Зюганов); *Нам здесь жить* (Е. Дарькин); *Наш дом Россия: Не допустим революций* (В. Черномырдин); *Не за награды... Могу, значит должен* (А. Лебедь); *Не дай Бог* (против Г. Зюганова); *Не граждане для государства, а государство для граждан* (Г. Явлинский); *Кто в лесу хозяин? Медведь* («Единство»).

Слоган может быть предъявлен автономно (например, написан на транспаранте или даже на заборе) и в составе текста (например, в листовке, телепередаче или газетной статье). В последнем случае он должен быть выделен шрифтом, цветом, месторасположением и/или другими средствами. Это позволяет слогану реализовать свои основные функции: привлечь внимание, вызвать интерес, предложить идею, закрепить ее в сознании адресата.

7. Политический дискурс. Важнейший для политической лингвистики термин «дискурс» не имеет до настоящего времени единого определения. Как показывает Патрик Серио (1999), во французской лингвистике термин *дискурс* может обозначать и речевую деятельность, и текст, и контекст, и высказывание в его взаимосвязях с коммуникативной ситуацией. Похожая ситуация существует и в российской науке: дискурс определяется как «текущая речевая деятельность в данной сфере», «творимый в речи связный текст», «завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определенной ситуации и в определенных социокультурных условиях общения». Как показывают специальные обзоры, в современной науке не существует единого понимания и видового термина «политический дискурс».

Представляется, что нет необходимости использовать термин *дискурс* для обозначения понятий, за которыми в лингвистике уже давно закрепились устойчивые названия. Едва ли есть смысл называть дискурсом контекст (как фрагмент текста), текст, нарратив (а также какое-либо иное объединение текстов) или речевую деятельность. В современной лингвистике дискурс обычно трактуется как более широкое понятие. Так, по определению Т.А. ван Дейка, дискурс — это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное событие» (Дейк, 1989. С. 46). Преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. По словам Ю.Н. Ка-

раулова и В.В. Петрова, дискурс — это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» (1989. С. 8). По образному выражению Н.Д. Арутюновой, дискурс — это «речь, погруженная в жизнь» (1998. С. 137).

Политическая «жизнь», определяющая восприятие текста, максимально многообразна. Поэтому в содержание **политического дискурса** должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи. К числу этих компонентов относятся другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, представление автора об адресате, политическая ситуация, в которой создается и «живет» данный текст.

Изучение политического текста и его элементов в дискурсе — это прежде всего исследование степени воздействия на данный текст и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов. Многие ученые считают, что «текст» — это понятие собственно лингвистическое (высшая единица синтаксиса), а термин «дискурс» имеет лингвосоциальный характер, это предмет исследования лингвокультурологии, социолингвистики, политической лингвистики.

В необходимых случаях выделяют специфику митингового или парламентского дискурса, регионального или федерального дискурса, фиксируют особенности дискурса конкретной избирательной кампании или определенного этапа развития политического языка. Например, выражение *митинговый дискурс* обозначает разновидность политического дискурса, в котором на содержание и оформление текстов оказывает воздействие политическая коммуникативная ситуация «митинг». Участники митингов вольно или невольно ведут себя именно так, как это принято в соответствующей ситуации, выступления на митинге строятся иначе, чем выступления в парламенте или на партийном форуме. При необхо-

димости специалисты изучают также коммуникативные ситуации, в которых политический дискурс взаимодействует с дискурсом иной коммуникативной сферы (религиозным, юридическим, военным и др.).

Контрольные вопросы и задания

1. Объясните, как соотносятся термины *русский язык*, *современный русский язык* и *современный русский политический язык*?
2. Имеются ли в русском политическом языке такие фонемы, морфемы, слова и синтаксические конструкции, которых нет в языке русской публицистики или в русском национальном языке?
3. Что такое политический текст? Чем он отличается от публицистического текста? Может ли один и тот же текст одновременно быть и политическим, и публицистическим?
4. Назовите содержательный и целевой признаки политического текста.
5. Как соотносятся термины *политическая речь* и *политическая коммуникация*?
6. Назовите основные задачи и основные уровни политической коммуникации. Входят ли в сферу политической коммуникации политические анекдоты и научные монографии политологов?
7. Приведите примеры малых, средних и крупных жанров политической речи. Какие особенности малых жанров должны учитывать политики?
8. В какой степени жанровые признаки политического текста зависят от коммуникативной ситуации и личности автора?
9. Насколько удачными являются следующие слоганы: *Сердце всегда будет биться слева* (французские социалисты); *Не граждане для государства, а государство для граждан* (Г. Явлинский); *Кто в лесу хозяин? Медведь* («Единство»). Чем эти слоганы могут привлечь внимание избирателей и повлиять на их выбор?
10. Какое из предлагаемых обозначений лучше использовать: *язык Ю.М. Лужкова*, *стиль Ю.М. Лужкова*, *речь Ю.М. Лужкова*? Обоснуйте свою точку зрения.

Языковая картина политического мира

Одно из основных понятий современной лингвистики — «языковая картина мира», т.е. целостная совокупность образов действительности, которая существует в индивидуальном или коллективном сознании и отражается в коммуникативной деятельности. Поскольку языковая картина мира существует не в языке, а в сознании, то многие специалисты предпочитают использовать термин *лингвоментальная картина политического мира*.

Политическая сфера — это важная часть национальной культуры. Языковая картина политического мира представляет собой сложное объединение ментальных единиц (концептов, стереотипов, сценариев, концептуальных полей, ценностей и др.), относящихся к политической сфере коммуникации и политическому дискурсу. Большинство этих единиц зафиксированы в языке при помощи слов, составных наименований, фразеологизмов и в той или иной мере навязывают человеку определенное видение мира, особенно в аспекте его категоризации и оценки. Рассмотрим особенности конкретных единиц, образующих языковую картину политического мира.

1. Политические концепты. В современной лингвистике *концепт* — это единица сознания (ментальная единица), которая обозначается словом (фразеологизмом, составным наименованием и др.). Наибольший интерес для науки представляют концепты, отражающие важнейшие элементы национального политического сознания. Совокупность таких концептов образует политическую концептосферу, в которой концентрируется политическая культура нации.

Содержание концепта значительно шире содержания, обозначающего данный концепт слова (термина), поскольку в содержание концепта входят не только понятийные, но и эмоциональные, ценностные, культурно-исторические и образные компоненты. Рассмотрим с этой точки зрения структуру концепта «Государственная дума».

1. Понятийный компонент. В соответствии с Конституцией Российской Федерации Государственная дума —

это нижняя палата Федерального собрания как высшего законодательного органа страны. В связи с этим членов Государственной думы нередко называют парламентариями, что подчеркивает близость их прав и обязанностей функциям депутатов парламентов других стран.

2. Культурно-исторический компонент. Название современного российского парламента, с одной стороны, подчеркивает преемственность этого законодательного органа с Государственной думой Российской империи, а с другой — по существу противопоставлено названию Совета Федерации — высшего законодательного органа Советского Союза. В сознании нашего общества присутствуют также события, связанные с появлением постсоветских органов государственной власти, и вооруженное столкновение между сторонниками президента и парламента в 1993 г.

3. Образный компонент. Государственная дума — это, во-первых, величественное здание в центре Москвы, а во-вторых — установленная процедура принятия судьбоносных для России решений.

4. Ценностный компонент. В современном обществе демократия — это одна из главных политических ценностей. Государственная дума — это важная часть демократического устройства современной России, важнейшая составляющая законодательной власти.

5. Эмоциональный компонент. В России с давних пор нет должного уважения к власти и людям, ее олицетворяющим. К сожалению, деятельность депутатов Государственной думы и их личные качества не всегда вызывают у наших граждан только положительные эмоции. Негативной оценке в значительной степени способствовали также памятные для страны скандалы и физические столкновения в стенах Думы.

Концепт охватывает все богатство содержания слова и представлений носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым во всем многообразии его качеств, признаков, связей и оценок.

2. Ментальные сферы (ментальные поля). Образующие языковую картину политического мира концепты могут относиться к различным сферам политической жизни. В процессе классификации разграничиваются сферы внутренней и внешней политики. К сфере внешней политики относится языковая «карта» политического мира, образы зарубежных стран, населяющих их народов, глобальные объединения по религиозным, расовым и социокультурным признакам. Например, в современном русском национальном сознании разграничиваются ближнее и дальнее зарубежье, страны западной и восточной цивилизации, страны католической, православной, протестантской, мусульманской, буддистской и иных религий. К этой же сфере относятся типовые представления о различных государствах (например, концепты «Франция», «Соединенные Штаты», «Япония») и о национальном характере тех или иных народов (этнические стереотипы), о взаимоотношении России с различными государствами и цивилизациями. Со временем эти представления изменяются, а вместе с этим преобразуются языковые единицы, которые отражают или, по выражению Е.С. Кубряковой, «схватывают» концепты как ментальные единицы. Вместе с тем в процессе речевой деятельности происходит кристаллизация новых концептов, для фиксации которых нередко применяются уже готовые лексические единицы, в том числе с использованием ресурсов метафоризации.

Языковая картина политического мира включает ментальные поля «Субъекты политической деятельности» (политические партии и организации, политические лидеры и активисты, граждане, избиратели и др.), «Органы государственной власти» (федеральные и региональные, представительной, исполнительной и судебной), «Политическая борьба и ее формы» (митинги, демонстрации, выборы и др.), «Политическая агитация» и др.

Названные ментальные поля существуют в национальных картинах всех современных цивилизованных народов; как правило, совпадают даже составляющие эти поля концепты. Вместе с тем каждый язык представляет собой оригинальную категоризацию и оценку политической реальности. Например, при общности функций наш концепт «милиция» воспри-

нимается в русском национальном сознании не так, как концепт «полиция» в представлении граждан Германии или США. Наши соотечественники значительно меньше, чем американцы или немцы, верят в то, что результаты политических выборов в их родной стране подводятся объективно и действительно позволяют выявить наиболее достойных кандидатов.

3. Стереотипы в политическом дискурсе. Понятие «стереотип», предложенное еще в начале прошлого века американским журналистом У. Липпманном для характеристики особенностей массового сознания, в настоящее время нашло широкое применение в политической лингвистике. **Стереотип — это схематичное и стандартное представление о политическом феномене, отличающееся устойчивостью и эмоциональной окраской.** Например, в соответствии со стереотипными для российского сознания представлениями итальянцы музыкальны, эмоциональны, чрезмерно жестикулируют, обожают макароны. Разумеется, речь идет не о всеобщих, а только типичных качествах; подобные свойства характерны не для каждого итальянца, а лишь для большинства представителей этой нации, что не исключает существования разного рода индивидуальных отклонений.

Стереотипы формируются под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. В зависимости от сферы существования (нация в целом, члены определенной партии, представители профессиональных или иных социумов и др.) различают стереотипы национальные, партийные, социумные, групповые и личностные.

Стереотипы возникают в силу действия двух тенденций человеческого сознания: стремления к **конкретизации,** т.е. к сближению абстрактных сущностей с какими-то конкретными образами, и тенденции к упрощению, редукционизму, суть которой сводится к выделению нескольких признаков в качестве ведущих для обозначения сложных явлений. Например, в отечественной ментальности закрепились стереотипы о немецкой педантичности, африканском темпераменте, вспыльчивости итальянцев, упрямстве финнов, медлительности эстонцев и французской галантности.

Исследователи отмечают, что национальные стереотипы, с одной стороны, облегчают межнациональное взаимодействие,

так как они выступают как своего рода ориентиры для «среднего человека», не обладающего запасом знаний и способностью быстро разобраться в сплетении фактов, мнений, цифр.

С другой стороны, национальные стереотипы слишком упрощают столь сложное явление, как национальный характер. Специалисты отмечают, что каждая нация склоняется к завышенной самооценке и недооценке групп чужих, которые преимущественно представлены в аспекте социокультурных различий, отклонений от господствующих норм и ценностей, жестокости и угрозы. В стереотипных представлениях национальные различия между этносами усилены и увеличены, а сходства игнорируются и уменьшаются.

Специалисты различают гетеростереотипы (представления о других) и автостереотипы (представления о самом себе как некоторой культуры, образ «себя»). Анализ стереотипов восприятия нацией самой себя позволяет лучше понять национальное самосознание, национальные ценности, образ мышления. Позитивные национальные автостереотипы создают возвышающий имидж своей нации, а негативные гетеростереотипы зачастую формируют «образ врага», т.е. негативные представления о нации, государстве или группе государств, которые используются для контроля над массовым сознанием и для культивирования чувств страха, недоверия и враждебности. «Образ врага» имеет свой антипод — «образ друга», т.е. намеренное акцентирование позитивного имиджа (например, в пропаганде времен «реального социализма»).

Важно подчеркнуть, что стереотипное восприятие «чужого» этноса характеризует не столько его, сколько этнос, в котором оно образовалось и бытует. Оценки какой-либо нации со стороны людей иных национальностей весьма различны, поскольку национальные стереотипы представляют собой своего рода проецирование «своих» ценностей на «чужие». Именно этим объясняется, например, тот факт, что восприятие французов в русском национальном сознании значительно отличается от восприятия испанского или немецкого национального сознания. Внедрение стереотипов в массовое сознание, как правило, не преследует цели сознательно оскорбить другую нацию. Сталкиваясь с по-иному структурированной картиной мира, с иными морально-этическими

ценностными ориентирами определенного социума, стереотипы восприятия «чужого» мобилизуют общественное мнение своей страны, формируя негативный имидж другой нации, что неизбежно обедняет и сужает сферу интересов адресата и эффективность культурного диалога.

4. Ценности и антиценности в политическом дискурсе. Политическое сознание отдельного человека, социума или нации в целом в значительной степени определяет принимаемая система ценностей и антиценностей. В данном случае «ценность» — это то, что субъекты политической деятельности (конкретные люди, политические движения, партии и др.) считают наиболее важным для себя, к чему они стремятся, за что готовы бороться. Соответственно «антиценность» — это то, что воспринимается как нежелательное, вредное, против чего борются субъекты политической деятельности.

При наиболее общем подходе целесообразно использовать следующую классификацию политических ценностей:

- Высшие ценности — человечество, человек.
- Материальные ценности — природные ресурсы, труд, орудия и продукты труда, необходимые для существования человечества и его воспроизводства.
- Ценности социальной жизни — различные общественные образования, возникающие в ходе прогрессивного развития человечества, общественные институты, необходимые для жизнедеятельности общества: семья, нация, класс, государство.
- Ценности духовной жизни и культуры — научные знания, философские, нравственные, эстетические и другие представления, идеи, нормы, идеалы, призванные удовлетворять духовные потребности.
- Политические ценности — свобода, демократия, права человека, права нации и др.

С точки зрения значимости предметов для общества и человека ценности можно разделить на две группы:

1) абсолютные ценности — предметы или свойства, которые везде и всегда сохраняют для людей значение безусловной ценности: жизнь, здоровье, знания.

2) относительные ценности — предметы и их свойства, значение которых меняется по каким-либо причинам (историческим, классовым и др.).

При выявлении системы ценностей того или иного субъекта политической деятельности используются следующие критерии:

1) Высокая частотность слов, обозначающих соответствующие ценности и антиценности, в соответствующих текстах. Например, В.В. Путин в своих выступлениях постоянно обращается к таким ценностям, как *свобода, демократия, экономический рост*.
2) Представление ценностей и антиценностей в качестве объекта борьбы. Президент России В.В. Путин заявляет: *«Наша позиция ясна —* ***защищать гражданские, политические, экономические свободы****».*
3) Толкование слов (определение понятий), обозначающих соответствующие ценности и антиценности. Так, в речах В.В. Путин считает нужным обратиться к этимологии слова *демократия: «****Демократия*** *— это* ***власть народа****».* В качестве элементов толкования можно рассматривать и своего рода справки об истории соответствующих ценностей. Ср.: *«В свое время* ***демократия*** *применялась в Древней Руси в прямом ее варианте и в древнем Новгороде, и во Пскове. Это так называемое народное вече, когда народ весь собирается на площади и решает прямо на месте ключевые вопросы своей жизни»* (В.В. Путин).
4) Конкретизация представлений о ценностях и антиценностях. Например, президент России В.В. Путин следующим образом конкретизирует ценность понятия *свобода: «Наша задача — научиться использовать инструменты государства для обеспечения* ***свободы — свободы личности, свободы предпринимательства, свободы развития институтов гражданского общества****».*
5) Характеристика и особенно сопоставление «наших» (т.е. своих собственных, своей партии, своей страны) и «чуждых» (т.е. характерных для других партий, идео-

логий или государств) ценностей и антиценностей. Например, В.В. Путин в своих выступлениях противопоставляет *демократию* таким феноменам, как *тоталитаризм*, *репрессии*, *заключение*, *изгнание*.

Заканчивая рассмотрение языковой картины политического мира, необходимо отметить, что знаменитый тезис В. фон Гумбольдта «Язык есть выражение духа народа» в полной мере относится и к сфере интересов политической лингвистики. Уточним только, что этот дух, с одной стороны, имеет глубокие исторические корни, а с другой — изменяется вместе с изменением социально-политических условий.

Таким образом, политическая лингвистика на современном этапе ее развития превратилась в особое научное направление, для которого характерны не только специфические объект и принципы исследования, но и особый понятийно-терминологический аппарат, особый предмет изучения. Вместе с тем политическая лингвистика в ее современном состоянии не имеет каких-либо особых, специфических методов научного исследования, она по-прежнему отличается мультидисциплинарностью подходов и широким спектром относительно автономных направлений.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое языковая картина политического мира? Каковы составляющие этой картины?
2. Могут ли те или иные фрагменты языковой картины политического мира совпадать у российских коммунистов и членов партии «Яблоко»? Могут ли полностью совпадать у различных партий языковые картины политического мира?
3. Что такое политический концепт, какие компоненты составляют его содержание?
4. Что такое концептуальное поле? Назовите ведущие концептуальные поля, присутствующие в политической картине мира.
5. В какой мере существующие стереотипы отражают реальные национальные характеры русских, поляков или французов?
6. Должны ли политические лидеры учитывать стереотипы, существующие в национальном сознании? Обоснуйте свое мнение.

7. Что такое автостереотипы и гетеростереотипы? В какой степени совпадают мнения о *своих* и *чужих* в представлениях разных народов?
8. Раскройте сущность понятий *ценности* и *антиценности* в политической лингвистике. В какой мере совпадают и в какой степени различаются ценности и антиценности в политической картине мира партий, представленных в существующей Государственной думе?
9. Каким образом специалисты выявляют стереотипы и ценности, присущие картине мира того или иного политика?
10. Выделите термины политической лингвистики, которые использует автор одной из научных статей, указанных в библиографии, и раскройте содержание этих терминов.

Глава 3

ТИПОВЫЕ СВОЙСТВА, ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

При всем многообразии политических стилей и жанров, при всех различиях коммуникативных стратегий и тактик, используемых в политической коммуникации, при всей значимости специфики конкретных дискурсов специалисты стремятся выделить некоторые общие черты, свойственные самым разнообразным политическим текстам. Эти общие признаки в значительной степени связаны со специфическими функциями политической коммуникации и дискурсивными характеристиками ее осуществления.

Типовые свойства политической коммуникации

Речь политика должна обладать множеством, казалось бы, противоречащих друг другу качеств. Она должна быть понятна всем, и в то же время некоторые ее детали должны уловить только «посвященные». Политик должен говорить именно так, как требуют его статус и ситуация, и вместе с тем выражать собственную позицию. Слова политика должны быть концентрированным выражением мнения его избирателей, и вместе с тем он должен выражать собственную точку зрения, оказывать влияние на политические настроения в обществе. Политик должен уметь решительно отстаивать свою точку зрения, и вместе с тем он обязан быть толерантным к иным воззрениям.

Изучение закономерностей политической коммуникации позволяет выделить следующие ее типовые свойства, представленные в виде своего рода антиномий — противоречевых тенденций, каждая из которых в той или иной мере отражает сущность объекта.

1. Ритуальность и информативность политической коммуникации. Казалось бы, политические тексты должны быть максимально информативными, т.е. реализующими коммуникативную функцию, передающими новую информацию, однако политическая коммуникация нередко оказывается ритуальной, т.е. такой, для которой характерны фиксированность формы и отсутствие установки на новизну содержания. Например, в публичном политическом дискурсе советской эпохи существовали освященные традицией правила политической коммуникации: всем посвященным было известно, кто, что, когда и в какой форме должен сказать, а также кто и как должен отреагировать на слова выступающего (бурные аплодисменты, просто аплодисменты, выступления в прениях, последующая организация собраний для выражения поддержки и др.). Типичный пример ритуальной политической коммуникации — партийный съезды или сессии Верховного Совета периода развитого социализма. Программы таких форумов были заранее тщательно спланированы, а делегаты и депутаты превращались в участников грандиозного спектакля.

Основная задача публичной ритуальной коммуникации — фиксация своей приверженности существующим правилам и подтверждение своей социальной роли; с этой точки зрения ритуал противопоставлен диалогу как свободному обмену мнениями. Вместе с тем политические функционеры и журналисты «советской школы» гордились своим умением «в рамках дозволенного» и со ссылками на классиков марксизма поставить сложнейшую проблему, т.е. превратить ритуальную коммуникацию в информативную.

Представляется, что современная политическая коммуникация часто бывает не менее ритуальной, чем в советские времена, но сейчас изменились ритуальные правила и соответствующие им роли. Современный ритуал — это исполнение ролей «народного заступника», «поборника прав человека», «патриота», «центриста», «рыночника», «ортодоксального коммуниста», активиста движения зеленых и др. Например, если намечается строительство нефтепровода для экспортных операций, то можно заранее предположить, что одни политики будут говорить о загубленной природе, другие — о распродаже сырьевых ресурсов и превращении России в сы-

рьевой придаток Запада, третьи — о выгодах экономического сотрудничества, а четвертые — о том, что полученные за проданную нефть деньги все равно разделят бюрократы и олигархи, а народ останется обездоленным.

Если в советский период, когда официально существовала лишь одна политическая партия, ритуальная коммуникация была информативно ориентирована на поддержку властных структур, то современный ритуал имеет критическую направленность. При оценке едва ли не любого действия правительства правая оппозиция характеризует его как ущемляющее права личности и экономическую свободу, а левая (национал-патриотическая и коммунистическая) — как противоречащее национальным традициям, ведущее к разграблению государства и обнищанию народа, очередной шаг к отказу от социальных завоеваний советской эпохи. Иначе говоря, ритуал стал, во-первых, иным, во-вторых — более разнообразным.

Ритуальность может проявляться в различной степени: существуют ситуации, когда политическая коммуникация абсолютна ритуальна, но во многих других случаях ритуальность минимальна и коммуниканты стремятся сделать свое выступление нестандартным по форме и максимально информативным по содержанию.

2. Институциональность и личностный характер политической коммуникации. В социолингвистике разграничивают два ведущих вида дискурса: персональный (личностный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность, со всеми присущими ей индивидуальными характеристиками и особенностями.

Во втором случае говорящий выступает как представитель определенного социального института и как носитель определенного социального статуса, что предопределяет соблюдение установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм. Такое общение — это «коммуникация в своеобразных масках» (В.И. Карасик), за которыми скрываются личностные качества.

Политическая коммуникация преимущественно институциональна: это означает, что общение происходит не столько между конкретными Иваном Петровичем и Василием Сидоровичем, сколько между представителем одного социального

института (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета и т.п.) и представителем другого социального института, или «гражданином», «избирателем». В каждом социальном институте существует определенный стандарт поведения, в том числе речевого. Соответственно принадлежность человека к каждому социальному институту предопределяет соблюдение им правил поведения, существующих для каждой формы политического коммуникативного взаимодействия (митинг, парламентская полемика, работа в парламентских комитетах, интервью, встреча с избирателями, поздравление, награждение и др.).

В институциональном общении, в отличие от личностного, жестко зафиксирован статус каждого коммуниканта (избиратель, депутат, представитель общественной неполитической организации, лидер партии и др.), его политическая роль (например, представитель правящей партии, представитель конструктивной или непримиримой оппозиции, государственный служащий определенного ранга).

Социальный институт предопределяет строгую систему целесообразно ориентированных стандартов поведения в тех или иных ситуациях, и эти стандарты имеют иной характер, чем при личностном общении. Например, если политическое обращение адресовано «Министру образования Российской Федерации Владимиру Филиппову», то ответить на него в той или иной форме может не только сам министр, но и его заместитель, поскольку в данном случае социальный статус важнее личностного. Совсем иначе обстоит дело в личностной коммуникации: на личное письмо родственников к Владимиру Филиппову в каких-то ситуациях от имени семьи может ответить жена или сын министра, но этого не будет делать его заместитель.

В каждом языке существуют специальные языковые средства, сигнализирующие об институциональном или личностном характере коммуникации, о ситуации и о социальных ролях коммуникантов. Например, в русской речи очень показателен выбор обращения: в зависимости от ситуации политический лидер обращается к «дорогим товарищам», к «господам», к «россиянам», к «соотечественникам» или к «уважаемым избирателям». При личностной коммуникации возмож-

но обращение по сокращенному имени, по отчеству (без имени), а также общение с использованием местоимения «ты». В политической коммуникации постоянно наблюдается взаимодействие: устранение личностного начала превращает участников институционального общения в бездушных роботов, однако существует грань, выход за которую воспринимается как нарушение существующих норм.

Уровень институциональности сокращается в жанрах, совмещающих признаки публицистического, личностного и политического дискурса, особенно в тех ситуациях, когда политические проблемы отражаются в средствах массовой информации с использованием специальных жанров (репортаж, фельетон, колонка обозревателя и др.). Вместе с тем во многих случаях даже политики стремятся сделать свое выступление более естественным, приближающимся по своим внешним признакам к бытовому диалогу. Примером может служить следующий фрагмент из парламентского выступления писателя-депутата Чингиза Айтматова:

«Вот здесь сидит мой друг Алесь. Я к Адамовичу обращаюсь. Мы с тобой, Алесь, старые друзья, мы с тобой понимаем друг друга с полуслова... Поэтому не время сейчас, Алесь дорогой, терзать собственные души и вводить какую-то смуту...»

Такое построение речи производит впечатление особой доверительности, искренности, позволяет сказать больше, чем это позволяет официальная обстановка.

3. Эзотеричность и общедоступность политической коммуникации. Политические тексты, казалось бы, должны быть максимально доступными для адресата, политики постоянно говорят о своей близости к народу, о выражении его интересов. Чтобы народ поддерживал ту или иную политическую партию, речь ее лидеров должна быть по меньшей мере понятна избирателям. Однако в действительности многие политические тексты являются в той или иной мере эзотеричными. Эзотеричность коммуникации — это ее доступность только для специалистов, для людей, способных почувствовать в ней скрытый смысл, подтекст, для которых важно не только то, что сказал политик, но и то, как он это сказал и о чем он умолчал.

В некоторых исследованиях, посвященных русскому политическому языку советского периода, эзотеричность пред-

ставляется как типичное свойство лишь советского «новояза». Это не совсем верно: эзотеричность в несколько иной форме присутствует и в современном российском политическом дискурсе, она легко обнаруживается и при анализе зарубежных текстов.

Следует различать эзотеричность и смысловую неопределенность высказывания. При эзотеричности смысл понятен хотя бы специалистам, при неопределенном ответе участник диалога вообще не предоставляет запрашиваемую информацию или предоставляет ее в неполном виде. Существуют стили и жанры речи, где важнейшим требованием к манере изложения является смысловая точность, а неопределенность высказывания считается его серьезным недостатком. Например, авторы научных текстов ради точности готовы пожертвовать красотой слога. Совершенно иначе обстоит дело в политической речи, где красивый лозунг часто оказывается более эффективным, чем самая тщательная рациональная аргументация.

По словам знаменитого французского министра иностранных дел князя Талейрана, слова используются дипломатом для того, чтобы скрывать свои мысли. Этот афоризм в значительной степени относится и к политикам, которые просто обязаны уметь отвечать на каверзные вопросы, не разглашая конфиденциальной информации и не давая повода для упреков.

Политические лидеры во многих случаях вынуждены изъясняться в максимально обобщенной форме, употреблять слова и выражения, которые различные адресаты понимают по-своему. Например, призывы М.С. Горбачева к перестройке были поддержаны подавляющим большинством населения страны, в том числе Центральным Комитетом КПСС, во многом потому, что первоначально не были конкретизированы цели и пути ее осуществления.

Существуют политические понятия и лозунги с максимально обобщенным содержанием. Так, призывы к свободе, демократии, социальной справедливости, патриотизму готовы поддержать все крупные политические партии в цивилизованных странах, но многие из этих партий по-своему объясняют сущность политической свободы, демократии, социаль-

ной справедливости и патриотизма. Например, советские руководители уверяли весь мир (и, возможно, сами в это верили), что Советский Союз — это самая свободная страна в мире, но в выступлениях многих зарубежных лидеров говорилось о порабощенных народах России. Возможности различного понимания смысла одних и тех же слов создают условия сокрытия подлинного смысла политического текста.

4. Редукционизм и полнота информации в политическом тексте. Реальная политическая действительность редко может быть объективно охарактеризована с использованием только черных и белых красок. В деятельности любой партии можно найти как достижения, так и неудачи, среди партийных лидеров встречаются не только кристально чистые и чрезвычайно талантливые люди, но и политики с изъянами в моральной, деловой или волевой сфере. В прошлом нашей страны были и блестящие победы, и обидные неудачи. Однако в политической коммуникации, особенно в периоды обострения политической борьбы, нет места детальному объективному анализу. Особенно показательны тексты, созданные в периоды избирательных кампаний. Один и тот же кандидат в депутаты изображается то безупречным рыцарем со светлой головой и большим опытом, то преступником, рвущимся к власти в корыстных целях и не способным осознать, какую ответственность он пытается взвалить на свои слабые плечи. В одних публикациях советское прошлое нашей страны предстает как сплошной ГУЛАГ, а в других — как победный марш энтузиастов, руководимых мудрыми вождями. Рассматриваемую особенность политической коммуникации называют редукционизмом политического дискурса, бинарностью ценностных оппозиций или схематизацией политической коммуникации.

Редукционизм — естественная черта политической коммуникации. Политическая речь рассчитана на массового адресата, в идеале текст листовки, предвыборный слоган и другие подобные материалы должны быть понятны всем читателям. Между тем еще древние риторы говорили, что излишняя детализация способна затуманить суть проблемы, особенно в сознании малоподготовленного человека. Хорошо известно, что в науке и искусстве вопрос об истинности теорий и гениальности их создателей не должен решаться голосованием, осо-

бенно если в таком голосовании примут участие профаны. В политике судьбоносные для государства решения принимаются как раз путем всеобщих выборов, большинство участников которых не являются профессиональными политиками.

Степень редукционизма в значительной степени зависит от жанра текста, его автора, адресата и политической ситуации. Максимальная степень редукции характерна для малых жанров (слоган, тезисы, листовка, плакат); предполагается, что максимально взвешенным и многоаспектным изложение должно быть в аналитических материалах для внутрипартийного пользования. Степень редукционизма выше в текстах, ориентированных на массового адресата, и ниже в текстах, предназначенных для специалистов. Редукционизм политической коммуникации особенно усиливается в периоды обострения политической борьбы. Замечено, что наиболее категоричны в своих высказываниях политики крайне левых и крайне правых взглядов.

Редукционизм проявляется в политической коммуникации самых различных стран, но, возможно, он особенно характерен для России. Академик Д.С. Лихачев справедливо отмечал такие черты русского менталитета, как тенденция к крайностям, к биполярному черно-белому мышлению, нелюбовь к компромиссам. В нашей политической жизни это проявляется в виде однозначных характеристик: свой или чужой, правильный или неверный, хорошо или плохо, патриотизм или космополитизм, а это лишает характеристики оттенков и нюансов.

5. Стандартность и экспрессивность в политической коммуникации. Три десятилетия назад В.Г. Костомаров выделил как основную черту газетного языка постоянное взаимодействие экспрессии и стандарта. Подобное свойство характерно и для политической коммуникации.

Экспрессивность высказываний предполагает максимальное использование выразительных средств, что делает восприятие текста интересным для адресата, придает тексту эстетическую значимость. К числу выразительных средств относят разнообразные стилистические фигуры (антитеза, инверсия, эллипсис, сравнение и др.), средства экспрессивного синтаксиса, окказиональные слова, трансформация фразеологиз-

мов и др. Сюда же относятся метафорические и метонимические обозначения, особенно в тех случаях, когда наблюдается яркая образность, необычность словоупотребления.

Стандартность высказываний обеспечивает их доступность для самого широкого круга читателей и слушателей: при восприятии текста с высокой степенью стандартности людям не надо тратить много усилий для уяснения смысла. В подобных текстах используется преимущественно общеупотребительная высокочастотная лексика; стандартность предполагает также преимущественное использование слов именно в тех значениях, которые зафиксированы толковыми словарями. К числу рассматриваемых средств относятся также «стертые», потерявшие образность метафоры, превратившиеся в штампы. Тексты, насыщенные подобными средствами и лишенные выразительности, часто воспринимаются как «серые», «безликие», малоинтересные.

Соотношение экспрессии и стандарта на разных этапах развития политической коммуникации может быть неодинаковым. Так, среди типичных признаков советского «новояза» называли его высокую стандартизованность и осторожное отношение к использованию выразительных средств.

Для современного политического языка характерно противоположное соотношение экспрессии и стандарта: мы живем в период высокой степени экспрессивности политической коммуникации, это особенно относится к текстам, создаваемым левыми и правыми экстремистами. Примером может служить следующий отрывок из интервью В. Цепляева с депутатом Государственной думы журналистом Александром Невзоровым:

— Когда говорят о возрождении России, я немножко холодею. Какую именно Россию возрождать? Не было ни одного века, ни одного десятилетия, когда бы Россия не занималась пожиранием своих граждан.

— Нам вообще противопоказан порядок. Это главный враг экономики России. Ведь наш бизнес по сути дела тот же Раскольников. У него еще с топора капает, а к нему уже лезут с НДСом по поводу отобранных у процентщицы побрякушек. Ну дайте вы человеку отдышаться, топор вытереть, пересчитать добытые драгоценности. А потом приставайте!

— Но ведь Путин — олицетворение идеи порядка, государственник. Вы поддерживаете его, но против порядка?

— Я просто объясняю, что порядок для нас губителен. В России это либо опричнина, либо лагеря, либо управдомы-стукачи. А то, что Путин наводит порядок... Слава богу, на 95% это имитация. По-моему, президент тоже подозревает, что порядок в экономике может ее удушить. Путин получил страну, чуть-чуть подвытащенную Ельциным из полной задницы. Чем больше будет государственности, тем скорее мы вернемся обратно.

Важно подчеркнуть, что сами по себе стандартизированность или экспрессивность политического текста не должны оцениваться как положительные или отрицательные качества: вполне стандартные выражения есть даже в только что процитированном тексте (*возрождение России*, *олицетворение идеи порядка* и др.), элементы экспрессивности присутствовали даже в докладах Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Разным может быть только соотношение между стандартностью и экспрессией, что зависит от политической эпохи, жанра, индивидуальности автора и множества других дискурсивных характеристик.

6. Диалогичность и монологичность политического текста. Современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими людьми, текстами и культурами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов. Политическая речь диалогична по своей природе, она ориентирована не столько на самовыражение, сколько на воздействие. Политик в отличие от литератора не может писать только «для избранных», «для интеллектуалов» и с презрением отвергать «чернь». Талантливый политик способен вступать в диалог со всеми слоями общества.

Существуют по меньшей мере три ведущие формы диалогичности. Первая из них — это собственно диалогичность, при которой в создании текста участвуют несколько говорящих. Показательно, что если советские лидеры предпочитали монологический стиль общения и постоянно выступали с длительными речами и докладами, то современные политики значительно большее внимание уделяют речевому общению в виде бесед, интервью, пресс-конференций или дебатов со своими политическими оппонентами.

Вторая форма диалогичности — это диалоги «на расстоянии»: в этом случае политический лидер отвечает на заранее

присланные вопросы или комментирует высказывания иных политиков, дает оценку существующим точкам зрения. Диалог становится более престижным, а поэтому диалогичные по форме фрагменты все чаще встречаются в устных и письменных монологических тестах (публицистических книгах, предвыборных программах и др.).

Третьей формой диалогичности политической речи является интертекстуальность, представляющая диалог культур во времени и пространстве. Современный политический текст часто оказывается насыщенным множеством скрытых и откровенных цитат, реминисценций, аллюзий, метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе, с использованием множества фоновых знаний из различных областей культуры. Использование в тексте прецедентных культурных знаков делает изложение более интеллектуальным, формирует новые смыслы, вводит текущие события в общеисторический и культурный контекст. Эти культурные знаки позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение некоторые элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку.

Рассмотрим с точки зрения интертекстуальности следующий фрагмент из написанной Александром Прохановым передовой статьи газеты «Завтра» (2003, № 11).

Страна, как в обморок, впадает в очередные думские выборы. Лицо Вешнякова все больше напоминает «веселого Роджерса». Эстрадные певцы, вошедшие в партию «Единство», похожи на «людей Флинта, поющих песенки». Пустота проправительственного блока — это гулкая пустота склепа, откуда вынесли покойника и где валяется поношенная жилетка Черномырдина. На ней по-турецки уселись Грызлов, Лужков, Морозов, Шойгу, а также несколько малоизвестных подземных гномов, обычно населяющих пустые могилы...

Только коммунисты способны внятно обратиться к народу, обещая ему не памперсы, сникерсы, ночные клубы и дискотеки, а великие труды, грандиозные стройки, колоссальное напряжение и в итоге — Русскую Победу. «Большой проект» вернет нас в развитие, когда бездельничающее, безработное, истосковавшееся по делу население станет строить трансконтинентальные дороги, океанские порты, осваивать «северные» и «южные» пути, изобретать технологии, высаживаться на планетах, создавать шедевры искусства и вооружения.

Мобилизация народа неизбежна. Дух не может дремать бесконечно. Россия грезит вождем. Он будет велик, прозорлив и добр. Будет Сталиным и Сергием Радонежским, Петром Великим и Николаем Федоровым, Пушкиным и Королевым. Он среди нас. Ищите его по нимбу вокруг головы.

Внимательный читатель легко обнаружит в рассматриваемой статье и несколько трансформированные строчки знаменитой «Бригантины» Михаила Светлова, и прецедентные имена, и символы прецедентных ситуаций (в первую очередь ситуации «строительства социализма» и ее составляющих), и прецедентные метафоры.

Каждый прецедентный феномен в тексте — это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений и вместе с тем показатель интеллектуального уровня автора и его оценки возможностей адресата. Творческая индивидуальность автора, автономность текста проявляются в удачном отборе элементов интертекстуальности, в умелом отборе самих компонентов из предшествующего опыта человечества для создания нового оригинального текста.

7. Явная и скрытая оценочность в политической коммуникации. Политическая коммуникация всегда несет в себе не только информацию, но и оценку рассматриваемых реалий. Это объясняется прежде всего тем, что цель политического дискурса состоит не в объективном описании ситуации, а в убеждении адресата и побуждении его к политическим действиям. Ведущим средством этого побуждения служит оценка субъектов политической деятельности, политических институтов, ситуаций и действий.

Оценка в политическом дискурсе может проявляться эксплицитно или имплицитно, т.е. в прямой или скрытой форме. Оценка дифференцируется по своего рода шкале: положительная оценка (в большей или меньшей степени), нейтральная оценка и отрицательная оценка (со множеством нюансов). Примером прямой отрицательной оценки может служить следующий фрагмент из выступления В.В. Жириновского в Государственной думе:

Причины того, что происходит, не надо искать в отдельных реформаторах. Я уже шесть лет здесь выступаю и говорю: все, что происходит в России, копейка в копейку спланировано западными

спецслужбами, все, до кандидатур на любые посты в том числе. Поэтому бесполезно здесь нам доказывать, кто у нас самодур. Самодур — Запад. Вот Западу нужна колониальная демократия, и России сегодня навязывают вариант: хотите демократию — только в виде колонии, чтобы вы были сырьевым придатком и уступили часть территории. Еще не всю уступили, еще нужно отдать Кавказ, часть Поволжья, Дальний Восток. Потом нас оставят в покое, но при этом будет колониальный режим... Нас ждет судьба Югославии: расчленят до упора.

Различают общую оценку (*хороший или плохой*) и частные оценки. К числу частных относят такие виды оценки, как эстетическая (*красивый — некрасивый*), утилитарная (*полезный — вредный*), моральная (*честный — бессовестный*), интеллектуальная (*умный — недалекий*), нормативная (*правильно — неправильно*), идеологическая (*коммунист — демократ*) и др. Например, при характеристике политического лидера в рамках избирательной кампании средства массовой информации особенно часто используют следующие виды оценки: оценка рейтинга и шансов на победу, морально-этическая оценка, эстетическая оценка, интеллектуальная оценка, утилитарная оценка, телеологическая оценка, идеологическая оценка, оценка опыта и профессиональной компетенции. Ср.: *Путин, хоть и плохой демократ, и холодный рыбоглазый чекист по происхождению, обязан обеспечить окончательный либеральный прорыв, используя свою исключительную популярность и практически ничем не ограниченные полномочия* (С. Белковский, Комсомольская правда).

Частные оценки не обязательно имеют положительный или отрицательный модус. В этом случае положительное или отрицательное отношение к соответствующему явлению формируется в сознании адресата. Ср.: *Отчасти консерватор, отчасти либерал в политике, Путин такой же и в одежде. Его никто не видел в ультрамодных костюмах, сорочках и галстуках. Зато в неформальном стиле одежды Путин с лихвой компенсирует вынужденную деловую строгость: он ввел в «высшую» моду (не путать с Высокой) куртки с капюшоном, которые до него руководители страны не носили* (Л. Кафтан, Комсомольская правда). Очевидно, автор в целом положительно оценивает то, как одевается президент, но у читателей могут быть и иные представления.

Объектом оценки в политическом дискурсе чаще всего становятся группы (люди, социумы, явления, вещи и др.), которые воспринимаются как СВОИ или ЧУЖИЕ, а также события и факты, которые находятся в той или иной связи с названными группами. Особенно часто объектом негативной оценки становятся политические оппоненты. Ср.: *Андрей Козырев снискал себе славу не только как самый бездарный дипломат высокого ранга, но и как самый прозападный российский министр* (В. Жириновский. Комсомольская правда).

Различают неаргументированную оценку (например, *Он — хороший*, *Он — современный*, *Он — демократ* и др.) и оценку аргументированную (*Он — хороший, поскольку заботится о простых людях, защищает их интересы; Он плохой, потому что некомпетентный и эгоистичный*). Как справедливо отмечает В.Н. Базылев (2005), современный политический дискурс в России преимущественно является дискурсом не внушающего (особенность, присущая тоталитарным режимам), а убеждающего характера. Поэтому в российских политических текстах последних лет заметно преобладают аргументированные оценки.

К важным признакам современного российского политического дискурса относят также склонность к крайним безапелляционным оценкам (или все замечательно, или все беспросветно) с явным предпочтением негативных. Показательно, что наши избирательные кампании нередко организованы как «война компроматов», что избирателям зачастую предлагают выбор по принципу «меньшего из двух зол».

Итак, оценочность — это стилеобразующая черта политической коммуникации, но в конкретных текстах оценки могут быть различными: прямыми и косвенными, позитивными и негативными, общими и частными, аргументированными и неаргументированными; еще более разнообразны конкретные формы выражения оценки и ее объекты.

8. Агрессивность и толерантность в политической коммуникации. Политическую деятельность отличает постоянная диалектика агрессивности, решительной борьбы за свои идеи и толерантности, терпимости к идеям и поступкам политических единомышленников, союзников и соперников. С одной стороны, политик не может действовать в одиночку (и

даже ограничиваться рамками только своей партии), а следовательно, он должен быть терпимым к инакомыслию. С другой стороны, политическая деятельность — это всегда борьба с оппонентами за достижение и удержание власти. В тоталитарном обществе политических оппонентов уничтожают физически, лишают их гражданских прав и возможности заниматься политической деятельностью. В демократическом обществе политических соперников стремятся отстранить от власти путем их дискредитации в социальном сознании.

Специальные исследования показывают, что агрессивность политической коммуникации резко возрастает в периоды, когда политическое решение должны принять широкие массы граждан (выборы, референдум, политические демонстрации и др.). Вместе с тем агрессивность заметно снижается, когда политические соперники вынуждены действовать совместно (например, при работе в парламенте или в муниципалитете, при необходимости бороться со стихией или противостоять давлению из-за рубежа). Коммуникативная (вербальная и невербальная) агрессивность обычно растет параллельно с социальным напряжением в обществе.

Рассмотрим ведущие формы проявления коммуникативной агрессивности в современном отечественном политическом дискурсе.

1. Призывы к физической агрессии и метафорическая характеристика политических действий как физической агрессии. Ср.: *Идет третья мировая война. Мы готовы рисковать собой и <u>идти в штыковую</u>* (В. Стародубцев); *Но должностным лицам некогда заниматься благосостоянием народа, они <u>воюют друг с другом</u>* (М. Светлова); *Степашин помешал Кремлю <u>устроить «резню»</u> в руководстве Газпрома* (М. Ростовский); *Бывшая первая дама северной столицы* (Л.Б. Нарусова) *<u>будет драться</u> за мандат думки как независимый кандидат* (М. Погодин); *Команда Лужкова <u>«вгрызается в глотку»</u> Березовского* (А. Рубцов).

Основные сферы, которые служат в современной политической речи источником метафорических номинаций с агрессивным потенциалом, — это война, преступность и мир животных. Иначе говоря, политические оппоненты в современной политической коммуникации постоянно представля-

ются как преступники, солдаты враждебной армии или кровожадные животные.

2. Использование инвектив (брани, оскорблений). К сожалению, в современном российском политическом дискурсе оскорбление политических противников — один из самых распространенных приемов полемики. Ср.: *Наши противники говорили избирателям: «Не верьте этим жирным московским котам»* (Е. Карсанова); *Тыловые крысы грабят фронтовиков... Да только на проценты с задержанных фронтовикам боевых тыловая крыса в генеральских лампасах может не одну дачу построить* (А. Кондрашов); *Поубавится в России двуногих мафиозных акул, а у горемык-пенсионеров действительно появятся на столах хлеб и масло* (В. Петров); *Порой такое ощущение, что Кабинет министров — «сборище бандитов», которые регулярно собираются, чтобы обсудить, что как поделить, с кем свести счеты и кого запугать* (К. Маркарян); *Ни Кошман, ни те «козлы», которые вокруг него, не знают, как и что делать* (С. Герасименко); *И.о. президента, как и прежнего, окружают разрушители и жулики. Один из них — Жириновский* (А. Терновский); *Клиентура тоже не теряется, пиаровцев кидают, как полных лохов* (А. Рубцов).

Значительная часть современных отечественных метафорических инвектив — это метафорическое обозначение объекта речевой агрессии как представителя мира животных (*животное, зверь, козел, осел, ишак, акула, шакал, таракан, клоп* и др.); широко используются также образы из милитарной и криминальной сфер (*шестерка, бандит, вор, лох, оккупант, захватчик, мародер* и др.).

Показательно, что инвективы активно используются в политическом дискурсе государств, которые считаются едва ли не образцами демократии.

3. Выражаемая в грубой, иронической, двусмысленной форме негативная оценка политических оппонентов, национальных, социальных и других групп, политических институтов и т.п. Следует отметить, что сама по себе отрицательная оценка теории и практики политических противников вполне закономерна, политическая борьба — это всегда столкновение мнений. Однако дискуссию нельзя сопровождать оскорблением достоинства оппонентов, что, к сожалению, весь-

ма характерно для современной России. Ср.: *Больше всего новых погон было нарезано Министерством обороны для депутатов от КПРФ и ЛДПР, что следует объяснить успехами этих фракций в строевой подготовке: первые всегда ходят в ногу, а вторые при каждом удобном случае отдают честь* (В. Шендерович); *Как тявкают политические партии друг на друга, имитируя бурную политическую жизнь, в конечном счете значения не имеет* (В. Петров); *По отношению же к власти лучше всего поза подчинения. Как у хищников. В такой позе тебя не тронут. Более того, допустят до остатков трапезы* (В. Егорушкин); *Чтобы цапнуть Лужкова ниже пояса, кое-кому пришлось встать на четвереньки* (А. Рубцов).

4. Использование специальных знаков агональности, к которым относятся маркеры «чуждости», показатели умаления значимости, выражение недоверия к искренности оппонента и достоверности его суждений. Политические оппоненты представляются как враги и вредители, а не как сограждане, имеющие другие взгляды на пути к процветанию России, как люди, которым безразличны интересы Родины. Ср.: *Только сценарий этой драмы пишется далеко за пределами России* (А. Дорофеев); *У них нет здесь корней, они не заинтересованы в развитии именно этого региона* (И. Ковпак); *От программы СПС веет ветром запада* (Н. Шипицына).

Совсем иначе представляют «своих», т.е. политиков, которым симпатизирует автор: *Мы не залетные птицы из дальних мест — мы здесь родились, живем и работаем* (М. Гайсин).

В подобных случаях охотно используются метафоры с исходными понятийными сферами «Мир растений», «Родство», «Дом», «Человеческое тело» (*здесь наш дом, наши корни; мы — одна семья; сердце, прикипевшее к родной земле; голосование «сердцем»*). Эти образы акцентируют идею естественности и непрерывности развития жизни, близости и взаимосвязанности человека и природы, подчеркивают важность физического и морального здоровья, крепких корней и другие фундаментальные для русского национального сознания ценности. Конечно, и в этих моделях некоторые концепты способны продуцировать агрессивные образы (например, концепт «*мачеха*» в модели с исходной сферой «Семья»), од-

нако подобные метафоры нетипичны для названных выше моделей.

Для возбуждения агрессивности используются также маркеры незначительности, малоизвестности, выражение сомнения в способности оппонента к продуктивной деятельности (*неопытный*, *«зеленый»*, *неразумный*, *«мальчики в розовых штанишках»*). Для умаления значимости оппоненты характеризуется, как *никому неизвестные*, *какие-то*, *разные*, *всякие*, *никто* и др. Соответственно «наши» кандидаты — это *люди опытные*, *знающие*, *получившие признание*. Широко применяется использование маркеров недоверия к оппоненту, сомнения в его честности, искренности, порядочности: *якобы*, *пресловутый*, *так называемый* и др., а также обвинения в присвоения оппонентом общественных и иных не принадлежащих ему ресурсов (денег, власти, природных богатств и т.п.), т.е. неправедного богатства. Ср.: *Олигархи питаются теми деньгами, которых не хватает для обеспечения нормального уровня жизни* (Д. Гусев); *Растет благосостояние кучки дельцов и чиновников, они процветают* (А. Бурков).

Специалисты отмечают повышенную агрессивность современного российского политического дискурса, преобладание угроз и оскорблений над проявлениями уважения к оппоненту и стремлением к политическому согласию и компромиссу.

5. Возбуждение тревожности, неуверенности, ощущения чрезмерной зависимости личности от государства и общества, неудовлетворения существующим в стране положением дел и страха перед будущим. Горечь и обида — мощные источники агрессивности; как известно, даже заяц, оказавшийся в безвыходном положении, становится опасным, он отстаивает свое право на существование всеми возможными способами и способен броситься на любого врага. Рассмотрим в качестве примера начало статьи Александра Проханова «Полковнику Путину никто не пишет» (Завтра. 2002. № 10):

Американские дровосеки раскалывают Россию, как березовый чурак. В распиленный торец с кольцами тысячелетней империи, в радиальные трещины вбивают аккуратные клинья. Несколько — в Среднюю Азию. Еще один — в Грузию. Другой — в Крым. Третий — в Приморье. Осторожно постукивают, расширяют трещины, вгоняют новые клинушки. Чтобы с последним ударом распалась огромная деревянная плаха. Не разлетелась с грохотом в разные стороны, а

с мягким треском развалилась грудой поленьев. Долби себе каждое по отдельности колуном, бери в охапку, тащи в печь «нового мирового порядка».

Цыплячье горлышко Путина все крепче сжимает стальная перчатка Буша. И писк все тоньше, глазки все жалобней, лапки почти не дергаются, желтые крылышки едва трепещут.

Представление России в виде раскалываемого чурбана, а ее лидера — в виде слабосильного цыпленка возбуждает в каждом патриоте агрессивное состояние, стремление к решительным действиям. Подобный путь к возбуждению агрессивности во многих случаях оказывается даже эффективнее, чем прямые призывы и самые грязные оскорбления политических противников. Отметим также, что в этом тексте используются и другие средства возбуждения агрессивности: маркеры чуждости, неуместная ирония, оскорбительные метафоры.

Ср. также: *Если я не выиграю эти выборы, то все равно будет переворот. Потому что народ хочет Сталина. И я народу говорю: «Хотите? Я буду Сталиным! Но без ГУЛАГа и массовых репрессий». Если увижу сопротивление, перейду к репрессиям»* (В. Жириновский); *Так стоит ли удивляться тому, что у нас позорно низкая продолжительность жизни, что входят в жизнь больные поколения, которым отвечать за судьбу России в следующем веке* (Ю. Лужков); *Если власть опять будет узурпирована номенклатурой, — она же присвоит себе и все богатства. Уровень жизни народа падает все ниже и ниже* (К. Титов).

Характеристика существующей действительности и перспектив развития общества в чрезвычайно мрачных красках, что создает базу для формирования мнения о невозможности успешных социальных преобразований без агрессивных революционных действий неконституционного типа.

6. К числу невербальных знаков коммуникативной агрессивности относят интонацию, мимику, жесты. Конкретные примеры такой агрессивности можно обнаружить, понаблюдав, например, за выступлениями В.В. Жириновского. Эти наблюдения позволят также заметить постоянный параллелизм между вербальной и невербальной агрессивностью.

К сожалению, в нашей стране коммуникативная агрессивность слишком часто переходит в непосредственные физические столкновения, в том числе с использованием оружия. Не-

угодных политиков убивают не только морально, но и в прямом смысле слова. Политические лидеры позволяют себе выяснять отношения при помощи кулаков и бутылок, а тележурналисты с удовольствием демонстрируют схватки зрителям. В памяти наших граждан надолго останутся октябрьские события 1993 г., когда политические дискуссии между президентом и парламентом закончились вооруженным захватом телевизионных студий и танковым обстрелом Белого дома. Подобные примеры свидетельствуют, что вербальная агрессия нередко бывает лишь первым этапом физической агрессии.

Рассмотренный материал показывает, что агрессивность стала слишком заметной чертой современной политической жизни в России. Нам не хватает толерантности, терпимости к мнению оппонента, слишком много у наших политических лидеров и журналистов желания оскорбить и унизить инакомыслящих. Вместе с тем следует помнить, что дух соперничества, стремление поддержать «своих» и показать в неприглядном свете «чужих», — это типичные свойства всякой политической коммуникации. Но в процессе подобной деятельности не все средства одинаково хороши с моральной точки зрения.

Подводя итоги настоящего раздела, отметим, что рассмотренные выше свойства политической коммуникации (ритуальность и информативность, эзотеричность и общедоступность, редукционизм и полнота изложения, стандартность и экспрессивность, институциональность и персональность, агрессивность и толерантность, скрытая и явная оценочность, интертекстуальность и особый характер авторства) создают необходимые условия для успешного **манипулирования** сознанием и деятельностью адресата. Цели такого манипулирования — это преобразование языковой картины политического мира в сознании адресата, пробуждение в нем необходимых эмоций и побуждение избирателей к политической активности.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое ритуальность политической коммуникации? Существует ли подобная ритуальность в медицинской, педагогической или религиозной сферах коммуникации? Должен ли по-

литик участвовать в ритуальных церемониях или лучше не тратить на это свое время? Обоснуйте свой ответ.

2. Что такое эзотеричность политической коммуникации? Существует ли подобная эзотеричность в медицинской, педагогической или религиозной сферах?
3. Можно ли считать эзотеричные высказывания свидетельством лицемерия политика? Обоснуйте свой ответ.
4. Что такое редукционизм политической коммуникации? Существует ли подобный редукционизм в медицинской, педагогической или религиозной сферах?
5. Можно ли считать высказывания, в которых дается неполная информация, свидетельством непорядочности политика? Обоснуйте свой ответ.
6. Что такое институциональность политической коммуникации? Насколько институциональная коммуникация препятствует проявлению личностных качеств политика?
7. Что такое толерантность в коммуникативной деятельности политика? В какой подсфере — парламентской или избирательной — толерантность проявляется в большей степени?
8. Почему в политической коммуникации постоянно обнаруживается как стандартизированность, так и экспрессивность выражения?
9. Охарактеризуйте основные формы диалогичности в политических текстах.
10. В каких формах проявляется интертекстуальность современной политической коммуникации?
11. Почему оценочность представляет собой типичный признак политического текста? Чем различаются имплицитная и эксплицитная оценка?
12. Используя публикации в прессе, подберите примеры общей и частных, позитивных и негативных оценок одного из современных политических лидеров.
13. Назовите основные формы проявления агрессивности в современном политическом дискурсе. В каких политических ситуациях агрессивность особенно возрастает?
14. В чем вы видите причины повышенной агрессивности современного российского политического дискурса? Считаете ли вы, что в советские годы политические противники были более толерантны друг к другу?

15. Проиллюстрируйте перечисленные выше свойства политической коммуникации материалом одной из политических публикаций.
16. Приведите примеры проявления агрессивности из коммуникативной практики какого-либо современного российского политика.

Дискурсивные характеристики политической коммуникации

Всякий политический текст должен оцениваться только в дискурсе, т.е. с учетом конкретных условий его создания и функционирования. В этом отношении велика роль авторства текста и его адресности, а также намерений автора, которые проявляются в используемых коммуникативных стратегиях и тактиках. Важным элементом дискурса является соотношение данного текста со множеством других текстов, ориентированных на описание одних и тех же событий. Дискурсивные характеристики политических текстов изначально существенно отличаются от подобных характеристик иных текстов — научных, художественных, медицинских или педагогических. Рассмотрим ведущие дискурсивные характеристики в политической коммуникации.

1. Авторство политического текста. В истории литературы известны факты несоответствия официального автора текста и его подлинного создателя. Создатель текста, не желая выдавать или официально признавать свое авторство, может выступать под псевдонимом, представлять оригинальный текст как перевод, называть автором своего героя. Известны и случаи, когда писатель (например, Александр Дюма) или человек, мечтающий о литературной славе, представляет себя как автора произведения, хотя в действительности он является только соавтором, редактором или заказчиком текста. Однако на современном этапе развития литературы в абсолютном большинстве случаев официальный автор текста и есть его подлинный создатель, права автора защищены законом, и человек, дорожащий своей репутацией, никогда не согласится поставить свою подпись под чужим текстом.

Совершенно иные отношения между текстом и его создателем существуют в политическом дискурсе, где автором текста обычно считается тот, кто берет на себя ответственность за него. В штате крупного политического лидера, как правило, есть специалист по написанию для политика речей и других текстов. Политическое послание президента или другой важный документ по заданию руководителя может готовить большая группа специалистов, но, озвучивая или подписывая текст, президент берет на себя ответственность за его содержание. Получателей текста интересует мнение президента, а не его помощников. И возможная критика содержащихся в документе положений и оценок, а также способов их выражения будет адресована президенту, а не его помощникам.

Многие политические документы формально вообще не имеют автора и обнародуются от имени государства или его структур, политических организации и движений (Конституция страны, устав партии или ее программа). Это значит, что ответственность за содержание этих документов берут на себя правительство, парламент, политическая партия и другие подобные структуры. Формально анонимными часто являются листовки в поддержку кандидатов во время избирательной кампании, лозунги, используемые во время демонстраций, некоторые публикации в СМИ, однако у этих текстов тоже есть создатели и заказчики.

В некоторых политических жанрах принято обозначать не только статусного автора текста, но и других участников его подготовки. Например, при публикации политических мемуаров указываются фамилии лиц, которые осуществляли «литературную обработку», «запись текста» или иным способом «помогали» автору. Впрочем, многие мемуаристы (например, Александр Коржаков, опубликовавший в 1997 г. книгу «Борис Ельцин: от рассвета до заката») или совершенно не пользуются услугами литературных помощников, или считают излишним не только публичное выражение благодарности, но даже упоминание их фамилий. Иной характер имеет изданная издательством «Вагриус» книга «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» (2000), на второй странице которой указаны авторы — Н. Геворкян, А. Колесников, Н. Тимакова. Преобладающая часть текста в этом издании —

это обстоятельные ответы В.В. Путина на вопросы, но поскольку будущий президент не представлен как автор, то он и не несет ответственности за содержание книги.

Итак, в политической коммуникации различают.

- собственно авторские тексты;
- тексты без формального автора;
- тексты со смещенным авторством.

2. Адресность политического текста. Организация политического текста в значительной степени зависит от его адресата. При максимально обобщенном подходе выделяются три основных адресата политических текстов — политические единомышленники, политические оппоненты и «избиратели» (население).

По количественному критерию разграничиваются индивидуальный, групповой и массовый адресат. Специфика политического дискурса заключается в том, что для политической коммуникации (в отличие, например, от медицинской или педагогической коммуникации) наиболее характерен массовый и групповой адресат. В частности, на массового получателя информации ориентированы ритуальные жанры (инаугурационное обращение, радиообращение), ориентационные жанры (доклады, указы, соглашения) и агональные жанры (лозунг, рекламная речь). К числу жанров с групповым адресатом относятся обращения, листовки, выступления на митингах. Значительно реже встречаются политические тексты с индивидуальным адресатом: сюда относятся, например, телеграммы и письма граждан к политику или в средства массовой информации, а также ответы на эти обращения.

В зависимости от условий различают непосредственное обращение к адресату и коммуникацию с использованием средств массовой информации. В современных условиях к средствам массовой информации обычно относят печать, радио, телевидение и Интернет. Их общими признаками являются использование языка, дистанционность коммуникации и использование технических средств тиражирования и распространения информации. Технологические возможности современных СМИ предоставляют широкие возможности для обращения как и к широкой аудитории, так и к отдельным

социальным, профессиональным, возрастным, гендерным и иным группам.

3. Стратегия и тактика в политической коммуникации. Современная лингвистика заимствовала термины «стратегия» и «тактика» из теории планирования военных действий. Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика — это планирование речевой деятельности, отбор принципов, способов и приемов, которые обеспечат достижение успеха. К стратегии относится планирование в максимально обобщенном виде. В политической коммуникации стратегия ориентирована на изменение политических взглядов адресата, на преобразование его отношения к тем или иным теориям, событиям, людям.

Стратегию выбирают в зависимости от поставленной цели и существующей ситуации. Например, цель предвыборной кампании для любого кандидата — добиться поддержки избирателей. Опыт показывает, для этого используется либо стратегия восхваления деловых и моральных качеств «своего» кандидата, преимуществ его идеологии, либо стратегия дискредитации в глазах избирателей других кандидатов и выдвинувших их партий. В первом случае акцентируются благоприятные перспективы прихода к власти «правильных» кандидатов, а во втором — избирателей пугают тяжелыми последствиями «неправильного» выбора. Стратегический план может быть ориентирован на преимущественно рациональное воздействие, на обращение к чувствам избирателей или на гармоничное сочетание рациональных и эмоциональных аргументов.

Специальный анализ показывает, что в период избирательных кампаний по выборам Государственной думы и президента России в 1995/1996 и 1999/2000 гг. центристы и правые использовали преимущественно коммуникативные стратегии дискредитации коммунистов и запугивания избирателей последствиями возвращения к власти левых. Об этом свидетельствуют, в частности, основные слоганы указанных избирательных кампаний: «*Голосуй или проиграешь!*», *«Выбирай сердцем!»*, *«Борис, я не прав!»* (от имени Г. Зюганова), *«Вера, Надежда, Любовь!»*, *«Если из искры возгорится пламя — звоните 01»*, *«Не допусти красной смуты: голосуй за Ельцина!»*,

«Только вместе: голосуй за Ельцина!». Выбор именно названных стратегий, возможно, объясняется тем, что они воспринимались как более эффективные, чем восхваление результатов экономической и социальной политики правых или деловых и моральных качеств их лидеров. Социологические опросы показывали, что Б. Ельцин, А. Чубайс, В. Черномырдин уже не имеют былого авторитета среди избирателей.

Коммуникативная тактика — это конкретные способы реализации стратегии. Для реализации одной стратегии могут быть использованы различные тактики. Например, стратегия дискредитации кандидата может быть реализована в тактиках предсказания печальных последствий, к которым может привести его избрание, в оскорблении кандидата, его близких и дорогих для него символов, в демонстрации негативных личных качеств кандидата (лживость, жадность, непоследовательность, некомпетентность, необразованность, несамостоятельность и др.), в нелестных для кандидата отзывах о его лидерских и коммуникативных качествах.

Для реализации коммуникативной тактики используются конкретные коммуникативные приемы (коммуникативные ходы). Например, оскорбление может проявляться в распространении слухов, в навешивании ярлыков, в лжеэтимологическом анализе его фамилии, в использовании специфических метафорических обозначений, в специфических сопоставлениях и др. Примером могут служить разнообразные высказывания редактора газеты «Завтра» Александра Проханова о Борисе Ельцине: *Лучшие врачи мира шунтировали это сердце, но Монстр все равно рухнул с кремлевского престола; Ельцин, по частям доставленный в ЦКБ, в корпус «А», и собранный там заново по схеме «Б», по-прежнему дышит в Кремль сиплым гнилым дыханием, отчего в кабинете у Путина хлопает форточка и падает президентский штандарт*; *Любители и смакователи «клубнички» поставят на книжные полки последние мемуары Ельцина рядом с описаниями похождений Чикатило, Асламовой, Лимонова.*

4. Политический нарратив — это совокупность политических текстов разных жанров (листовка, лозунг, митинговая речь, партийная программа, аналитическая статья, телеинтервью и др.), сконцентрированных вокруг определенного поли-

тического события. В таком же значении иногда используют термин «сверхтекст» и описательное выражение «комплекс текстов, связанных с конкретной политической ситуацией» (референдум, «путч», выборы и др.). В качестве примера политического нарратива можно привести комплексы разнообразных текстов, связанных с российскими президентскими выборами 2004 г. или с кампанией за возбуждение процедуры импичмента президента Б.Н. Ельцина в 1999 г.

Политический нарратив всегда существует в определенной политической ситуации и завершается вместе с изменением ситуации. Для политического нарратива характерны тематическое единство, общность основных «героев» (конкретных политиков, партий и др.), общая событийная канва (литературоведы назвали бы ее сюжетом или фабулой), локализованность во времени (например, политический нарратив «Президентские выборы-2000» начал свое существование незадолго до официального объявления о назначении выборов, а закончил — вскоре после избрания В.В. Путина) и в пространстве (например, для региональных выборов — это регион, для федеральных — страна в целом). Очевидно, что пространственная и темпоральная локализованность нарратива не абсолютна: так, последние в XX в. российские президентские выборы обсуждали не только в России, и это обсуждение продолжается (преимущественно в научной литературе, в мемуарах) до сих пор, но это уже дальняя периферия рассматриваемого нарратива.

Важнейшие свойства политического нарратива — многоголосие участников политической борьбы, множественность повествователей и соответственно множественность рациональных и эмоциональных оценок. Каждый из повествователей выделяет в своем тексте те или иные события и, возможно, оставляет за пределами своего внимания какие-то иные факты, по-своему структурирует соответствующую событийную канву, создавая тем самым в своих текстах оригинальную политическую картину мира. Каждый из составляющих нарратив текстов имеет те или иные интенции и ориентирован на определенную аудиторию.

Сюжет политического нарратива — это последовательность определенных фактов: например, назначение на март

2000 г. выборов президента Российской Федерации и некоторые предшествующие ему события (уход Б.Н. Ельцина с поста президента России в последний день 1999 г. и последующее исполнение В.В. Путиным обязанностей президента), выдвижение кандидатов, агитационная кампания, голосование, подведение его итогов, их обсуждение в средствах массовой информации и т.п.

Этот сюжет отражается во множестве текстов, которые созданы кандидатами на пост президента, членами их «команд» и политическими оппонентами, журналистами без ярко выраженной политической позиции или же поддерживающими одного из кандидатов, политическими аналитиками и др. У каждого из них свой «голос» — своя точка зрения, специфическая рациональная и эмоциональная оценка элементов нарратива (которая способна развиваться вместе с событиями); существуют также коллективные «голоса» — официальные политические оценки, которые создаются от имени партии или иной организации и принимаются как официальные документы. Со временем подобная оценка может стать по существу общенациональной — принятой большинством граждан государства (например, оценка политического нарратива «Великая Отечественная война»).

Определенные типы политических нарративов (например, парламентские выборы) имеют общие черты: в частности, замечено, что во время избирательной кампании особенно обостряются противоречия между партиями, тогда как парламентарии более толерантны к убеждениям коллег. Однако «нельзя войти дважды в одну и ту же реку» — каждый новый политический нарратив (например, российские парламентские выборы 1995, 1999 2003 гг. или президентские выборы 2000 и 2004 гг.) имеет специфические признаки, отражающие характер конкретной политической ситуации. К числу таких признаков относятся следующие: состав «героев» и «повествователей», находящиеся в центре внимания проблемы, стратегия и тактика борьбы, типовые оценки тех или иных фактов и др.

Итак, политический текст существует в определенном политическом дискурсе. Этот дискурс определяет характер авторства текста (прямое, смещенное, невыраженное), его адресность, используемые коммуникативные стратегии, такти-

ки и приемы. Политический текст связан многообразными связями с другими текстами, составляющими соответствующий нарратив.

Контрольные вопросы и задания

1. Почему некоторые политические тексты (например, программы политических партий) формально не имеют авторов?
2. Кто несет ответственность за содержание политического текста: его реальный составитель (спичрайтер) или политик, который произносит соответствующий текст с ораторской трибуны? Охарактеризуйте специфику авторства политических текстов.
3. Что такое адресность политического текста? В чем специфика текстов, адресованных широкой аудитории и ее специализированным группам?
4. В чем специфика текстов, адресованных политическим единомышленникам и политическим оппонентам?
5. Тексты каких жанров ориентированы на массового, группового и индивидуального адресата?
6. Как соотносятся термины *речевая (коммуникативная) стратегия, речевая (коммуникативная) тактика и речевой (коммуникативный) ход*?
7. Какие коммуникативные тактики или приемы могут быть использованы в процессе реализации коммуникативной стратегии *дискредитация оппонента*?
8. Что такое политический дискурс? Почему то или иное высказывание каждого политика должно рассматриваться только в дискурсе, тогда как нам далеко не всегда важно знать, кто автор лирической песни и при каких обстоятельствах она была создана?
9. Что такое политический нарратив? Какие компоненты создают единство политического нарратива?
10. Приведите пример политического нарратива, закончившегося (или начавшегося) в прошлом году, и обоснуйте свое мнение.
11. Проанализируйте одну из публикаций, приведенных в приложении к данному учебному пособию, с точки зрения ее авторства, адресности, используемых стратегий и тактик, а также возможной принадлежности к тому или иному политическому нарративу.

Функции политической коммуникации

Знаменитый американский лингвист российского происхождения Роман Якобсон разграничил шесть основных функций языка (сейчас бы их предпочли называть функциями речевой, в том числе политической, коммуникации): коммуникативную, побудительную, эмотивную, метаязыковую, фатическую и эстетическую. Эта классификация с теми или иными вариантами принимается и большинством современных специалистов; например, в когнитивной лингвистике особо подчеркивается когнитивная функция, т.е. акцентируется роль языка как средства для познания и объяснения действительности. Во многих лингвистических концепциях подчеркивается деятельностная природа языка, т.е. тот факт, что речь — это способ деятельности (например, способ выяснения истины или способ коммуникативного столкновения, борьбы между участниками диалога).

Специфика конкретных сфер коммуникации (политической, бытовой, художественной и др.) определяется различной значимостью каждой из этих функций и особенностями их проявления. Например, для бытовой сферы очень важна фатическая функция, т.е. использование речевой деятельности как средства установления и поддержания контакта между участниками беседы. Для художественной сферы особенно значима эстетическая функция, т.е. использование языка как средства эстетического освоения действительности. Как уже говорилось выше, основная функция политической коммуникации — это борьба за политическую власть, с этой точки зрения язык воспринимается как средство для завоевания социальной власти и управления обществом. Поэтому в политической коммуникации все названные выше функции подчинены осуществлению главной функции.

Рассмотрим закономерности реализации функций коммуникации в политической речи.

1. Когнитивная функция — это использование языка для концептуализации мира, создания личностной, а затем и групповой (партийной) политической картины мира. Язык неотделим от мышления, и организация мышления — это важнейшее назначение языка. В соответствии с представле-

ниями современной когнитивной лингвистики язык не просто является средством для отражения действительности и передачи мыслей — в процессе речемыслительной деятельности человек создает свой образ мира, а его деятельность определяется сложившимися представлениями о мире. Например, подведение той или иной партии под категории «фашисты», «экстремисты», «либералы», «демократы» — это способ категоризации и объяснения политической реальности.

Политическое мышление воплощено в речевых структурах, и специфика этого мышления нередко проявляется в речевой деятельности вне зависимости от желаний говорящего. Например, метафорическое обозначение родной страны как концлагеря или общего дома, как летящей к цели ракеты или разваливающейся телеги отражает политическое сознание говорящего и вместе с тем его подсознательную оценку действительности. Использование той или иной метафоры способно подсказывать людям решение соответствующей проблемы, настраивать на соответствующий подход к ней: например, метафорические призывы к войне нередко настолько приучают людей к военизированной обстановке, что начало реальных боевых действий воспринимается как естественное развитие событий.

2. Коммуникативная функция ориентирована на передачу информации, призванной оказать воздействие на преобразование существующей в сознании адресата картины политического мира. Эта функция активно проявляется во всех сферах коммуникации, но ее реализация в каждой сфере имеет свою специфику. В политических текстах постоянно встречается информация о тех или иных событиях в политической жизни общества, в экономике, науке, культуре, сообщается о военных действиях, спортивных состязаниях и др. Эта информация может быть представлена в виде сообщений, мнений, обобщений, сопоставлений с использованием различных жанров (репортаж, интервью, пресс-конференция, беседа, проблемная статья и др.). Вся эта информация обычно политически интерпретируется.

Сторонники оппозиции акцентируют негативные аспекты информации, находят во властных структурах виновников неудач и предлагают рецепты дальнейшей работы (а также

политиков, способных принять нужные решения и организовать эту работу). Сторонники «партии власти» стремятся привлечь внимание к позитивной информации и представить события как результат правильной политики руководства; в других случаях существует возможность минимизировать негативную информацию и выделить факторы, не зависящие от властных структур. Не случайно говорят, что ситуацией владеет тот, кто лучше может ее интерпретировать в своих интересах.

Разновидностью политической интерпретации является «просеивание информации», или выдвижение нужной информации. Политики, как правило, стараются привлечь внимание к информации, способной представить их в выгодном свете, и отвлечь внимание общественности от информации, способной нанести ущерб их интересам. Например, в советских политических текстах 30-х годов прошлого века почти не было информации о массовом голоде в стране, но зато много писали о вредителях. Точно так же в советской прессе так много писали о загнивании буржуазного общества и обнищании трудящихся в западных странах, что многие наши соотечественники начинали мечтать о подобном обнищании и загнивании.

Имплицитная информация (выраженная в подтексте, в аллюзиях и в иной косвенной форме) в политической речи нередко не менее значима, чем эксплицитная информация (выраженная в прямой форме). Еще несколько лет назад казалось, что эзопов язык в российском политическом дискурсе скоро окончательно уйдет в прошлое, но традиции иносказательности сохраняются до сих пор.

3. Побудительная функция (ее называют также апеллятивной, вокативной, конативной, регулятивной, инструментальной) — это функция воздействия на адресата. Политическая коммуникация нередко имеет задачу мобилизации избирателей для проведения конкретных акций. Граждане побуждаются передать власть определенной партии (или политику), оказать этой партии иную поддержку, действовать в соответствии с принимаемой этой партией решениями. Политическая коммуникация призвана эмоционально воздействовать на граждан, формировать в их сознании соответствующую по-

литическую картину мира, преодолевать существующие в обществе противоречия.

Основной путь для реализации побудительной функции — это непосредственные призывы к политической активности: политики постоянно обращаются к народу с призывами прийти на выборы и проголосовать за соответствующую партию. В периоды обострения политической борьбы раздаются призывы принять участие в митингах и демонстрациях, а в революционной ситуации люди с оружием в руках отстаивают свои политические идеалы.

Побудительная функция политической коммуникации может быть реализована и косвенными средствами: можно не только прямо призывать к изменению политической системы, но и просто информировать людей, насколько эта система порочна и как удачно действуют иные политические системы. Можно не прямо призывать проголосовать против того или иного кандидата, а детально рассказывать о его пороках. Выводы, казалось бы, самостоятельно сделанные избирателями, даже более важны, чем прямые назидания.

4. Эмотивная функция ориентирована на выражение эмоций автора и возбуждение эмоций адресата. Давно известно, что эмоции заразительны, и выражение надежды, уверенности, гордости за страну, любви к ней, враждебности к каким-то силам способствует зарождению и укреплению таких же чувств у слушателей и читателей. Акты политической коммуникации способны вызвать растерянность, страх и неуверенность у политических противников, что нередко способствует укреплению власти. Угрозы и обещания могут стимулировать политических оппонентов к каким-то действиям или к отказу от противодействия власти. Уровень стабильности макроэкономической и социально-политической ситуации может влиять на ощущение тревожности или уверенности. Отношение к другим социальным и этническим группам может быть дружелюбным, нейтральным или враждебным.

Создание необходимого эмоционального фона — это важный предварительный этап для последующего переубеждения адресата и побуждения его к необходимым действия. Например, размышляя о недавнем прошлом родной страны, Патриарх Алексий Второй использует образное выражение:

«*Тяжелая болезнь постигла Россию в обличье коммунизма. Может быть, она была попущена нам, чтобы избавить от какой-либо более страшной грозившей нам чумы».* Данная метафора выражает эмоциональное отношение предстоятеля православной церкви к идеям коммунизма и способствует возникновению аналогичных эмоций у слушателей. Как отмечают специалисты, эмоции влияют на выбор политических предпочтений не в меньшей степени, чем рациональное осознание проблемы. Нередко люди сначала принимают решение под влиянием эмоций и только потом ищут рациональное объяснение для своего решения.

5. Метаязыковая функция направлена на объяснение смысла слова или высказывания. Например, в политических текстах нередко встречаются фрагменты, в которых автор объясняет читателю смысл каких-то специальных понятий и терминов, поскольку далеко не все наши граждане понимают смысл ряда новых для них политических терминов. Например, наши соотечественники решительно выступают против привилегий и льгот для депутатов и бюрократов, но далеко не все из них способны объяснить, чем отличаются льготы от привилегий и можно ли считать привилегией высокую зарплату министра.

В других случаях автор предлагает новое объяснение смысла, казалось бы, хорошо известных слов и даже «исправляет» их правописание (*прихватизация*, *дерьмократы* и др.), предлагает новое наименование для хорошо известных предметов (милицейская дубинка — *демократизатор*). Еще один типичный прием — предложение использовать для явления другое наименование, которое, по мнению автора, более точно отражает сущность явления. Так, Геннадий Зюганов в ответ на вопрос об отношении к приватизации заявляет: *«Это была не приватизация, а бессовестное разграбление народного достояния кучкой преступников»*. По мнению другого известного политика: *«В России нет политической системы, а есть режим»* (Ю. Лужков).

Наконец, нередко наблюдаются случаи, когда в политической речи интерпретируется смысл того или иного текста, в частности закона, который не всегда в полной мере понятен неспециалистам. Так, депутат-коммунист Владимир Плотников разъясняет смысл нового «Земельного кодекса» Рос-

сии и последствия его принятия: «*В вопросах распоряжения земельными участками разработчики кодекса сознательно стремятся закрепить приоритет норм гражданского законодательства над земельным. Это приведет к тому, что землю перестанут рассматривать как уникальное явление — природный ресурс и объект, средство производства и территориальный базис, что приведет к бесконтрольному манипулированию земельной собственностью. Главная цель радикалов от экономики — максимально быстро и без проволочек перевести большую часть территории страны в собственность отдельных лиц*».

Современная политическая коммуникация отличается сложным переплетением признаков общеупотребительной речи, особого жаргона, официально-деловой и научной речи, а потому не всегда в полной мере понятна рядовым избирателям. Поэтому метаязыковая функция столь характерна для указанного вида речевой деятельности.

6. Фатическая функция связана с установлением и поддержанием контакта между коммуникантами, в этом случае сам факт межличностного общения, взаимные «эмоциональные поглаживания» могут быть важнее, чем содержание беседы. Эта функция наиболее активно проявляется в бытовом общении, но и в политической коммуникации, как и в любой другой, важно, чтобы собеседник настроился на восприятие информации, подготовился к этому и внимательно слушал.

Использование в речи некоторых идеологем нередко является своего рода паролем, сигналом о политических взглядах автора, о его принадлежности к числу «своих» или «чужих». Так, для национально-патриотических сил особенно характерны рассуждения о национальных святынях, поруганных инородцами, о русском духе, о Святой Руси, о православных корнях. Для дискурса либералов типичны фразы о правах человека, об общечеловеческих ценностях, о личных свободах.

Одним из проявлений фатической функции является обращение к собеседнику или аудитории (*товарищи, господа, коллеги* и др.). Помимо поддержания контакта, подобные обращения предназначены для характеристики речевой ситуации (официальное или бытовое общение) и фиксации социальных и этикетных ролей коммуникантов. Например, в со-

ветский период в официальной обстановке при обращении к равноправным гражданам страны основным было обращение «товарищ». Обращение «гражданин» использовалось преимущественно как признак значительного социального неравенства (например, по отношению к преступникам) или сомнений в идеологической надежности собеседника, а обращение «господин» воспринималось как донос. Немногочисленные исключения могли быть вызваны только чрезвычайными обстоятельствами: так, в первой после начала Великой Отечественной войны речи И.В.Сталина прозвучало обращение «Братья и сестры!». В постсоветском политическом дискурсе основным вновь стало обращение «господин», а обращение «товарищ» превратилось в своего рода знак сохранения собеседниками коммунистических убеждений. Некоторые политики последовательно избегают называть собеседников и господами и товарищами, предпочитая такие обращения, как «Уважаемые избиратели!», «Уважаемые депутаты!», а также «Россияне!», «Дорогие коллеги!».

7. Эстетическая (поэтическая) функция ориентирована на первостепенное внимание к форме сообщения, к тому, как выражена мысль. Эта функция реализуется преимущественно в художественной речи, но политик тоже обязан следить за выразительностью своей речи.

Во многих случаях красота и оригинальность лозунга или девиза привлекают слушателей не в меньшей степени, чем его содержание. Например, в лозунге «Вся власть советам!», который большевики успешно использовали в 1917 г., а их политические противники на 70 лет позже, обращают на себя внимание красивые повторы в каждом из трех слов согласных «*в*» и «*с*» и гласного «*а*». В знаменитой фразе П.А. Столыпина «Вам, господа, нужны великие потрясения, а нам — великая Россия!» эстетически значимы антитеза (противопоставление «великих потрясений» и «великой России», целей правительства и целей оппозиции), эллипсис (пропуск сказуемого во второй части фразы) и повтор слова «великий» в первой и второй частях фразы.

Эстетическая функция особенно ярко проявляется в малых политических жанрах (лозунги, слоганы, плакаты, листовки, заголовки), в текстах, ориентированных на массового

читателя, и менее характерна для максимально серьезных произведений крупных жанров (внутрипартийные документы, аналитические материалы и др.).

В реальной речевой деятельности все названные выше функции взаимодействуют, их сложно разграничить; в некоторых коммуникативных актах на первый план выходит какая-то одна функция, тогда как остальные проявляются в меньшей мере. Вместе с тем необходимо отметить, что коммуникация в политической сфере — это прежде всего средство борьбы за власть и способ осуществления политической власти. Именно успеху в борьбе за власть должны способствовать передача информации, возбуждение эмоций, побуждение к действиям, эстетическое воздействие и иные рассмотренные выше функции.

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите основные функции политической коммуникации.
2. Охарактеризуйте специфику проявления когнитивной функции политической коммуникации. В какой мере тексты, созданные политиком, отражают особенности его мышления?
3. В каких подсферах политической коммуникации особенно ярко проявляется коммуникативная функция? Мотивируйте свой ответ.
4. Охарактеризуйте побудительную (прагматическую) функцию политической коммуникации. В каких подсферах эта функция проявляется наиболее ярко?
5. В каких жанрах наиболее проявляется эстетическая функция политической коммуникации? В какой речи — научной или политической — эта функция проявляется в большей степени?
6. В какой степени для политической коммуникации свойственна эмоциональная функция? Должна ли речевая деятельность политика скрывать его эмоции?
7. Что такое фатическая функция языка? В какой мере эта функция свойственна политической коммуникации?
8. Проанализируйте текст одной из статей в приложении с точки зрения реализации в нем различных функций политической коммуникации.

9. Для обозначения Межрегионального движения «Единство» сначала использовалась аббревиатура МДЕ, но затем предпочли использовать название «Медведь», в котором объединяются две первые фонемы трех слов, составляющих данное название. Чем можно объяснить это предпочтение? Реализации каких функций политической коммуникации способствует использование этого названия?
10. После слияния политических движений «Единство» и «Отечество» некоторые журналисты стали называть объединенную организации «ЕдиОт», тогда как другая часть журналистов предпочла использовать прежнее обозначение «Медведь». В какой мере использование этих названий отражает политические симпатии журналистов? Мотивируйте свой ответ.
11. Политическое движение «Яблоко» получило свое название не без влияния первых букв фамилий его основоположников — Г. Явлинского, Ю. Болдырева и В. Лукина. Не считаете ли вы, что фамилии руководителей лучше было бы расположить по алфавиту? В настоящее время Болдырев и Лукин покинули названную организацию. Не считаете ли вы, что партию следовало бы переименовать?

Глава 4

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Специальные исследования свидетельствуют, что даже при самом тщательном рассмотрении русских политических текстов в них по существу невозможно обнаружить какие-либо фонетические, морфологические и синтаксические явления, отсутствующие в других подсистемах русского национального языка. Чтобы быть понятыми, политики должны говорить на общедоступном языке. Поэтому в политической коммуникации отсутствуют какие-либо особые фонемы, части речи, падежи или типы предложений. На грамматическом уровне специалисты фиксируют только случаи активизации некоторых грамматических конструкций. Абсолютное большинство специфических явлений в политической речи относится к лексико-фразеологическому уровню и лексико-стилистическим явлениям. Именно эти свойства политической коммуникации и будут рассмотрены ниже.

Политическая лексика и фразеология

Содержание политической речи предопределяет использование в ней специальной группы слов (а также фразеологизмов, составных наименований) — политической лексики (*парламент*, *депутат*, *глава администрации*, *голосование*, *избиратель*, *мэр*, *оппозиция*, *указ* и т.п.). Следует различать политическую лексику и политологическую терминологию. Политологическая терминология, как и всякая терминология, в полной мере известна только специалистам, она не относится к общеупотребительному словарному фонду и используется только в научных и иных специальных текстах, ориентированных на специалистов по политологии. Политическая лексика — это тематическое объединение общеупотребительных слов, которые должны быть понятны всем (абсолютному большинству граждан).

Политическая лексика постоянно обогащается за счет политологической терминологии: например, еще полтора десятилетия назад такие слова и выражения, как *консенсус*, *субъект Федерации*, *харизматический лидер*, *импичмент*, *монетизация льгот* были понятны только специалистам. Сейчас эти обозначения стали общеизвестными, т.е. произошла деспециализация термина, превращение его в общеупотребительную единицу русской лексико-фразеологической системы.

Одновременно постоянно идет процесс пополнения политической лексики: новые явления в жизни страны закономерно требуют появления неологизмов. Примером могут служить такие неологизмы постсоветской эпохи, как *Федеральное собрание*, *Федеральный округ*, *Федеральное агентство.*

С другой стороны, многие общеупотребительные в советскую эпоху слова и выражения (*исполком*, *советы*, *партком*, *ударник коммунистического труда*) уже превращаются в специальные термины политической истории. Вместе с тем вновь актуализировались некоторые слова, которые в советскую эпоху казались связанными лишь с отдаленным прошлым нашей страны или с политической системой иных стран (*губернатор*, *Государственная дума*, *департамент*, *мэр*). Поэтому границы между политической лексикой и политологической терминологией, между политическими неологизмами и политическими архаизмами достаточно условны: мы не всегда в состоянии определить рубеж, на котором слово становится общеупотребительным или перестает быть таковым, превращается в архаизм или вновь оказывается вполне современным.

В политической речи то или иное слово может приобретать особые смысловые оттенки; нередко ведущим, основным (наименее зависящим от контекста, наиболее частотным) оказывается такое значение, которое в толковых словарях общеупотребительного языка отмечено как вторичное или совсем не зафиксировано. Например, в современной русской политической речи *аграрник* — это прежде всего член аграрной фракции в Государственной думе (или сторонник этой фракции), а не «специалист по аграрному вопросу» (это значение представлено как единственное в четырехтомном академическом «Словаре русского языка», изданном в 1981 г.).

Слова *правый* и *левый* в современных политических текстах характеризуют прежде всего политические взгляды, причем сторонники рыночной либеральной экономики в период перестройки считались левыми, а в последнее десятилетие прошлого века их стали называть правыми; соответственно их политические антиподы — приверженцы коммунистической идеологии — сначала в нашей стране назывались правыми, но со временем в соответствии с международной практикой стали именоваться левыми. В качестве еще одного примера можно привести прилагательные *красный*, *коричневый*, *розовый* и *зеленый*, которые в современном российском политическом дискурсе обычно характеризуют политические убеждения человека, а не предпочитаемый им цвет. Соответственно в период Гражданской войны в России основной «цветовой» оппозицией было противопоставление *красных* и *белых.*

Идеологема. Идеологема — это слово, в значение которого входит идеологический компонент. Следует различать два основных вида идеологем.

В первом случае имеется в виду слово, смысловое содержание которого неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов. Особенно часто эти различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления. Например, в отечественной политической речи на протяжении всего прошлого века были активны идеологемы *буржуазия*, *демократия*, *капитализм*, *коммунизм*, *народ*, *пролетариат*, *свобода*, *социализм*. При этом для сторонников марксизма безусловно положительную оценку несли идеологемы *социализм*, *коммунизм* и *пролетариат*; соответственно отрицательно оценивались *капитализм* и *буржуазия*. У их политических оппонентов оценки *социализма*, *коммунизма* и *капитализма* были прямо противоположными, а слова *пролетариат* и *буржуазия* в речи антикоммунистов использовались без оценочных наслоений.

Средствами акцентирования оценочных смыслов нередко была трансформация слов (*коммуняки*, *дерьмократы*, *демокрады*), снабжение слова «проясняющим» эпитетом (*так называемые демократы*, *буржуазная демократия*), употребление слов с обобщающим негативным значением (*тоталитаризм*, объединяющий *социализм* и *фашизм*). Этой же цели

служит использование антитезы: например, вместо традиционного для советской эпохи противопоставления *коммунизма* и *капитализма* можно дифференцировать *рыночную* и *нерыночную* экономику либо *свободную* и *тоталитарную* экономику.

Понимание одного и того же слова нередко зависит от политических убеждений говорящего. Например, как российские коммунисты, так и их противники связывают свои идеалы с борьбой за счастье *народа*, однако марксисты обычно, говоря о народе, имели в виду только людей физического труда, а для их оппонентов народ — это все жители страны. Непримиримые оппоненты были согласны только в том, что высшая ценность — это *свобода*, но каждый по-своему понимал, что такое *свобода* и как ею пользоваться.

Второй тип идеологем — это наименования, которые используются только сторонниками определенных политических взглядов, соответствующие наименования передают специфический взгляд на соответствующую реалию. В тоталитарных государствах нередко предпринимаются попытки прямо или косвенно регламентировать использование тех или иных слов и выражений. Например, в русско-советском языке государства, которые были идеологическими союзниками СССР, назывались *странами народной демократии*, *государствами мировой социалистической системы* или *социалистическим содружеством* (между этими обозначениями существовали некоторые смысловые различия), а диссиденты называли эти страны *советскими сателлитами*. Крестьян, ведущих индивидуальное хозяйство, одни называют *единоличниками*, а другие — *фермерами*.

В речевой практике постсоветской России начали активно использоваться такие идеологемы, как *человеческий фактор*, *общечеловеческие ценности*, *стратегия ускорения*, *новое мышление*, *стабилизация экономики*, *оптимизация бюджета*, *монетизация льгот*, *правовое государство.* Подобные слова не просто вводят новые понятия или предлагают новые названия уже известным феноменам, но отражают определенные политические взгляды, способствуют идеологическому воздействию на адресата, рождению новых политических мифов. Филологи и политологи нередко называют идеологе-

мы «орудием лжи и обмана», но следует помнить, что в действительности лгут и обманывают не слова, а авторы политических текстов.

Один из способов регламентации использования идеологем — это их толкование в словаре исключительно с позиций правящей партии. Например, человек, изучавший русский язык по изданному в 1935—1940 гг. словарю под редакцией Д.Н. Ушакова, не получал необходимых сведений о понимании слов-идеологем эмигрантами. Регламентация в использовании идеологем часто интерпретируется как проявление «новояза», средства создания некой иллюзорной действительности (по Джорджу Оруэллу). Впрочем, элементы «новояза» (под другими названиями) при желании можно обнаружить и в странах, считающихся образцом демократии. Например, в Соединенных Штатах изменение наименований некоторых политических реалий проходит в рамках кампании по борьбе за «политическую корректность». Идеологемы в том или ином виде используются во всяком обществе, а борьба против идеологем обычно имеет своей целью не их полное устранение, а замену обозначениями с иной политической окраской.

Итак, политическая лексика — это один из наиболее подвижных пластов языковой системы: одни слова и фразеологизмы уходят из активного употребления, на их место приходят другие единицы, в том числе такие, которые ранее активно использовались в общенародном языке. Эти изменения нередко обусловлены стремлением тех или иных политических сил подчеркнуть принципиальную новизну политической системы: ярким примером подобных процессов могут служить лексико-фразеологические инновации, произошедшие в России после 1917 г., когда на смену монархическим учреждениям пришли советы. В других случаях политические силы стремятся продемонстрировать преемственность традиций, в результате чего возвращаются прежние названия: подобные процессы происходили в конце прошлого века, когда многие главы регионов вновь стали губернаторами, а парламент, как и в эпоху Николая Второго, стали называть Государственной думой. С течением времени изменяется состав идеологем, но не изменяется их место в политической коммуникации.

Контрольные вопросы и задания

1. Как соотносятся понятия *политическая лексика* и *политологическая терминология*?
2. Какие специфические значения имеют прилагательные *красный*, *белый*, *коричневый*, *розовый* и *зеленый* в политической коммуникации?
3. Как вы понимаете следующие выражения: *революция роз*, *революция тюльпанов*, *цветные революции?*
4. Что такое идеологема? Объясните различия между типами идеологем.
5. К какому типу идеологем относятся слова *капиталист*, *бизнесмен*, *империалисты*, *патриот*?
6. Как повлияли социальные изменения в России конца прошлого века на состав политической лексики? Почему некоторые слова превратились в архаизмы (историзмы), тогда как некоторые архаизмы вновь вошли в состав общеупотребительной лексики?
7. Выделите политическую лексику в составе одного из газетных текстов. Проанализируйте эту лексику с точки зрения соотношения между архаизмами (историзмами), неологизмами и общеупотребительными словами.
8. Одних и тех же людей одни называют *экономической элитой* страны, а другие — *олигархами*. Чем это можно объяснить? Какие политические коннотации связаны с этими обозначениями? Относятся ли указанные наименования к числу идеологем?
9. Выявите различия в толковании идеологемы *социализм* в словарях советского и постсоветского периодов:
   1) *социализм* — это: «1. Первая фаза коммунизма, общественный строй, основой производственных отношений которого является общественная собственность на средства производства в условиях диктатуры пролетариата и уничтожения эксплуататорских классов и при котором осуществляется распределение по труду. 2. Учение о построении общественного строя, идущего на смену капиталистическому. 3. Название различных буржуазных и мелкобуржуазных учений о реформе капиталистического общественного строя» (Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. IV. М., 1940).
   2) *социализм* — это: «1. Первая или низшая фаза коммунизма — общественный строй, который приходит на смену капита-

лизму и характеризуется общественной собственностью на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком, планируемым в масштабах всего общества товарным производством и при котором осуществляется принцип: «от каждого по его способностям, каждому по его труду». 2. Учение о построении социалистического общества. 3. С определением. Название различных мелкобуржуазных и буржуазных учений о реформе капиталистического общества на основе уравнительности или сглаживания антагонистических противоречий» (Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 3. М., 1984).

3) *социализм* — это: «1. В марксизме-ленинизме первая или низшая фаза коммунизма — общественный строй, который приходит на смену капитализму и характеризуется общественной собственностью на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком, планируемым в масштабе всего общества товарным производством и распределительным принципом «От каждого по его способностям, каждому по его труду». 2. Общественный строй, характеризующийся отсутствием частной собственности на средства производства, всеобщей плановостью хозяйства, неэффективной экономикой, однопартийной системой политической власти, отсутствием демократических прав и свобод» (Толковый словарь современного русского языка / Под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2001).

4) *социализм* — это: «социальный строй, в котором основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства и провозглашаются принципы социальной справедливости, свободы и равенства» (Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Изд. 4-е, доп. М., 2001).

Лексико-стилистические свойства политических текстов

Одним из следствий социальной революции, которая произошла в России на рубеже XX и XXI вв., стало и существенное преобразование лексики и фразеологии политического языка. Новые явления в политическом дискурсе получили описание в публикациях В.Н. Базылева, Е.А. Земской, В.Г. Ко-

стомарова, Л.П. Крысина, А.К. Михальской, А.П. Чудинова, В.Н. Шапошникова и других специалистов по политической коммуникации. В этих исследованиях отмечаются новые явления в российском политическом языке, в том числе активное использование просторечной и жаргонной лексики, экспансия заимствованных слов, широкое использование аббревиатур. Вместе с тем фиксируется, что в отличие от первых лет советской власти на современный политический язык уже практически не влияют диалекты. Рассмотрим основные группы лексики, определяющие специфику современного политического языка.

1. Просторечная лексика. Заметный лексико-стилистический признак современной отечественной политической речи — это активное использование просторечной (в том числе грубопросторечной) лексики. Специалисты отмечают, что в постсоветской России значительно понизился порог приемлемости в использовании нелитературной лексики, в том числе вульгарных и бранных слов. Некоторые участники политического процесса, бравируя своей «близостью к народу», позволяют себе выражения, за которые обычных граждан по меньшей мере штрафуют.

К чрезвычайно грубым способам выражения наиболее склонны политические экстремисты, среди которых особенно выделяются несдержанностью В. Жириновский, В. Новодворская, А. Проханов и Э. Лимонов. Ср.: *Эта старая Русь была на самом деле убогая, грязная, жалкая, хуже бедной Индии. Потому она и околела. Дохлое и безжизненное государство наше вдруг бомбит Чечню вдоль и поперек, бомбит Дагестан, мочит, и мочит, и мочит* (Э. Лимонов); *Пускай демократическая общественность подавится своим Нюрнбергским процессом и судом над КПСС. Свободу всем врагам демократии! А то ее друзья угробят подругу на два века вперед* (В. Новодворская).

Вместе с тем в последние годы к использованию грубопросторечной лексики нередко прибегают также политические деятели и журналисты, которые имеют несколько иную репутацию. Ср.: *Говорят, политика — грязное дело, политика — говно и политики тоже. Но политики разные. Одних, когда опускают в говно, они, чтобы выжить, начинают по-*

ходить на массу, которая вокруг, растворяются. Другие отбрыкиваются — хотя оно все равно липнет (Б. Немцов. Интервью / Коммерсант-Власть); *На же тебе, падла, социализм! У народа достаточно дерьма накопилось* (М. Леонтьев. TV-центр, На самом деле); *А рабочему человеку трудно по одномандатному округу переговорить всех этих юристов, артистов, экономистов. Я вот вижу, как они красиво говорят, но ни хера не делают* (С. Мостовщиков. Московские новости); *Нацболы? Засранцы они. Да мало ли у нас таких клопов вонючих? У них одна цель — повонять и уйти* (Л. Слиска, Аргументы и факты).

Резко отрицательное отношение к использованию нецензурной и грубо-просторечной лексики не должно переноситься на весь корпус слов, которые имели помету «просторечное» в словарях советской эпохи. Во-первых, в последние годы заметно сдвигаются границы между стилистическими пластами русской лексики и слова, которые еще недавно считались просторечными, могут перейти в разряд разговорных. Границы между названными разрядами иногда почти неразличимы, и словари не всегда успевают их фиксировать. В многовековой истории русского языка можно обнаружить немало случаев, когда просторечное слово становилось сначала разговорным, а затем и стилистически нейтральным.

Во-вторых, в отдельных случаях соответствующее ситуации использование некоторых просторечных по происхождению слов помогает достижению выразительности, служит специфическим средством отражения эмоционального накала или представления непримиримых противоречий. Для современной политической ситуации характерны резкие столкновения политических позиций, агрессивность поведения и бескомпромиссность в выражении собственной точки зрения. В подобных случаях использование субстандартной лексики иногда воспринимается как единственно возможный способ выражения авторской позиции.

2. Жаргонная лексика. В современной российской политической коммуникации чрезвычайно активно используется жаргонная лексика, особенно восходящая к речевой практике преступников и наркоманов. В последние годы политики и журналисты охотно используют такие жаргонизмы из кри-

минальной сферы, как *крутой*, *тусовка*, *кинуть*, *обуть*, *замочить*, *наехать*, *разборки*, *крышевать.* Из жаргона наркоманов в политическую речь проникли такие слова, как *ловить кайф*, *сидеть на игле*, *ломка*, *отходняк*, *оттягиваться*. Подобное словоупотребление — это своеобразный способ сблизить мир политики и мир криминала. В цивилизованном обществе две названные сферы совершенно не должны соприкасаться, но «умом Россию не понять», и в реальной жизни нашей страны криминал и политика постоянно пересекаются и взаимодействуют. Иногда создается впечатление, что сейчас ни один стремящийся к успеху политический деятель или журналист уже не может обойтись без уголовного жаргона.

«Блатная феня» так часто звучит даже из уст государственных служащих и лидеров крупнейших политических партий, широко известных в стране журналистов и бизнесменов, что может показаться, что некоторые жаргонные слова превращаются то ли в политические термины, то ли в публицистические «штампы».

Ср.: *Как Руцкой пытался закозлить генерала ФСБ Суржикова* (Н. Варсегов); *Мы считаем наезды на Ковпака в подконтрольной Росселю прессе политическим заказом* (В. Коршунов); *В центре Екатеринбурга продолжает твориться предвыборный беспредел* (С. Сыпачев); *В.А. Гусинский славен своим искусством разводить на бабки, а для успеха разводок иногда надо пренебрегать строгими требованиями эстетической цельности действа* (М. Соколов); *Жириновский, не выбирая, как всегда, выражений, «мочил» Примакова, вспоминая его работу в службе внешней разведки и Министерстве иностранных дел* (А. Вартанов).

Использование уголовного жаргона позволяет подчеркнуть естественность и общепонятность преступного слова, а вместе с тем и преступных порядков, преступного поведения, преступного мировосприятия. Использование подобной лексики — явление вполне традиционное для русской речи и отражает определенные векторы национального сознания. В какой еще стране «тюремные песни» стали столь заметным жанром фольклора? В каком другом государстве фраза «В детстве я рос хулиганом» стала почти общим местом в мемуарах крупнейших политиков? Где еще в мире едва ли не еже-

годно проводятся амнистии? В каком еще обществе в парламент постоянно избирают людей с уголовным прошлым, а бывшие депутаты и министры нередко оказываются на скамье подсудимых? Для русского самосознания преступник — это не обязательно враг общества; во многих случаях это смелый человек, решившийся от отчаяния нарушить несправедливые законы, а заключенный — возможная жертва ошибки. Вместе с тем очевидно значительное усиление частотности и продуктивности криминальной метафоры именно на данном этапе развития русского политического дискурса.

Жаргонная лексика пронизана концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, противоестественности существующего положения дел, резкого противопоставления «своих» и «чужих», что, видимо, отвечает потребностям современной политической речи. Можно предположить: одна из причин активизации воздействия жаргонов — это реальное обострение криминальной обстановки, что отражается в народном сознании: давно замечено, что находящиеся в центре общественного сознания явления становятся источником экспансии. Вместе с тем активное использование в речи криминального жаргона (как и едва ли не смакование в средствах массовой информации картин реальных преступлений), несомненно, влияет на общественную оценку ситуации в стране, внушает мысль о том, что общество действительно пронизано криминальными связями и отношениями, что в России преступление — это норма, а подобные умонастроения опосредованно могут сказываться на уровне преступности в обществе.

Следует, однако, отметить, что далеко не всякое использование жаргонизмов в политической речи заслуживает несомненного осуждения. Использование подобных слов нередко позволяет коротко и точно обозначить явление, для которого пока не создано стилистически нейтрального однословного обозначения. Примером может служить выражение *отмывать деньги*, которое обозначает обращение в узаконенный доход тех денег, которые были получены незаконным путем. Ср.: *Американцы... Посмотрите, что они сделали. Прибалтику отделили, и Прибалтика торгует с Кавказом. Мы содержим Прибалтику, а <u>они отмывают наркоденьги</u>, и оружие*

оттуда идет на Кавказ (В.В.Жириновский). Показательно, что некоторые слова жаргонного происхождения уже включены в современные словари литературного языка.

С другой стороны, в отдельных случаях использование жаргонизмов способствует достижению выразительности, помогает выразить эмоциональное отношение к проблеме. Показательно, что даже президент России позволил себе на встрече с лидером Великобритании цитировать высказывание о «козлах» и говорит о необходимости «мочить» террористов «в сортире». Все это позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время жаргонизмы превратились в такое выразительное средство, использование которого вполне допустимо в определенных контекстуальных условиях. Критерием здесь должны служить чувство меры, уместность и языковой вкус автора.

3. Иноязычная лексика. В отечественном политическом дискурсе доля заимствованных слов издавна была выше, чем во многих других социальных сферах. Традиционно в русском политическом языке было особенно много интернационализмов — слов, имеющих древнегреческие и латинские корни и имеющих аналоги во многих *языках (революция, демократия, олигархия, социализм* и др.).

В современной политической речи продолжается процесс заимствования иноязычных слов, что диктуется как потребностями общества, так и политической ситуацией. Современная Россия все больше ориентируется на мировые политические стандарты и общечеловеческие ценности. Для обозначения многих подобных явлений в русском языке не существовало исконных слов, а поэтому вполне закономерным становится использование интернациональных обозначений.

Рассмотрим в качестве примера небольшой отрывок из выступления Сергея Кириенко: *Согласитесь, на территории каждого региона есть федеральные службы, начиная от силовых структур, и заканчивая такими структурами, как казначейство, налоговая инспекция, служба по несостоятельности и банкротству, антимонопольные комитеты и так далее. Сегодня они стали, по факту, если не приватизированы, то регионализированы, т.е. ими командуют губернаторы.*

Значительная часть заимствованных слов уже давно воспринимается нашими соотечественниками как вполне при-

вычные и не вызывающие раздражения. Некоторым исключением являются только новейшие заимствования из английского языка (*секьюрити*, *рэкет*, *лоббизм*, *мессеж*, *триллер*, *блок-бастер*, *киллер*, *пиар* и др.). Специалисты отмечают, что в последние годы происходит неконтролируемый и необоснованный процесс насыщения русского языка английскими заимствованиями. Чрезмерное использование варваризмов способно привести к определенной трансформации языковой картины мира. Новые слова нередко преобразуют эмоциональную оценку тех или иных реалий, что приводит к изменению представления носителей языка об окружающей действительности. Такое положение начинает все больше тревожить общество, все чаще предлагается остановить «американоманию» и вернуться к традиционным российским ценностям. Своего рода знаком национального возрождения нередко представляется и стилистически уместное использование преимущественно русских по происхождению слов.

Русский язык в течение всей своей истории был языком открытым для заимствований, наш народ всегда умел отобрать действительно нужное и отбросить то, что не соответствовало его потребностям. Поэтому многие специалисты считают, что нет смысла бороться с отдельными заимствованными словами, что подлинный патриотизм проявляется вовсе не в способах отбора лексики. Вместе с тем неумеренность в использовании заимствований часто воспринимается как показатель низкой речевой культуры и неспособности пользоваться всеми богатствами родного языка.

4. Сложносокращенные слова. Специалисты еще в начале прошлого века отмечали активное использование сложносокращенных слов как яркую черту политического языка послереволюционной эпохи: эта часть лексики стала яркой приметой «советского» языка, хотя истоки данного явления возникли значительно раньше Октябрьской революции. В первые годы советской власти использование аббревиатур было своего рода модой, которая затем на много десятилетий переросла в привычку. Показательно, что немало сложносокращенных советизмов ушло в небытие вместе с реалиями, для обозначения которых эти слова использовались (*КПСС*, *ЦК*, *КГБ*, *облисполком*, *партком* и др.).

Специальные подсчеты показывают, что в современных текстах используется не больше аббревиатур, чем в текстах советской эпохи. Отличительной чертой постсоветского периода стало не количественное, а качественное изменение состава сложносокращенных слов. Новая реальность потребовала обновления наименований политических реалий, и важным источником обогащения лексикона вновь стала аббревиация. Наши современники познакомились с такими обозначениями, как РФ, ГКЧП, ЛДПР, УрФО, ГОУ ВПО, ООО, СПИД, РАО ЕЭС, МЧС и множеством подобных. Мы уже начали привыкать даже к английской аббревиатуре *PR* и ее производным в русском языке (*пиариться, пиарщик* и др.). Вместе с тем новые аббревиатуры непривычны для наших граждан, непонятность подобных неологизмов становится своего рода символом непонятности новой жизни. В результате высказывается мнение о каком-то «нашествии» неологизмов-аббревиатур и в очередной раз раздаются призывы спасать родной язык и саму отчизну.

Как уже было сказано, отечественные политические тексты еще с советских времен насыщены аббревиатурами значительно в большей степени, чем тексты иных сфер. Сам по себе этот факт не должен оцениваться положительно или отрицательно, но при использовании указанных слов особенно важно соблюдать чувство меры. Использование сложносокращенных слов не должно приводить к непониманию, двусмысленности или неблагозвучию.

Подводя общие итоги рассмотрения лексико-стилистических процессов, характерных для русского языка нашей эпохи, можно сделать вывод, что наиболее важной особенностью постсоветской политической коммуникации стало ослабление стилистических норм и усиление воздействия некодифицированных сфер национального языка на политический дискурс. Результатом этих процессов стало чрезвычайно активное использование просторечных слов, жаргонизмов, заимствованной лексики и сложносокращенных слов. Показательно, что эта тенденция не была для русского языка чем-то принципиально новым, но в прежние времена большее предпочтение отдавалось общеупотребительным словам, не было столь заметного стремления к обновлению политического словаря.

Контрольные вопросы и задания

1. Какими причинами можно объяснить активное использование просторечной лексики в современной политической коммуникации?
2. Почему в постсоветский период усилилось воздействие жаргонной лексики и фразеологии на политический язык? Какие именно жаргоны активно воздействуют на современный политический язык?
3. При каких условиях использование просторечной и жаргонной лексики в политическом тексте может считаться уместным?
4. Чем можно объяснить тот факт, что после революции 1917 г. в политической коммуникации появилось много диалектизмов, тогда как в настоящее время подобные процессы не наблюдаются?
5. Почему политические экстремисты охотно используют грубо-просторечную лексику, тогда как для депутатов центристских партий это характерно в меньшей степени?
6. Чем можно объяснить все более широкое использование заимствованных слов в российском политическом дискурсе?
7. Лексика и фразеология, заимствованная из каких языков, наиболее представлена в отечественных политических текстах?
8. Приведите примеры аббревиатур, которые за последние годы стали общеизвестными. Какие советские аббревиатуры уже превратились в историзмы?
9. Почему языковеды рекомендуют проявлять сдержанность при использовании аббревиатур в политической коммуникации? Насколько целесообразно вообще отказаться от использования сложносокращенных слов?
10. В выступлениях Е.Т. Гайдара практически отсутствуют просторечные и жаргонные слова, но активно представлена книжная лексика, особенно научная. В какой мере названные особенности сказываются на имидже политика?
11. Воспитанные люди не должны использовать нецензурную брань. В какой мере этому требованию соответствуют авторы следующих высказываний? Кто из них и почему допускает использование указанных слов? Какими причинами политики пытаются оправдать использование брани?

    В отношении таких слов, которые являются нелитературными, грешен, употребляю. Но не по отношению к людям —

никогда стараюсь не обижать личность. А для того чтобы связывать различные части предложений бывает (мэр Москвы Ю .Лужков).

Мы матом не ругаемся, мы им разговариваем (приписывается губернатору Красноярского края А. Лебедю).

Тогда будет полный дефолт. Я не использую более распространенный русский термин (депутат Государственной думы А. Шохин).

На любом языке я умею говорить со всеми, но этим инструментом я стараюсь не пользоваться (председатель российского правительства В. Черномырдин).

Как бы вы одной фразой охарактеризовали положение дел в сегодняшней России? — Этого не сделаешь без использования ненормативной лексики (депутат Государственной думы, знаменитый правозащитник С. Ковалев).

12. Проанализируйте лексический состав одного из политических текстов с точки зрения использования в нем необщеупотребительной лексики и сложносокращенных слов.

13. Выделите стилистически окрашенные слова в следующих высказываниях. Насколько уместным вы считаете использование этих слов отечественными политическими лидерами?

В правительстве Чубайса — Черномырдина можно было либо воровать, либо стоять на атасе (вице-спикер Государственной думы РФ Г. Явлинский).

Я не из тех людей, чтобы доводить дело до мордобоя, я извиняюсь за это слово. И мордобой-то опять, не они же бы, не их же! Если бы их там навесить — это бы с удовольствием! (председатель правительства РФ В. Черномырдин).

Надо было удавить Асцатурова, который из-за своих жлобских претензий на взносы денег в городской бюджет потерял все рамки разумного! (мэр Москвы Ю. Лужков).

Я — за стабильность. Но не только сохранить кресло под своим задом сегодня, а хотя бы и завтра тоже (губернатор Красноярского края А. Лебедь).

Тем ноги повыдергиваем, а этим головы поотворачиваем (президент Белоруссии А. Лукашенко).

А как нам дальше быть? Или, я извиняюсь, голую задницу подставить, или все-таки как-то обеспечить себе, понимаешь, на востоке хорошее прикрытие (президент Б. Ельцин).

Глава 5

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Специалисты по современной политической коммуникации отмечают все возрастающую выразительность современной политической речи. Если в советские времена своего рода «сверхзадачей» советской элиты (к которой в определенной мере относились и журналисты официальных СМИ) была «политическая правильность» текста, соответствие его содержания господствующей идеологии и традициям ее языкового представления, то в постсоветскую эпоху на первый план выходит стремление к выразительности речи. Яркость и неожиданность способов выражения мысли, удачная языковая игра, индивидуальность стиля во многих случаях ценятся даже в большей степени, чем ясность и политическая корректность содержания текста. Рассмотрим ведущие приемы выразительности, активно используемые в современной политической коммуникации.

Стилистические фигуры и тропы

Специальные речевые средства воздействия на чувства и умы людей подразделяются на фигуры и тропы. И то и другое представляет намеренное отклонение от стандартной речи с целью привлечь внимание слушателей, заставить их задуматься, увидеть многоплановость картины и в конечном счете глубже понять смысл, почувствовать образ.

Стилистическая фигура — это необычное, привлекающее внимание построение текста, используемое для усиления его выразительности. Стилистические фигуры могут проявляться на различных языковых уровнях — фонетическом, морфемном, синтаксическом. К числу фигур относят антитезу, инверсию, эллипсис, парцелляцию, фонетический, лексический

и морфологический повтор, синтаксический параллелизм, риторический вопрос и риторический диалог.

Термин «фигура» перенесен античными учеными в риторику из искусства танца: риторическая фигура — это необычный оборот речи, предназначенный для ее украшения, усиления эмоционального воздействия. Движение и слово в танцевальных и риторических фигурах в равной степени превращаются в эстетическую ценность, доставляют человеку удовольствие, привлекают его внимание.

Троп — это необычное употребление одного слова, образное его использование, которое способно служить украшением речи; прямое значение в подобных случаях становится лишь фоном, оттеняющим специфику нового употребления и одновременно помогающим его понять. Термин «троп» восходит к латинскому глаголу со значением «поворачивать»: в данном случае «поворачивается», изменяется значение слова. Наиболее яркие тропы — это метафора, метонимия, олицетворение, символ, эпитет.

Во многих современных публикациях дается обзор стилистических средств, которые применяются в отечественной политической коммуникации. С чисто лингвистической точки зрения в политической речи используются те же стилистические средства, что и во многих других сферах коммуникации. Как и в других коммуникативных сферах, удачное использование стилистических фигур и тропов делает изложение более ярким, выразительным, привлекает внимание читателей и слушателей.

Для более детального рассмотрения закономерностей использования стилистических фигур и тропов в современном политическом тексте обратимся к стилистическим средствам, которые использованы в широко известной статье Александра Зиновьева, опубликованной в газете «Советская Россия».

«Исповедь «совка»? Нет, советского человека!»

Словом «совок» сейчас называют представителей поколений, которые сформировались и прожили более или менее значительную часть жизни в советский период. Употребляя это слово, употребляющие его люди тем самым выражают презрение к советской эпохе и порожденным ею людям.

Я принадлежу к числу таких совков, с молчаливого согласия которых был разрушен Советский Союз и советский социальный строй в России и других частях бывшего Советского Союза. До сегодняшнего дня я боялся признаться себе в этом, разделяя и выдумывая всяческие оправдания тому, что произошло у нас в горбачевско-ельцинские годы. Но вот в институте, в котором я проработал более тридцати лет, мне сообщили, что в моих услугах в связи с приватизацией и реорганизацией тут больше не нуждаются. Я знал, что рано или поздно это случится. Я ждал этот момент. И вроде бы был готов к нему психологически. Но когда мне официально сообщили об этом, это прозвучало для меня подобно смертному приговору.

БЕЗРАБОТНЫЙ

Безработный? Для меня как для совка за все годы жизни в Советском Союзе никогда в голову не приходила мысль даже в виде гипотезы, что я могу остаться без работы. Теперь я это слово воспринимаю как диагноз неизлечимой болезни. Болезни особого рода: социальной. Против нее нет и теперь никогда не будет лекарства.

В состоянии окаменелости, не замечая своих бывших коллег, я покинул институт. Как будто покинул целую эпоху. Неужели это произошло в реальности, а не в болезненном бреду?! Как и почему это произошло?! Кто в этом повинен?!

Пройдя пешком полпути до дому, я обрел способность к логическому мышлению. Ты сам и повинен в этом. Как ты реагировал на горбачевскую перестройку? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на ельцинскую «революцию» в августе 1991 г.? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на расстрел Верховного Совета в октябре 1993 г.? Ты одобрил его. Вот ты и получил то, что тебе и следовало получить за свою глупость, легкомысленность, безответственность, если не сказать нечто большее о твоем поведении — за предательство и в лучшем случае за попустительство предательству. Что посеешь, то и пожнешь!

ПОТЕРЯ КОЛЛЕКТИВА

Покинув институт в тот же день, когда мне заявили об увольнении, я вдруг понял, что потерял не просто привычное рабочее место и источник заработка, а нечто неизмеримо большее: коллектив. Пожалуй, это самая большая потеря для совка. Легче пережить потерю друзей и родственников, чем коллектива. Вовлеченность в жизнь коллектива во всех аспектах его бытия — вот что, оказывается, было основой нашей жизни. И вот этого величайшего завоевания советской эпохи больше нет!

Я стал замечать это, еще когда работал в институте. С началом горбачевской «перестройки» стало происходить в жизни института нечто такое, чему я не находил названия. Нечто вроде загнивания. Были те же помещения, студенты, преподаватели. Все вроде оставалось тем же, что и раньше. Но исчезало главное: организация людей в единый коллектив, коллективное самосознание, коллективная психология, коллективное поведение. Потеряли смысл партийная и комсомольская организации, собрания, совещания, отчеты и прочие компоненты целостности коллектива. Оставалась еще инерция советской коллективности, еще смутная надежда на то, что такое состояние временное, что вот-вот произойдет чудо, нас всех соберут в актовом зале, зачитают некое письмо высших инстанций — и опять все вернется на «круги своя». Но увы, ничего такого не случилось. Надежда пропала. Тонкая ниточка, связывавшая меня с прошлым, оборвалась.

Основное содержание жизни совков составляло все то, что они делали в своих первичных коллективах и через них. Мы не придавали этому значения, поскольку считали это само собой разумеющимся и незыблемым. Многие советские эмигранты признавались, что страдали, лишившись советских коллективов. Но они были исключены из коллективов, которые продолжали жить без них, и у них оставалась потенциальная принадлежность к мыслимым (потенциальным) коллективам. А тут произошло нечто более страшное: люди остались дома, а коллективы вдруг исчезли. Эмигранты пережили личную драму. А тут произошла трагедия целого народа: его лишили основного условия его бытия... С нами сделали нечто подобное тому, как если бы рыб вытащили из воды на сушу и сказали: «Вот вам освобождение от коммунистической воды, наслаждайтесь демократической сушей». Вот мы и наслаждаемся.

ПРИВАТИЗАЦИЯ

Я шел мимо бесчисленных учреждений и предприятий — деловых клеточек постсоветской России. В них работали люди. Но это были уже не коллективы, какими были советские деловые клеточки. Это были опустошенные деловые машины, очищенные от всего того, что составляло суть жизни совков. И люди в этих новых деловых машинах стали казаться мне лишь призраками людей, пустыми формами от людей, а их движения стали казаться лишь имитацией человеческой жизни. Город выглядел для меня оживленным в мультфильме кладбищем.

Разрушение советских коллективов — самая глубокая болезнь нашего народа. Поразительно, что оно произошло без сопротивления и почти незаметно. Никому не пришло в голову, что это станет основой всего прочего беспредела. Человек тем самым освобож-

дался от самого глубокого контроля — от контроля ближайшего окружения.

Я только теперь осознал, что вся затея с приватизацией была направлена фактически на разрушение коллективов и коллективизма. Убито общество коллективов, коммун. Страшно от того, что это произошло на моих глазах, а я пальцем не пошевельнул, чтобы помешать этому.

Что имеем — не жалеем, потеряем — плачем. Как же мы потешались над явлениями нашей коллективной жизни! Стремились уклониться от собраний, от субботников и других мероприятий. А теперь я мечтаю поучаствовать хотя бы в одном таком мероприятии, почувствовать себя одним из членов гигантской семьи — коллектива. Послушать свежие анекдоты, поболтать о всяких пустяках, пофлиртовать с сотрудницами, выпить с коллегами, потанцевать на вечеринке, выехать за город за грибами или просто на пикник, поучаствовать в спортивных соревнованиях или самодеятельности, посмеяться над карикатурами в стенной газете, получить благодарность или даже премию к празднику.

Боже, неужели это все кануло в Лету и не вернется никогда?! Какими же мы были идиотами, проморгав все это!

В рассмотренном тексте активно используются метафоры: преобразование социальной системы образно представляется то как прекращение существования живого существа, то как разрушение физического объекта. Ср.: *...был разрушен Советский Союз и советский социальный строй в России; Это прозвучало для меня подобно смертному приговору; я это слово воспринимаю как диагноз неизлечимой болезни. Болезни особого рода:* социальной. *Против нее нет и теперь никогда не будет лекарства; Неужели это произошло в реальности, а не в болезненном бреду?! Как ты реагировал на расстрел Верховного Совета в октябре 1993 г.? Легче пережить потерю друзей и родственников, чем коллектива: Нечто вроде загнивания. Тонкая ниточка, связывавшая меня с прошлым, оборвалась; С нами сделали нечто подобное тому, как если бы рыб вытащили из воды на сушу...; И люди в этих новых деловых машинах стали казаться мне лишь призраками людей, пустыми формами от людей, а их движения стали казаться лишь имитацией человеческой жизни. Город выглядел для меня оживленным в мультфильме кладбищем; Разрушение советских коллективов — самая глубокая болезнь нашего народа; Вся затея с приватизацией была направлена фактически*

на разрушение коллективов и коллективизма; Убито общество коллективов, коммун. Страшно от того, что это произошло на моих глазах, а я пальцем не пошевельнул, чтобы помешать этому. Боже, неужели это все кануло в Лету и не вернется никогда?!

Своего рода смысловым и стилистическим стержнем рассматриваемой публикации стал вынесенный в заголовок псевдоэтноним *совок*.

По данным академического «Словаря русского языка» (1981—1984), *совок* — это «лопатка с загнутыми кверху боковыми краями и короткой ручкой». В качестве иллюстраций в словаре представлены словосочетания *железный совок. Совок для мусора.* Метафорическое использование этого слова для пренебрежительного обозначения обычного советского человека, конечно, во многом объясняется фонетической близостью, однако не менее важен ассоциативный потенциал слова: «совок» — это нечто малозначительное, связанное с уборкой мусора. Эмоциональная окраска этой метафоры раскрывается уже в самом начале публикации: *Употребляя это слово, употребляющие его люди тем самым выражают презрение в советской эпохе и порожденным ей людям.* Эмоциональный потенциал образа продолжает развиваться и в последующем тексте.

Особое место метафоры *совок* в рассматриваемом тексте определяется уже самим ее вынесением в заголовок, где с помощью **антитезы** задается основной пафос статьи. Повествователь подчеркивает свою собственную принадлежность к «совкам» и рисует ностальгическую картину жизни «советских коллективов». Легко заметить, что антитеза — одна из главных риторических фигур этой публикации: в ней последовательно противопоставляются советская эпоха и «горбачевско-ельцинские годы», «коммунистическая вода» и «демократическая суша», коллективизм и индивидуализм, уверенность в своем будущем и необходимость постоянной борьбы за существование .

Важнейший прием акцентирования рассматриваемой метафоры — постоянный **повтор** слов *совок* и *советский*. Ср.: *Словом «совок» сейчас называют... Я принадлежу к числу таких совков, с молчаливого согласия которых был разрушен Со-*

ветский Союз *и советский социальный строй в России и других частях бывшего Советского Союза*. Используя эту риторическую фигуру, повествователь снова и снова напоминает о советской эпохе, советском социальном строе, советских коллективах и Советском Союзе. Показательно, что в данном тексте лексический повтор — это не единичный пример, а постоянно повторяющийся (в том числе с использованием других слов) прием: *Я покинул институт. Как будто покинул целую эпоху*; *Но это были уже не коллективы... Это были опустошенные деловые машины. И люди в этих деловых машинах стали казаться мне лишь призраками...*

Для акцентирования используемых метафор автор постоянно использует и риторические фигуры, основанные на взаимодействии повтора и расположения элементов. Автор последовательно применяет лексическую, смысловую и грамматическую **анафору**: *Как ты реагировал на горбачевскую перестройку? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на ельцинскую «революцию» в 1991 г.? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на расстрел Верховного Совета в октябре 1993 года? Ты одобрил его*. Обращает на себя внимание использование **эпифоры**: *Я... потерял... коллектив. ...Легче пережить потерю друзей, чем коллектива. Только теперь я понял... что душа совка — в его приобщенности к жизни коллектива*. В тексте встречается также **эпанафора** (стык): *Теперь я это слово воспринимаю как диагноз неизлечимой болезни. Болезни особого рода: социальной* (попутно отметим, что в этом фрагменте текста, как и в ряде других, для акцентирования метафоры использована еще одна риторическая фигура — **парцелляция)**. В тексте используется также **кольцо**: *И люди в этих новых деловых машинах стали казаться мне лишь призраками людей, пустыми формами от людей*... Примеры использования различных видов повтора (морфемного, лексического, смыслового, морфологического и синтаксического) можно легко продолжить.

В рассматриваемом тексте активно применяются и другие виды фигур: риторический вопрос, риторическое восклицание, риторический диалог, инверсия, уже названные выше антитеза и парцелляция, риторические вопросы и восклицания, риторический диалог и т.п. Особое впечатление произ-

водят развернутые метафоры с использованием «свежих», сохраняющих яркую внутреннюю форму образов: *С нами сделали нечто подобное тому, как если бы рыб вытащили из воды на сушу и сказали: «Вот вам освобождение от коммунистической воды, наслаждайтесь демократической сушей!»* Все это усиливает эмоциональный накал текста и привлекает внимание читателей к стилистической организации текста.

Контрольные вопросы и задания

1. Чем можно объяснить повышенное внимание современных политиков и журналистов к форме своей речи, к использованию разнообразных выразительных средств?
2. Проанализируйте один из политических текстов, представленных в приложении к данному учебному пособию, с точки зрения выявления в нем стилистических фигур и тропов.
3. В каких политических жанрах (речевка, лозунг, партийная программа, выступление на митинге и др.) особенно активно используются стилистические фигуры и тропы?
4. Охарактеризуйте лексико-стилистическую организацию одного из представленных в приложении политических текстов.
5. Какие выразительные средства используют политики в следующих высказываниях? С какой целью это делается? Насколько удачными вы считаете эти фразы?

   Если не заменим законодательство, будем с вами ловить блох, а акулы капитализма будут уходить из-под нашего пристального внимания (С. Степашин).

   У Доренко изо рта прямо долларами пахнет (губернатор Красноярского края А. Лебедь).

   Что нельзя сделать за деньги, можно сделать за большие деньги (вице-премьер московского правительства А. Ресин).

   Коней на переправе не меняют, а ослов можно и нужно менять (губернатор Красноярского края А. Лебедь).

   Когда не платят зарплату, директору надо делать массаж копчика с помощью напильника (министр экономики А. Лившиц).

   Нам надо перегрызть долларовый поводок (председатель Центробанка России В. Геращенко).

Интертекстуальность и интерстилевое тонирование текста

Интертекстуальность — это присутствие в тексте элементов других текстов, что обеспечивает его восприятие как частицы общего политического дискурса и — шире — как элемента национальной культуры (М.М. Бахтин, Р. Барт, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, С.И. Сметанина и др.). Вместе с тем конкретный текст — это автономный феномен, для которого характерны внутренне единство, цельность и законченность.

Современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими текстами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию. Такой текст оказывается насыщенным множеством скрытых и откровенных цитат, реминисценций, аллюзий, прецедентных метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе с использованием множества фоновых знаний из различных областей культуры.

В соответствии с концепцией Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.Б. Багаевой в качестве культурных знаков интертекстуальности могут использоваться следующие виды прецедентных феноменов

Прецедентный текст — законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности. К числу прецедентных текстов относятся произведения художественной литературы, фольклора, политические документы и др. В политическом дискурсе символом прецедентного текста нередко выступает его название, которое помогает читателю вспомнить содержание произведения. Ср.: *Роль парламента свелась к квартету, который, как не рассаживай, все равно плохо играет.* В этом высказывании Г. Зюганова название крыловской басни вместе с трансформированной цитатой помогает читателю лучше понять мысль автора.

Прецедентное высказывание — это цитата, афоризм, пословица. В современной политической речи прецедентные высказывания часто структурно и содержательно трансформируются, в них вкладывается обновленный смысл. В качестве преце-

дентного высказывания могут выступать не только развернутые фразы, но отдельные слова и выражения, по которым опознается коммуникативная практика известного человека (ельцинское «понимашь», горбачевское «начать и углубить»).

Прецедентная ситуация — хорошо известная историческая ситуация, событие, яркие признаки которого запечатлены в народном сознании с той или иной эмоциональной оценкой. Такая ситуация может обозначаться не только прямо, но путем указания на место событий, их время, яркие признаки: *татаро-монгольское иго*, *Ледовое побоище*, *Смутное время*, *1812-й год*, *Брестская крепость*, *Курская дуга* и др. В современной политической речи названия этих прецедентных ситуаций обычно используются метафорически. Например, по словам депутата Н. Харитонова, «Ирак — это наша Брестская крепость».

Символом прецедентной ситуации нередко оказываются предметы быта, иные артефакты, природные объекты: для Гражданской войны в России — это шашка и буденовка, для позднесоветской эпохи — талон на колбасу, для конца XX в. — сникерсы и памперсы.

Прецедентное имя — это имя (фамилия, прозвище и др.) известного политика, военачальника, ученого, писателя, героя литературного произведения и т.п. Такое имя (*Ломоносов*, *маршал Жуков*, *Наполеон*, *Менделеев*, *Иуда*, *Летучий голландец*) служит своего рода знаком определенных качеств, оно может символизировать тот или иной прецедентный текст или прецедентную ситуацию.

К числу прецедентных феноменов можно отнести также разнообразные устойчивые сочетания, фразеологизмы, штампы, повторяющиеся метафоры и иные знаки вторичности текста.

Используемые в тексте прецедентные феномены делают изложение более интеллектуальным, формируют новые смыслы, вводят новое событие в общеисторический и культурный контекст. Названные феномены позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение некоторые элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку.

Рассмотрим с точки зрения интертекстуальности следующую статью Андрея Пионтковского, опубликованную в «Новой газете».

В предчувствии Фороса, или Свита перестала играть короля: Российская политическая элита (она же партийно-хозяйственный актив) не дождалась своего ночного портье и оскорбилась

«А не пора ли вам, дорогие товарищи, стать законодателями мод в мировом автомобилестроении?» — обратился как-то молодой, энергичный и невероятно популярный генеральный секретарь к группе корпулентных мужчин партийно-хозяйственного помета, четверть века смотрящих вместе с местными бандитами за конвейером, установленным когда-то на берегах великой русской реки изобретательными сыновьями Средиземноморья.

«А не пора ли вам, господа министры-капиталисты, ставить перед собой более амбициозные задачи? Не замахнуться ли нам на Джорджа, понимаете ли, Дабл-Ю Буша и резко сократить разрыв с ведущими индустриальными странами?» — обратился 16 лет спустя молодой, энергичный и невероятно популярный президент к группе очень похожих мужчин, занимавшихся похожей деятельностью, но уже в масштабе всей страны.

Через несколько дней он обратился с тем же посланием к расширенному заседанию партийно-хозяйственного актива, или, как теперь принято говорить, с тем же «мессежем» к российской политической элите. Еще совсем недавно состояние, или, во всяком случае, внешнее поведение «элиты» на подобных ритуальных действах отвечало словам поэта: «Когда Он входит, все они встают — одни по службе, прочие от счастья».

На этот раз он был встречен мрачным гробовым молчанием оставшегося сидеть зала. На лицах проступало глухое и растущее раздражение. Элита знала, что президент знает, что в зале сидят люди, давно уже не только поставившие, но и успешно реализовавшие настолько амбициозные цели, что и их внукам мало не покажется. Напрягать их упреками в отсутствие амбиций и требовать от них еще одного рывка, чтобы догнать какую-то Португалию, было вопиющей бестактностью и откровенным нарушением конкорданса о передаче власти.

Была у них и еще одна причина для раздражения, очень российская. В первые дни славного президентства было столько истребителей, подлодок, патриархов, сортиров, в которых корчились враги павловских, визжащих о «мистической связи Путина с народом», чекистов без страха и упрека, стройными рядами идущих во

власть, что российской политической элите, как старой полковой лошади, в какой-то момент показалось, что она услышала знакомый Глас Трубы.

Нещадно поротая и при Иоанне Грозном, и при Петре Великом, и при Иосифе Кровавом, она послушно и даже с некоторым диктуемым исторической памятью вожделением нагнулась, приспустила штаны и обнажила нашкодившие задницы, ошибочно угадав в нем своего долгожданного ночного портье.

Зверств ждали от него неслыханных и необыкновенных. Как минимум порки, а может, и еще более решительной, калигуловской, если хотите, актуализации своей статусной роли. А он даже двух чижиков не смог как следует придушить. Может быть, все чекисты, опьяненные неожиданно открывшимися возможностями, разбежались крышевать мебельные магазины, променяв на валютную похлебку первородство железного Феликса. А может быть, ему просто противно стало.

Так или иначе стояние в неловкой позе ожидания утомило элиту и, не получив глубокого удовлетворения, она почувствовала себя дважды униженной и оскорбленной. Свита перестала играть короля. В таких случаях обычно меняют свиту. Или свита меняет короля.

В рассматриваемом тексте ярко представлены разнообразные прецедентные феномены. Широко используются прецедентные тексты, преимущественно трансформированные: *А не пора ли вам, дорогие товарищи, стать законодателями мод в мировом автомобилестроении?; А не пора ли вам, господа министры-капиталисты, ставить перед собой более амбициозные задачи? Не замахнуться ли нам на Джорджа, понимаете ли, Дабл-Ю Буша и резко сократить разрыв с ведущими индустриальными странами?; Когда Он входит, все они встают — одни по службе, прочие от счастья; униженные и оскорбленные; ночной портье; мистическая связь Путина с народом; короля играет свита.*

Автор умело актуализирует в сознании адресата прецедентные ситуации: *В предчувствии Фороса; догнать Португалию; истребители, подлодки, патриархи, сортиры, в которых корчились враги; без страха и упрека; полковая лошадь, услышавшая знакомый Глас Трубы; двух чижиков не смог как следует придушить; променять на валютную похлебку первородство.* Современный российский читатель легко понимает и аллюзии, связанные с прецедентными именами: *Иоанн Грозный, Петр Великий, Иосиф Кровавый, железный*

Феликс, калигуловская актуализация своей статусной роли; павловские, визжащие о «мистической связи...».

Ключевые метафоры рассматриваемого текста — это представление характерных для России взаимоотношений президента и элиты как закрепленного в исторической памяти физического и сексуального насилия. В соответствии с российскими традициями статусная роль президента требует от него агрессивности, ярким примером которой служат упоминаемые в статье царь Иоанн IV, император Петр I и генеральный секретарь ЦК КПСС Иосиф Сталин. Даже ближайшее окружение (бояре, воеводы, генералы, министры, секретари ЦК) должны быть в постоянном трепете. Таким образом, использование прецедентных феноменов (текстов, ситуаций, имен), интерстилистического тонирования, разнообразных стилистических фигур заметно акцентирует используемые в тексте метафоры.

Каждый прецедентный феномен в тексте — это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений и вместе с тем показатель интеллектуального уровня автора и его оценки возможностей адресата. Творческая индивидуальность автора, автономность текста проявляются в удачном отборе элементов интертекстуальности, в умелом отборе самих компонентов из предшествующего опыта человечества для создания нового оригинального текста.

Интерстилевое тонирование текста. Интерстилевое тонирование — это намеренное использование в тексте языковых средств с максимально разнообразной стилистической окраской, в том числе таких, которые воспринимаются как стилистически инородные, не соответствующие традиционным представлениям о качествах политического текста. Одна из особенностей современной политической коммуникации состоит в том, что авторы не считают необходимым ограничивать себя использованием исключительно публицистической лексики, а смело вводят в текст, казалось бы, совершенно несовместимые элементы.

Если обратиться к рассмотренной выше статье Андрея Пионтковского, то легко заметить, что автор постоянно использует названный стилистический прием. В данном тексте,

с одной стороны, постоянно применяются жаргонные, просторечные, разговорные слова и выражения (*сортир, нашкодившие задницы, крышевать, мало не покажется*) или стилистически закрепленные значения общеупотребительных слов (*партийно-хозяйственный помет, смотреть за конвейером, замахнуться на Джорджа Дабл-Ю Буша, напрягать упреками*). С другой стороны, стилистически сниженная лексика особенно ярко выделяется рядом с книжными словами и выражениями (*партийно-хозяйственный актив, вопиющий, конкорданс, вожделение, актуализация статусной роли*). Использование жаргонной и просторечной лексики параллельно с книжными словами при описании российской политической и деловой элиты, как и сообщение о ее совместной с бандитами деятельности, упоминание о «крышующих» преступников чекистах, служит средством смыслового сближения сферы власти со сферой криминала, этот прием как бы объединяет политических лидеров и преступных «авторитетов».

Показательно, что в данном тексте интерстилевое тонирование нередко дополняется всевозможными смысловыми и структурными трансформациями фразеологизмов, прецедентных высказываний и даже отдельных слов.

В тексте находят широкое применение и стилистические фигуры. Обращает на себя внимание смысловой, синтаксический и лексический параллелизм двух первых абзацев, что позволяет подчеркнуть сходство знаменитых выступлений М.С. Горбачева и В.В. Путина. Автор использует антитезу: противопоставляется прежнее и современное поведение элиты, ожидаемые и реальные действия президента. Текст завершается осложненным хиазмом, в котором в разных синтаксических позициях используются метафоры *свита* и *король*. Постоянно используется инверсия, парцелляция и цепочки однородных членов.

Представленный материал наглядно демонстрирует широкое разнообразие стилистических средств, которые используются в современной политической коммуникации с целью акцентирования структурных свойств текста, привлечения внимания к самому способу выражения авторской мысли. Показательно, что современные политики и журналисты активно используют как ресурсы, которые были охарактеризо-

ваны еще в древних риториках, так и новые, созданные и осмысленные в рамках постмодернистской эстетики (интертекстуальность и интерстилевое тонирование).

Контрольные вопросы и задания

1. В свое время М.В. Ломоносов настойчиво предостерегал от смешивания «штилей», т.е. совмещения в пределах одного текста «высокой» и «низкой» лексики. Почему современные политики и журналисты совершенно пренебрегают этим предостережением, позволяя себе использовать в политических текстах интерстилевое тонирование текста?
2. Что такое прецедентные феномены? Какие типы прецедентных феноменов вам известны?
3. С какими целями прецедентные феномены используются в политических текстах?
4. Какие прецедентные феномены, восходящие к современной политической ситуации, будут использовать наши потомки?
5. Известный швейцарский лингвист Патрик Серио назвал советский политический язык «деревянным». В основание этой метафоры легли представления о чрезвычайно стандартизированном, сопротивляющемся всему новому языке, предназначенном прежде всего для демонстрации верности коммунистической идеологии. Насколько указанная метафора соотносима с современным политическим языком?
6. Насколько обоснованны представления о том, что современный политический язык лучше (или хуже), чем политический язык советской эпохи?
7. Выявите прецедентные феномены в следующих контекстах и определите источники прецедентности.
   - *У Бушей нефтяной бизнес, и им выгодно общаться с арабами — тогда цены на нефть будут высокими. В Техасе у них там свой «Лукойл» местный или ЮКОС. С арабами они деньги зарабатывают* (В. Жириновский).
   - *Армия, МВД и органы госбезопасности в ходе реформ разрушены весьма основательно. Но «Альфа» и «Вымпел» сохранили боеспособность. И именно они спасли Россию от унизительного поражения и десятков новых «Норд-Остов»* (В. Тетекин).

— *Незадолго до сыр-бора с ЮКОСом Чубайс как раз и выступил со своим манифестом, заявив стране, что его «партия меньшинства» возглавит второй этап либеральной реформации в России. Ставки сделаны, и все эти стенания вокруг «термидора» питерцев и «второй 37-й год» — невсерьез, на публику* (В. Попов).

— *Вызов терроризма абсолютно неожиданный. Вспомним «Войну с саламандрами». Террористы и есть те самые саламандры: у них нет армии, нет государства, они появляются из ниоткуда, каждое государство имеет своих саламандр... Фактически мы живем в состоянии войны с саламандрами* (И. Хакамада).

8. Выявите прецедентные высказывания в следующих контекстах и определите источники прецедентности.

   — *Минутки ненависти в американской прессе удивительным образом совпадают с перипетиями «дела ЮКОСа»* (К. Славин).

   — *Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Чубайсе и фугасе* (О. Бакушинская).

   — *Пугачев не принадлежал сам себе. Он уже хотел остановить этот бунт, бессмысленный и беспощадный* (Б. Немцов).

   — *Власть начинает работать, когда ее критикуют, не дают почивать на лаврах. А у нас скоро будет написано на властных зданиях: «Мы живем, под собою не чуя страны»* (Б. Немцов).

   — *А дальше будет еще хуже. Потому что народ-то молчит. Народ безмолвствует и голосует за власть* (И. Хакамада).

   — *После создания карманной националистической пугалки «Родина» шли всякие разговоры о создании еще и карманного объединения демократов. И вообще-то имя Касьянова в этих разговорах звучало... И тогда я, знаете ли, поняла: «биографию делают нашему рыжему»* (О. Бакушинская).

9. Проанализируйте один из политических текстов, представленных в приложении к настоящему учебному пособию с точки зрения использования в нем ресурсов интертекстуальности и интерстилевого тонирования.

Глава 6

МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Исследование политической метафоры и описание ее конкретных моделей — одно из интенсивно развивающихся направлений современной политической лингвистики. В современном политическом дискурсе наблюдается высокая частотность метафор, это объясняется тем, что метафора превратилась в одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества. Специалисты стремятся выявить функции политической метафоры, описать ее ведущие типы и модели, охарактеризовать закономерности развертывания метафорического образа в политическом тексте.

Метафора и ее функции в политической коммуникации

При традиционном подходе, который берет начало еще в трудах Аристотеля, метафора понималась как перенос названия с одного предмета на другой, в чем-то сходный с первым. Исследователи отмечали, что использование метафоры обогащает арсенал наименований (лексикон языка), служит средством украшения речи и способствует воздействию на адресата. Вместе с тем многие исследователи считали, что метафоричность нередко мешает ясности и точности мышления.

Современные специалисты подчеркивают, что человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. Соответственно метафоричность — это естественный путь творческого мышления, а вовсе не уклонение от главной дороги к познанию мира и не прием украшения речи.

Метафору нередко образно представляют как зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание, в том числе сущности политической жизни и взаимосвязи различных сфер человеческого бытия.

Множество метафор, используемых в политической коммуникации, образно называют **метафорической мозаикой**. Как известно, каждая отдельная частица мозаики — это всего лишь «кусочек камня или стекла», по которому практически невозможно судить о картине в целом. Точно так же каждая конкретная метафора отражает мировосприятие одного человека, нередко метафорическая конструкция передает только сиюминутное настроение этого человека. Если же рассматриваемую метафору сопоставить с множеством других, если выделить доминантные для современного политического дискурса метафорические модели, если сравнить системы политических метафор в различных языках, то, возможно, удастся обнаружить какие-то общие закономерности в метафорической картине политического мира, существующей на данном этапе развития в национальном сознании. Так маленькая частица становится органичной частью большой картины. В связи с этим очень значимо социальное признание авторской метафоры, что может проявиться, в частности, в цитировании соответствующего высказывания и в дальнейшем развертывании образа.

Ср.: *Мой коллега Юрий Яковлев сказал: «Нас затоптали, во всем мире Россию воспринимают как черт знает какую страну, и тут такая радость* (Ж. Алферов, Комсомольская правда).

Когда фразу «*Нас затоптали...»* произносит «широко известный в узких кругах» физик, то это его частное мнение и индивидуально-авторский образ. Но когда рассматриваемую фразу запоминает и повторяет (а значит, образ показался ему точным и выразительным) нобелевский лауреат и одновременно депутат Государственной думы, когда интервью с этой фразой печатает газета с многомиллионным тиражом, то это уже не частное мнение и отражение личного мировосприятия, а значимый для политического дискурса факт.

Рассмотрим основные функции метафоры в политической коммуникации.

1. Когнитивная функция. В современной лингвистике метафорическое мышление рассматривается как не менее значимое, чем мышление рациональное. Соответственно метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира. В процессе мыслительной деятельности аналогия играет не меньшую роль, чем формализованные процедуры рационального мышления. Обращаясь к чему-то новому, сложному, не до конца понятному, человек нередко пытается использовать для осмысления элементы какой-то более знакомой и понятной сферы. При метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью и высокой степенью абстракции, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы. Например, в следующем контексте авторы стремятся охарактеризовать сложное положение, в которое попал Национально-патриотический союз России, при помощи привычных для русского языкового сознания метафор со сферой-источником «Мир растений»:

В минувший год НПСР был похож на дерево, охваченное бурей, которая ломала ветки и сдирала листву. Эта буря унесла много желтых листьев, недозрелых плодов, чахлых, нестойких побегов. Под этим потрепанным древом по сию пору никому не нужные лежат Подберезкин, Лапшин и Тулеев. И их начинает точить червь забвения. Но *дерево в своем стволе, корнях и ветвящейся кроне не сломалось*. Стремительно *набирает новые соки, одевается свежей листвой, обретает новую высоту и ширь* (В. Чикин, А. Проханов).

Метафора — это особый способ мышления, повседневная реальность языка, обусловленная проявлением аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафорические образы заложены уже в самой интеллектуальной системе человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует.

Политическая ситуация в современной России постоянно преобразуется, и для характеристики новых, пока еще «безымянных» реалий нередко используются метафоры. Яркий пример подобной метафоры — это обозначение политической доктрины М.С. Горбачева словом «*перестройка*».

В других случаях метафора представляет собой другое название взамен уже существующего, но по каким-либо причи-

нам не устраивающего автора. При помощи метафоры соответствующее явление подводится под категорию, что позволяет лучше определить сущность этого явления и выразить свое отношение к нему. Например, процесс передачи государственной собственности в частное владение имеет общепринятое название — *приватизация*. Но представители непримиримой оппозиции постоянно называют проведенную в России приватизацию *грабежом*, т.е. при помощи метафоры подводят соответствующие действия под категорию «уголовные преступления» и одновременно подчеркивают их негативную оценку. Ср.: *Это было не накопление капитала, а бандитский грабеж страны — бессовестный и наглый. Сейчас разграбление продолжается, и края этому пока не видать* (Г. Зюганов).

Найденный образ начинает последовательно уточняться и детализироваться: если приватизация — это грабеж, то ее организаторы и участники — это бандиты, а президент страны — главарь банды, пахан, крестный отец. Соответственно противники приватизации воспринимаются как люди, стоящие на страже законности и препятствующие продолжению преступлений. Такая система метафор постоянно использовалась в коммунистической прессе, создавая характерную для коммунистического сознания метафорическую модель современной российской действительности.

Во многих случаях метафора позволяет представить что-то еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта. Эта разновидность присуща научному дискурсу, но не исключена и в политическом. Например, в середине 80-х годов прошлого века для обозначения взаимоотношений между государствами на нашем континенте стала использоваться метафора *общеевропейский дом*, которая в постсоветский период сменила конфронтационную метафору *железный занавес*. Точные формы отношений между вчерашними врагами были еще неизвестны, но метафора, используя хорошо знакомую понятийную основу с ярким эмоциональным ореолом, создавала по крайней мере представление об общих принципах отношений: предусмотрительные люди стремятся поддерживать с соседями по дому добрые отношения, соседям часто

приходится совместно решать те или иные проблемы, они помогают друг другу.

2. Коммуникативная функция метафоры. Язык — это не только орудие мышления, но и средство передачи информации. Если человек мыслит метафорами, то вполне закономерно, что и передача информации осуществляется с использованием метафор. Больше того, во многих случаях метафора позволяет передавать информацию в более удобной для адресата форме. Например, метафорическое обозначение политической организации «Медведь» воспринимается значительно легче, чем официальное ее наименование «Межрегиональное движение “Единство"» или возможная аббревиатура МДЕ. Показательно, что слияние политических движений «Единство» и «Отечество» (и соответственно появление нового названия) не оказалось препятствием для использования «медвежьих» метафор.

Разновидностью коммуникативной функции можно считать эвфемистическое использование метафор. Во многих случаях метафора помогает передать информацию, которую автор по тем или иным причинам не считает целесообразным обозначить прямо, при помощи непосредственных номинаций. Примером подобного использования метафоры может служить опубликованное газетой «Известия» интервью, в котором Ю. Лужков отказался прямо говорить о своей оппозиционности «партии власти», но, рассказывая о своей пасеке, упомянул о том, что «если пчелы не будут защищать свой мед от всяких там медведей, то они погибнут». Поскольку медведь — это символ движения «Единство», а Ю. Лужков в то время был лидером движения «Отечество» (которое враждовало с «Единством»), то метафора становится вполне понятной. Сила метафоры, ее «голубая кровь» (А.Н. Баранов) заключается в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в особой значимости метафорической концептуализации мира. Метафора — как партком в коммунистической России — все решает и ни за что не отвечает.

Следующая разновидность коммуникативной функции — популяризаторская функция. Метафора позволяет в доступ-

ной для слабо подготовленного адресата форме передать сложную идею. Например, бывший председатель правительства России Сергей Кириенко сравнивает трудности принятия бюджета с ситуацией в бедной студенческой семье. Молодые супруги решают, что купить — холодильник или сапоги. И то и другое нужно, но денег на все не хватает.

Несколько другой прием использует Вячеслав Костиков, который в своей аналитической статье «Где они, ресурсы развития?» последовательно использует метафору для своего рода дублирования или резюмирования важнейших положений:

Российская экономика исчерпала те резервы, на которых основывался экономический рост последних трех лет. По оценке Центра макроэкономического анализа, минимальным условием для развития до 2010 г. являются 4,5% годового роста экономики. М. Касьянов обещает В. Путину 3,5%. А бывший министр А. Лившиц считает, что и 2% будут удачей. Мотор заглох, колеса буксуют. Становится очевидным — нужны новые ресурсы роста. Эксперты называют три — сокращение доли малоэффективной государственной собственности, иностранные инвестиции и — главный резерв: стимулирование среднего и малого бизнеса. Горячие головы говорят: чтобы сдвинуть застрявший состав, нужны новые локомотивы. Необходимы руководители, способные перевести эти идеи в практику работы правительства. Нужны новые машинисты (АиФ. 2002. № 12).

Как известно, политическая речь часто ориентирована на самые широкие массы, а поэтому бывший пресс-секретарь президента России стремится, с одной стороны, рационально обосновать свою точку зрения (при помощи статистики, ссылок на авторитеты и др.), а с другой — выражаться в доступной и привлекающей внимание адресата форме. В этом смысле метафора напоминает картинки в детской книжке: они призваны привлечь внимание к тексту, но служат единственным источником информации для детей, не научившихся читать.

3. Прагматическая функция метафоры. Метафора является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения

его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния.

Использование метафоры способствует усилению действенности побуждения граждан к политической деятельности. Например, метафорический призыв «Выйти на решающий бой с врагами» воспринимается совершенно иначе, чем банальное приглашение проголосовать на выборах или принять участие в демонстрации, хотя в данном случае метафорический бой — это и есть участие в выборах или демонстрации.

Метафорическая аргументация постоянно используется в политической речи как способ изменения политических воззрений адресата. На первом этапе аргументации метафора позволяет обратиться к некоторому общему для коммуникантов фонду знаний и тем самым создать своего рода общую платформу, опираясь на которую, говорящий с легкостью может развить свою точку зрения. Например, противники продажи земли часто используют такую аргументацию: «Земля — это мать, а мать продавать нельзя». Из этого делается вывод, что нельзя продавать и землю. Первая часть этого высказывания вводит привычную для русского сознания метафору, во второй части высказывания (если не рассматривать слово *мать* как метафору) тоже представлено общепринятое суждение. В результате софистический характер обоснования требует специального анализа, к которому склонны далеко не все слушатели.

Существуют люди, на которых метафорическая аргументация воздействует намного эффективнее, чем любая иная. В других случаях метафорические аргументы выступают как важное дополнение к рациональным или эмоциональным аргументам.

Метафора часто используется для воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата и создания соответствующего отношения к рассматриваемым реалиям. Например, ассоциируя название партии «Межрегиональное движение “Единство"» с образом медведя, люди переносят на партию традиционное для России позитивное восприятие «хозяина тайги», «генерала Топтыгина», сильного и добродушного героя народных и литературных сказок и даже символа Олимпиады-80. Подобные метафоры создаются прежде всего для

того, чтобы перенести имеющееся у читателя эмоциональное отношение к понятию-источнику (его обозначает слово в основном значении) на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова. Иначе говоря, вполне традиционное для русского национального сознания отношение к медведю закономерно переносится и на соответствующую партию.

4. Эстетическая функция метафоры. Данная функция является основной для художественного дискурса, вместе с тем она очень существенна и для политической сферы общения. Хорошо известно, что образная форма привлекает внимание адресата и способна сделать высказывание более действенным. Блеск метафорической формы часто воспринимается как признак глубины и смысловой точности высказывания. Поэтому роль красивой языковой формы напоминает роль красивой упаковки товара: она не гарантирует качества, но очень значима для успешной реализации продукции.

Красивая метафора нередко воспринимается как прозрачная загадка: понять автора нетрудно, но доставляет удовольствие само декодирование смысла. Ср.: *Путин... <u>подковал и поставил в стойло иноходцев-губернаторов</u>, назначив <u>над ними семь строгих конюхов</u>, но те лузгают семечки, а <u>иноходцы прогрызают стены конюшни</u>... Он разгромил две виртуальные империи — ОРТ и НТВ. <u>Прогнал под дождь нашкодившего от возбуждения</u> Доренко и <u>вырвал клыки саблезубому тигру</u> Киселеву, вставив ему <u>в челюсти клочки промокашки</u>, но <u>вся русофобская тля</u>, как и прежде, <u>облепила экраны</u>* (А. Проханов).

Употребление новых слов по уже существующим моделям часто создает в тексте оптимальное соотношение стандарта (использование модели) и экспрессии (различные виды оживления метафоры), привлекает внимание адресата к способу выражения мысли, которая воспринимается как более яркая и значимая. Это особенно относится к постсоветской политической речи. В качестве разновидностей рассматриваемой функции можно выделить изобразительную и экспрессивную.

Заканчивая обзор, подчеркнем, что рассмотренные функции метафоры и особенно их варианты лишь относительно автономны, в конкретных текстах они тесно переплетаются между собой. Нет сомнений в том, что в зависимости от си-

туации значимость той или иной функции метафоры может возрастать или уменьшаться, но у нас пока нет инструмента для точного количественного определения соотношения рассматриваемых функций в конкретном тексте.

Контрольные вопросы и задания

1. По каким признакам различаются традиционная и когнитивная теории метафоры?
2. Почему Дж. Лакофф считает, что метафора — это не средство украшения речи, а способ мышления? Можно ли при когнитивном подходе считать, что метафоры действительно украшают текст?
3. В чем состоят различия между коммуникативной и когнитивной функциями метафоры?
4. Какие разновидности коммуникативной функции рассмотрены в настоящем разделе?
5. В какой мере метафора может усиливать воздействие текста на читателя? Какие разновидности прагматической функции рассмотрены в данном разделе?
6. В какой коммуникативной сфере (научной, художественной, деловой и др.) особенно значима эстетическая функция метафоры? В каких жанрах политической речи эта функция наиболее значима?

Метафорическая модель и ее компоненты

Теории метафорического моделирования и описанию конкретных метафорических моделей посвящено множество специальных публикаций, причем особенно активно это направление развивается в конце XX — начале XXI в. Представляемый ниже вариант теории метафорического моделирования восходит к ставшей уже классической монографии Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (впервые опубликована на английском языке в 1980 г.). Развитие этой теории на материале отечественных

политических текстов представлено в публикациях А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, И.М. Кобозевой, Т.Г. Скребцовой, Ю.Б. Феденевой, А.П. Чудинова и других исследователей.

Система метафорических моделей — это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией.

Метафорическая модель — это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X — это Y». Примером могут служить метафорические модели, представляемые следующими формулами: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — это ВОЙНА; ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ — это ПУТЕШЕСТВИЕ; ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ — это ДЕНЬГИ. Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие. Соответственно формула «X — это Y» обозначает, что ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ метафорически уподобляется ВОЙНЕ. В соответствии с названной формулой система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита). При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

В соответствии со сложившейся традицией для описания метафорической модели (по другой терминологии — модели метафоры) хотя бы по минимальной схеме должны быть охарактеризованы ее следующие признаки:

1. Исходная понятийная область (в других терминах — ментальная сфера-источник, сфера-донор, откуда-сфера, сигнификативная зона, источник метафорической экспансии, область источника), т.е. понятийная область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц. Во многих случаях существует возможность указать не только исходную понятийную область, но и ее отдельные участки, служащие источником метафорической экспансии.

2. Новая понятийная область (в других терминах — ментальная сфера-магнит, сфера-мишень, куда-сфера, денотативная зона, рецепиентная сфера, направление метафорической экспансии, область цели), т.е. понятийная область, к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц. Нередко есть возможность указать не только понятийную область-магнит, но и ее отдельные участки, притягивающие соответствующие метафоры.

3. Относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира. Эти фреймы изначально структурируют исходную концептуальную сферу (сферу-источник), а в метафорических смыслах служат для нетрадиционной ментальной категоризации сферы-магнита. В данном случае фрейм — это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фреймы организуют наше понимание мира в целом, это своего рода структура данных для представления стереотипной ситуации.

Нередко система фреймов предстает как своего рода когнитивный динамический сценарий, отражающий представления о типичной последовательности развертывания модели. Например, характерная для политической коммуникации метафорическая модель с исходной ментальной сферой «болезнь» предполагает следующий сценарий развертывания: *заболевание — выявление симптомов — определение диагноза — лечение — уход за больным — выздоровление.*

4. Составляющие каждый фрейм типовые слоты, т.е. элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. Например, фрейм «вооружение» включает такие слоты, как «огнестрельное оружие», «холодное оружие», «боевая техника», «боеприпасы», «средства защиты от оружия и маскировки» и др.

При характеристике составляющих слота, его частей употребляют термин «концепт»; для обозначения этих концептов чаще всего используются слова естественного языка. Концепты отражают представления о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов

всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких **квантов** знания. Концепт в отличие от лексической единицы (слова) — это единица сознания, ментального лексикона. Совокупность всех существующих в национальном сознании концептов образует концептуальную систему, которая подразделяется на ряд концептуальных (понятийных) сфер и подсфер.

5. Компонент, который связывает первичные (в сфере-источнике) и метафорические (в сфере-магните) смыслы охватываемых данной моделью единиц. Например, при анализе метафорической модели ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — это ВОЙНА необходимо определить, какие признаки позволяют метафорически сближать указанные сферы, чем именно политическая деятельность может напоминать войну, почему понятийная структура сферы-источника оказывается подходящей для обозначения элементов в сфере-магните.

6. Дискурсивная характеристика модели, т.е. типичные для соответствующих метафор концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, прагматический потенциал модели, ее взаимосвязи с существующей политической ситуацией, конкретными политическими событиями, политическими взглядами и интенциями субъектов коммуникации и др.

7. Продуктивность модели, т.е. способность к развертыванию и типовые направления развертывания в тексте и дискурсе. При необходимости можно вычислить и частотность использования соответствующих модели метафор, сопоставить частотность различных моделей с учетом стилистических, жанровых и иных признаков текста.

Название модели всегда включает два компонента: сферу-источник и сферу-мишень (например, ПОЛИТИКА — это СПОРТ). В отдельных случаях используются и описательные названия моделей (например, политическая метафора с исходной понятийной сферой «СПОРТ»). Между соответствующими модели метафорами устанавливаются отношения на сигнификативном (уровень понятий), денотативном (область объектов метафорического осмысления) и экспрессивном уровнях.

Целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития политического дискурса и помогает

определить степень влияния изменений социально-экономического характера на функционирование языка.

Важная проблема, возникающая при систематизации метафорических моделей, — это избрание основания для классификации.

Во-первых, за основу для систематизации можно взять исходную понятийную сферу (сферу-источник метафорической экспансии) и выделить, например, следующий ряд однотипных моделей:

1) ПОЛИТИКА — это ЗДАНИЕ (дом);
2) ПОЛИТИКА — это МЕХАНИЗМ;
3) ПОЛИТИКА — это ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ;
4) ПОЛИТИКА — это РАСТЕНИЕ.

При необходимости за основу для классификации можно взять не понятийную сферу-источник, а лишь ее отдельные фреймы. Например, в понятийном поле «Политика» выделяются следующие фреймы: субъекты политической деятельности (политические лидеры, политические активисты, избиратели и др.), политические организации, политические институты (парламент, правительство, муниципальные органы власти), политическая деятельность, отношения между субъектами политической деятельности и т.п. Взяв за основу первый из названных фреймов, можно выделить следующий ряд однотипных моделей:

1) ПОЛИТИК — это ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЖИВОТНОГО МИРА (медведь, волк, лев, крокодил, баран и т.п.);
2) ПОЛИТИК — это СПОРТСМЕН (боксер, шахматист, лидер, аутсайдер, тренер команды и т.п.);
3) ПОЛИТИК — это ЧАСТИ ЖИВОГО ОРГАНИЗМА (голова, сердце, рука, глаза и др.);
4) ПОЛИТИК — это ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ (рядовой или генерал, разведчик, кавалерист, главнокомандующий и др.).

Соответственно отношения между субъектами политической деятельности (людьми и организациями) — это война,

игра, отношения в животном мире, спортивное состязание, театр, отношения в феодальной иерархии, отношения в семье и т.п.

За основу для классификации можно взять и сферу метафорического притяжения (сферу-мишень) и на этой основе выделить, например, следующий ряд однотипных моделей:

1) ПОЛИТИКА — это ЗДАНИЕ (дом);
2) ЭКОНОМИКА — это ЗДАНИЕ (дом);
3) ЮРИСПРУДЕНЦИЯ — это ЗДАНИЕ (дом);
4) РЕЛИГИЯ — это ЗДАНИЕ (дом).

Еще одна классификация моделей учитывает те компоненты, которые связывают первичные и вторичные значения охватываемых соответствующими моделями слов. Сюда относятся такие типовые смыслы, как «причина и следствие», «главное и второстепенное», «руководитель и подчиненный», «сильный и слабый» и т.п. Например, для выражения причинно-следственных отношений может метафорически использоваться лексика родства (мать и дочь; сын и отец, рождать), лексика из понятийной сферы «Растения» (семена и урожай, корни и плоды). Для обозначения отношений управления можно использовать лексику из понятийных сфер «Механизмы» (руль, рычаги, тормоз), «Человек и части его тела» (голова, мозг и ноги, руки), «Животный мир» (наездник и лошадь, вожжи, узда), «Театр» (дирижер, режиссер, суфлер, марионетка, кукловод), «Преступный мир» (пахан, шестерка, авторитет, киллер).

Для познания закономерностей метафорического моделирования действительности могут быть значимы результаты анализа каждого из рассмотренных выше типов моделей.

Вторая важная проблема, встающая при выборе параметров классификации метафорических моделей, — это определение состава понятийных сфер, способных служить источником или мишенью для метафорической экспансии. При определении таких сфер следует учитывать, что создаваемая человеком картина мира изначально антропоцентрична: этот мир строится разумом человека, который концептуализирует политические реалии, опираясь на свои представления о со-

отношении индивида и мира. Метафора реализует представления о человеке как о центре мира.

В связи с этим было выделено и охарактеризовано четыре широких разряда моделей политической метафоры. В каждом из этих разрядов обнаруживается несколько наиболее типичных моделей. Эти модели дают относительно полное представление о специфике соответствующего разряда. Содержание основных разрядов современной русской политической метафоры лет может быть обобщено следующим образом.

1. **АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА.** Как известно, Бог создал человека по своему образу и подобию. Возможно, именно этим можно объяснить тот факт, что Человек также моделирует политическую реальность исключительно по своему подобию, что позволяет метафорически представлять сложные и далекие от повседневности политические понятия как простые и хорошо известные реалии. При исследовании этого разряда анализируются концепты, относящиеся к исходным понятийным сферам «Анатомия», «Физиология», «Болезни», «Семья» и т.п.
2. **ПРИРОДОМОРФНАЯ МЕТАФОРА.** Живая и неживая природа издавна служит человеку своего рода моделью, в соответствии с которой он представляет социальную, в том числе политическую, реальность, создавая таким образом языковую картину политического мира. Источниками метафорической экспансии в данном случае служат понятийные сферы «Мир животных», «Мир растений», «Мир неживой природы», т.е. политические реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы.
3. **СОЦИОМОРФНАЯ МЕТАФОРА.** Различные составляющие социальной картины мира постоянно взаимодействуют между собой в человеческом сознании. Поэтому мир политики постоянно метафорически моделируется по образцу других сфер социальной деятельности человека. Рассматриваемый разряд политических метафор включает такие понятийные сферы-источники,

как «Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Экономика», «Игра и спорт».

4. **АРТЕФАКТНАЯ МЕТАФОРА.** Бог создал мир и человека, но человек посчитал созданный Богом мир недостаточно комфортным и продолжил созидательную деятельность. Человек реализует себя в создаваемых им вещах — артефактах. Именно по аналогии с артефактами люди метафорически моделируют и политическую сферу, представляя ее компоненты как «Механизмы», «Дом (здание)», «Мир компьютеров», «Инструменты», «Домашнюю утварь» и др.

Названные выше разряды метафор можно схематично представить следующим образом: «Человек как центр мироздания», «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда».

Важно подчеркнуть, что в основе каждой понятийной сферы лежит концептуализация человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности. Именно поэтому выделяется, например, понятийный разряд «Человек и природа», а не категория (или семантическое поле) «Природа». В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики в основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира. Всякий концепт является не изолированной единицей, а частью домена (ментального пространства, понятийной сферы). Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт. Концепты, как и домены в целом, отражают не научную картину мира, а обыденные (наивные) представления человека о мире.

Специальные наблюдения показывают, что в основе абсолютного большинства политических метафор лежит именно обыденная картина мира, наивные представления, которые отнюдь не примитивны, как может показаться; больше того, во многих случаях подобные представления не менее сложны и интересны, чем научные. Эти наивные представления отражают опыт освоения мира десятков поколений на протя-

жении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в познании национального менталитета.

При рассмотрении типичных свойств метафорических моделей можно обнаружить, что такие модели способны взаимодействовать друг с другом. Существующая в дискурсе метафорическая картина мира — это своего рода система метафорических полей, свойства которой во многом аналогичны свойствам системы лексико-семантических полей. Необходимо выделить следующие наиболее важные для нашего описания свойства метафорических моделей.

1. Иерархическое устройство. В лексико-семантической системе традиционно выделяются иерархические организованные объединения: поля подразделяются на подполя, внутри этих подполей выделяются лексико-семантические группы, которые, в свою очередь, подразделяются на подгруппы, в составе которых могут выделяться отдельные парадигмы, и т.п. Подобные отношения можно обнаружить и между моделями. Например, метафорическая модель с исходной понятийной сферой «дом (строение)» может рассматриваться как часть более широкой модели с исходной семантической сферой «Населенный пункт» (город, деревня и т.п.), в составе которой выделяются разнообразные названия инфраструктуры (дом, мост, улица, переулок и т.п.). С другой стороны, в составе модели с исходной понятийной сферой «дом (строение)» может быть выделена своего рода «подмодель» с исходной понятийной сферой «кухня».
2. Пересекаемость (диффузность, взаимопересечение) метафорических моделей. Исследователи лексико-семантических полей неоднократно отмечали такое свойство, как пересекаемость указанных полей, а также подполей и групп в их составе. Практика показала, что между смежными лексико-семантическими объединениями крайне сложно выделить отчетливую границу, очень часто обнаруживаются компоненты, которые по тем или иным основаниям можно отнести сразу к двум смежным полям.

Аналогичные факты наблюдаются и при изучении метафорических моделей. Нередко один и тот же метафорический образ может рассматриваться как одновременно принадлежащий различным метафорическим моделям. Например, метафорические обозначения, связанные с исходной понятийной сферой «приготовление пищи», можно рассматривать и как относящиеся к понятийной сфере «кухня» (а «кухню» рассматривать как часть «дома»), но вполне возможно и отнесение метафорических обозначений «приготовление пищи» к обширной семантической сфере «Созидание, изготовление». При несколько ином подходе метафоры, связанные со сферой «дом», могут быть отнесены и к метафорической модели «ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ — это ЭЛЕМЕНТЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ», которой соответствуют и метафоры, опирающиеся на такие слоты, как «мост», «улица», «тротуар», «парк», «туннель» и т.п.

3. Полевая организация метафорической модели. В лексико-семантических объединениях традиционно выделяются центр, ядро, приядерная зона, ближняя периферия, дальняя периферия. Сходные феномены можно выделить и в составе метафорической модели. Например, при анализе метафорической модели «дом (строение)» можно выделить метафорические словоупотребления, которые наиболее ярко выражают типичные свойства модели, относятся к ее центру, а также словоупотребления, которые относятся к периферии исследуемого материала. В частности, метафоры, связанные с переосмыслением функций стен, окон, дверей, крыши, несомненно, относятся к наиболее типичным проявлениям модели, к центральной зоне относятся и метафорическое переосмысление образов спальни, кабинета, коридора или кухни. С другой стороны, словоупотребления, метафорически переосмысливающие процесс приготовления пищи, если и относятся к модели «дом (строение)», то только к самой дальней его периферии.

В целом рассмотренный выше материал показывает, что возможны различные методики систематизации и описания

метафорических моделей, которые, в свою очередь, могут выделяться по разным основаниям. При конкретном описании отдельных метафорических моделей необходимо учитывать такие их свойства, как иерархичность структуры, пересекаемость и полевая организация.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое метафорическая модель? Из каких составляющих она состоит?
2. Объясните различия между фреймом, слотом и концептом как составляющими метафорической модели.
3. Какие четыре основные сферы выделяются при классификации метафорических моделей? Приведите примеры моделей, которые относятся к каждой из этих сфер.
4. Охарактеризуйте ведущие свойства метафорических моделей, используемых в политической коммуникации.
5. Чем можно объяснить широкое использование военных метафор в современной политической коммуникации?

Криминальная метафора в политической коммуникации

Одной из наиболее активных метафорических моделей в политической речи последнего десятилетия стало представление современной российской действительности как преступного мира, где нет места гуманистическим отношениям. По-видимому, это связано, в частности, с тем, что на смену прежним социальным заблуждениям об отмирании преступности в мире побеждающего социализма в нашем обществе все шире распространяется миф о всемогуществе преступного мира, о преступлении как единственном средстве добиться справедливости и даже просто выжить, о России как стране преступников.

Иногда создается впечатление, что сейчас ни один стремящийся к успеху политический деятель или журналист уже

не может обойтись без уголовной метафоры или хотя бы уголовного жаргона. Даже президент России позволяет себе на встрече с лидером Великобритании цитировать высказывание о «козлах» и говорит о необходимости «мочить» террористов «в сортире». Видимо, пора разобраться, насколько широко проникла уголовная метафора в российский политический язык, выяснить причины, по которым современная российская реальность все чаще метафорически моделируется именно как преступный мир, и попытаться предугадать, к чему это может привести.

Следует отметить, что криминальная метафора достаточно традиционна для российской политической речи: например, в советской прессе политических противников правящей элиты (троцкистов, зиновьевцев, позднее — диссидентов) постоянно называли уголовниками, бандитами, гнусной шайкой, однако никогда ранее в СМИ не было такого разгула криминальных образов. Специалисты отмечают, что в российской ментальности сформировалось совершенно недоступное пониманию иностранцев отношение к справедливости, закону и его нарушителям. Многие граждане проявляют удивительную снисходительность к преступникам, ищут и находят для них всевозможные оправдания, искренне считают, что в «этой стране» невозможно жить в гармонии с законами, поскольку давно известно, что строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения.

При детальном рассмотрении метафорической модели «Россия — это преступное сообщество» легко выделяются следующие фреймы и слоты.

1. Фрейм «Преступники и их специализация»

При анализе этого не структурированного на слоты фрейма оказывается, что в современном политическом дискурсе граждане России постоянно метафорически (т.е. без каких-либо юридических оснований) представляются как гангстеры, уголовники, шпана, грабители, жулье, джентльмены удачи, киллеры и проститутки, наперсточники и шулеры, бандиты и рэкетиры. Ср.: *Аграрная фракция — это политические <u>мошенники</u>* (В. Жириновский); *В воскресенье Лужков с Примаковым предстали перед телезрителями вновь в роли <u>убийц и душегубов</u> — на этот раз свободы слова* (Е. Егорова); *Вполне есте-*

ственно, что уход крупного разбойника от власти, уход Ельцина, порождал ожидания и надежды на перемены (В. Чикин).

Прагматические смыслы, формируемые метафорами этой группы, можно сформулировать следующим образом: российская элита состоит из людей, презирающих законы, готовых пойти на все ради собственной выгоды.

2. Фрейм «Преступные сообщества и их структура»

Слот 2.1. Преступные сообщества

В российской политической жизни трудно выжить в одиночку. Для более эффективной деятельности наши соотечественники объединяются в банды, шайки, мафиозные «семьи», «кланы» и «команды», члены которых оказывают посильную помощь друг другу и вместе борются с конкурентами. Ср.:

Мы никогда не простим и проклинаем ту бесовскую шайку, которая своей жирной задницей села на шею России (Завещание не сдавшихся защитников Белого дома, 1993); *Банда Ельцина прячет на Кавказе концы в воду* (В. Анпилов); *Якобы прибыль, получаемая из России, шла не только в карман Пакколи, на прокорм «семьи» и кредитку Ельцину, а в основном тратилась на косовских албанцев* (А. Хинштейн).

Слот 2.2. Иерархические отношения в преступных сообществах

Внутри преступных сообществ, организуемых российскими политиками, существуют иерархические отношения: глава банды — пахан или крестный отец, уважаемый человек — авторитет, «вор в законе» или просто вор, на низшей ступени социальной лестницы находятся шестерки. К этому же слоту следует отнести концепт «подельники» — в преступном жаргоне так называют людей, вместе совершивших преступление. Ср.:

А. Батурин — член мафиозной семьи Лужкова, его шестерка (Н. Доренко); *Суть проблемы изъяснила принадлежащая Гусинскому радиостанция: «Мы имеем дело с актом государственного бандитизма, нами правят паханы — пальцы веером, сопли пузырем»* (М. Соколов); *Как бы многим премьер не был обязан Березовскому своим восхождением, он — буквально в первые же недели своего президентства — вынужден будет отмежеваться от своего крестного отца* (В. Костиков); *Развал СССР объясняют не тем, что это государ-*

ственное образование себя полностью изжило, а тем, что Ельцин и его «подельники» перегрелись в беловежской бане, выпили лишнего (Ю. Черняков); *Собчак — крестный отец города* (А. Соснов).

Типичные прагматические смыслы метафор этой группы — у власти (в государстве, в его регионах, на отдельных предприятиях и т.п.) находится преступное сообщество, которое иерархически структурировано.

3. Фрейм «Быт "братвы" и ее профессиональная деятельность»

Слоты этого фрейма позволяют выявить типичные метафорические представления о деятельности наших сколько-нибудь примечательных соотечественников. В этой сфере разграничиваются быт братвы и ее профессиональная деятельность, отношения с «лохами», в роли которых нередко оказываются и государственные структуры.

Слот 3.1. Профессиональная деятельность

Наиболее полно обычную профессиональную деятельность членов «семей» и «команд» представляют такие концепты, как *ограбить*, *изнасиловать*, *убить*, *пристрелить*, *прихватизировать*, *украсть*, *отмыть*, *шулерские махинации*, *беспредел*, *террор*, *геноцид*, *рэкет* и т.п. Впрочем, деятельность государственных структур нередко очень похожа на занятия «братвы». Ср.:

Шеф /Б.Н. Ельцин/ *всегда мне жаловался, как бессовестно Юмашев его ограбил, выпустив первую книжку* (А. Коржаков); *Новый директор оказался зрелым мастером, прекрасно владевшим этими шулерскими махинациями* (Н. Горшенин); *Сможет ли новый президент остановить беспредел на высших этажах власти* (А. Фадеев); *Многие сотрудники спецслужб держат «крыши» коммерсантам, но Рушайло и Качур пошли дальше — они узаконили «крышевание»* (А. Хинштейн); *В протоколе, подписанном министром Лесиным, государство фактически рекетирует бизнесмена Гусинского: он «сдает» НТВ, а взамен получает освобождение от уголовного дела* (А. Угланов, К. Сергеев).

Слот 3.2. Быт и взаимоотношения

Преступные «семьи» и «команды» — это особый мир со своим языком и своими представлениями об этикете, долге и

справедливости. Братаны «ботают по фене», «живут в законе», «ловят кайф». Паханам приходится не столько самим воровать и грабить, сколько поддерживать «порядок» в преступном мире, т.е. «разводить» (улаживать недоразумения, выступать в роли арбитра), «смотреть за общаком», наказывать тех, кто «крысятничает» (ворует у своих), много «гонит» (обманывает братву), «стучит» (доносит) или иным образом поступает «не по понятиям». Этим же занимаются и многие политики. Ср.:

В российскую элиту пришли — в основном — распальцовщики, разводящие, чисто конкретные, ничего не читавшие и ничего не смотревшие (если не считать смотрения за общаком) (А. Архангельский, Г. Бовт, Ю. Богомолов); *Необходимо поднимать зарплату и во властных структурах: нищие чиновники начинают крысятничать* (С. Петухов); *Нынешние выборы были рекордными по числу жалоб, оппоненты активно «стучали» в избиркомы друг на друга* (С. Поршаков).

Типовые прагматические смыслы подобных метафор — действия властей жестоки, эгоистичны, часто бессмысленны и наносят значительный ущерб обществу; такое поведение противоречит фундаментальным ценностям российского общества.

Слот 3.3. Жилье, экипировка и орудия деятельности преступников

К данному слоту относятся такие подгруппы концептов, как «жилье, место сбора преступников» (притон, блатхата, малина), «орудия совершения преступлений» (кастет, отмычка, яд, бомба, шулерские наперстки и др.) и «экипировка» (перчатки, маска и т.д.). Эти номинации в политических текстах метафорически используются при описании разнообразных действий нефизического характера. Ср.: *Проблемы НТВ всегда решались одним и тем же способом — при помощи информационной заточки* (О. Добродеев); *Хотя есть смысл проследить, как действует паралитический яд пропаганды* (А. Ципко); *Новый Мавроди уже готовит шулерские наперстки, предвкушая доходы от лохов* (А. Зуев).

Метафорические употребления, соответствующие рассматриваемому фрейму, характеризуют отношения внутри политической элиты как особый мир со своими законами и своей моралью. Соответственно как преступные характери-

зуются методы и инструменты политической и экономической деятельности и вся эта деятельность в целом. Внушается представление о бессмысленности честной борьбы в стране, где никто не уважает общечеловеческие моральные нормы и даже законы.

4. Фрейм «Жертвы преступников и иные законопослушные граждане»

К этому фрейму относятся слот «жертвы преступников» (его составляют концепты *лох*, *заложник* и *терпила*) и слот «не имеющие отношения к преступникам люди» (*фраера*). По представлениям преступного мира, все эти люди не достойны даже сочувствия. Приведем несколько примеров: *Тогда наша страна будет гарантирована от опасности вновь стать заложницей властных амбиций Президента и его ближнего окружения* (Ю. Скуратов); *Народ опять держат за лохов, доверяющих политическим наперсточникам* (Н. Андреев); *Если делить, то пахан это делает гораздо лучше, чем ученый, почитавший какие-то книжки. — Т.е. пахан это делает лучше, чем фраер?* (В. Найшуль, М. Леонтьев).

Типичные прагматические смыслы данного фрейма сводятся к тому, что в нашей стране люди, не ставшие преступниками, удивительно глупы и доверчивы, поскольку все их более сообразительные соотечественники уже давно перестали уважать законы.

5. Фрейм «Места лишения свободы и их обитатели»

Слот 5.1. Места лишения свободы

Составляющие данный слот концепты обычно используются для наименования-характеристики нашей страны. Можно сказать, что эти слова — своего рода контекстуальные синонимы для слова Россия или каких-то частей России: *Гулаг, лагерь, зона, тюрьма, тюремная камера, концлагерь*. Ср.: *Лидеры «агрогулага» не забыли пообещать поддержку фермерам* (С. Разин); *И как бы ни пытались гайдары, чубайсы и прочие, кто ненавидит все русское, советское, народное, загнать нас в ширпотребовский, интеллектуально-бытовой концлагерь, у них ничего не выйдет* (Г. Зюганов).

Слот 5.2. Обитатели мест лишения свободы

Если Россия — это большая зона, тюрьма, то для обозначения ее граждан (содержащихся в местах лишения свободы)

лучше всего подходят слова «зэки» и «лагерники», которые, впрочем, иногда бывают и бесконвойными. В некоторых случаях их могут даже реабилитировать. Ср.: *Бывший ельцинский пресс-секретарь, переметнувшийся на сторону «Отечества», сейчас реабилитирован* (Е. Салина); *А вот публика... По-моему, с ними произошел «зэковский» синдром. Им очень хотелось обратно в зону, им хотелось кнута* (И. Ильин).

Подобные словоупотребления формируют прагматический смысл «Россия — это страна диктатуры, ее граждане несвободны и смирились с этим, у них ущербная психология».

Слот 5.3. Быт в местах лишения свободы

Рассматриваемый слот — это своего рода метафорическое представление повседневной жизни граждан нашей страны. В составе фрейма можно разграничить слоты «жилище» (камера, решетка), «питание» (баланда, пайка), «предметы быта» (нары, параша и т.п.), «одежда» (телага, кирзачи), «предметы, ограничивающие перемещение заключенного» (оковы, кандалы) и др. Ср.: *Регионы должны зарабатывать, а не ждать «пайку», которую будет раздавать правительство* (А. Горков); *Нет смысла пробивать головой стену камеры* (Г. Горин); *Россия освободится от оков ельцинизма* (В. Петухов); *Можно прогнозировать отлучение олигарха от кремлевского двора, чтобы он не стал «кандалами» на ногах своего хозяина* (Т. Нетреба).

Характерные прагматические смыслы — ужасающие условия жизни народа: уравниловка, бедность, наказуемость инициативы, неумение пользоваться свободой и генетическая память о ГУЛАГе.

6. Фрейм «Милиция и охрана»

Данный фрейм вполне естественно вписывается в рассматриваемую модель: если существуют преступники, если существуют места лишения свободы, то существуют и люди, которые должны оберегать покой честных граждан от преступников и следить за порядком в местах «не столь отдаленных». К тому же в России «ельцинской поры», как и в старые времена, была весьма распространена «ротация», в соответствии с правилами которой «охранники» и «охраняемые» периодически меняются местами (примером могут служить аресты министра юстиции Ковалев, главы КГБ Крючкова, ряда генеральных прокуроров страны и т.п.).

Слоты анализируемого фрейма обычно используются для обозначения государственных служащих, а также людей, положительно отзывающихся о России, ее лидерах и государственной власти. Как известно, государственных служащих в России чаще всего презрительно именуют «бюрократы», противопоставляя тем самым государственную службу честному труду, демократическим нормам, образу жизни порядочного человека. Вместе с тем для обозначения «бюрократов» постоянно используются и элементы рассматриваемой метафорической модели. Это прежде всего слоты «Охрана» (конвоиры, вертухаи, надсмотрщики, «Верные Русланы», охранники) и «Милиция, сотрудники, предупреждающие преступления и отыскивающие преступников» (сыщики, секьюрити, сторожа, чекисты).

Ср.: *Лидеры партий, когда требуют солидарного голосования, действуют, как надсмотрщики* (С. Петухов); *Газета областной администрации напечатала призыв завалить Кремль требованиями отозвать своего надзирателя* (Р. Ахметов); *Сейчас каждый олигарх завел по Верному Руслану в виде телекиллера и собственную секьюрити* (А. Зуев); *Руцкой придумал для области уникальную систему: он совмещал функции пахана и конвоира* (В. Дубов).

В целом анализ рассматриваемой модели свидетельствует о ее высоком прагматическом потенциале. Соответствующие модели метафоры подчеркивают типовые прагматические смыслы «преступность» и «иерархичность» современного общества, «несамостоятельность» многих политических деятелей. Показательно, что эта модель практически всегда несет негативную оценку действительности, особо выделяя отсутствие в стране свободы, нравственную ущербность и виктимное самосознание русского народа, который безропотно мирится со своим положением, а на выборах отдает предпочтение законченным негодяям.

Криминальная метафора пронизана концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, противоестественности существующего положения дел, резкого противопоставления «своих» и «чужих», что, видимо, отвечает потребностям современной политической речи. Можно предположить, одна из причин активизации данной модели — это

реальное обострение криминальной обстановки, что отражается в народном сознании: давно замечено, что находящиеся в центре общественного сознания явления становятся источником метафорической экспансии. Вместе с тем активное использование в речи «криминальной метафоры» (как и едва ли не смакование в средствах массовой информации картин реальных преступлений), несомненно, влияет на общественную оценку ситуации в стране, внушает мысль о том, что общество действительно пронизано криминальными связями и отношениями, что в России преступление — это норма, а подобные умонастроения опосредованно могут сказываться на уровне преступности в обществе.

Контрольные вопросы и задания

1. Чем можно объяснить столь широкое использование криминальных образов в современной российской политической коммуникации?
2. Какие фреймы выделяются в составе рассматриваемой модели? Охарактеризуйте слоты одного из этих фреймов.
3. Насколько криминальная метафора соответствует традициям отечественной политической коммуникации?
4. Как связаны между собой в текстах криминальная метафора и лексико-фразеологические средства блатного жаргона?

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТЕКСТЕ

В предшествующем разделе рассматривались закономерности метафорического моделирования в общем континууме современной политической коммуникации. Наша следующая задача — рассмотрение роли концептуальной метафоры в организации конкретных речевых произведений.

При исследовании текста важную роль играет анализ текстовых категорий. Для настоящего исследования наиболее важными параметрами текста как коммуникативной единицы являются категории цельности (целостности) и связности. Целостность текста ориентирована на план содержания, на смысл, она обусловлена законами восприятия текста, т.е. стремлением читателя соединить все компоненты текста в единое целое. Категория целостности отражает восприятие текста адресатом. Читатель воспринимает текст как некоторое единство, хотя и не всегда до конца осознает причины такого восприятия. Существующая в том или ином тексте система концептуальных метафор может способствовать восприятию данного текста как определенного единства.

Связность текста — это взаимодействие его элементов, которое позволяет читателю воспринимать отдельные части текста как взаимодействующие между собой. Традиционно к числу средств связи текста относят лексические и синонимические повторы, местоименные замены, дублирование некоторых грамматических признаков. К числу обеспечивающих связность текста элементов языка во многих случаях относится и система метафор: как показывают даже предварительные наблюдения, метафоры в политических текстах обычно представляют собой не случайный набор абсолютно автономных элементов, а своего рода систему. Организующим стержнем этой системы становится та или иная метафорическая модель.

Развернутая концептуальная метафора (параллельно с другими средствами) способна обеспечивать связность и цельность текста, она усиливает эстетическую значимость и

прагматический потенциал текста, акцентирует его смысловое и эмоциональное единство. Политические тексты часто организованы таким способом, что в них ясно ощущается доминирование какой-то одной метафорической модели (или ряда взаимосвязанных моделей). В этом случае в тексте обнаруживается значительное число взаимодействующих метафор, соответствующих этой модели. И эта система метафор способствует восприятию текста как определенного единства, она связывает отдельные части текста в единое целое.

Развертывание метафорической модели в политическом тексте

Способность к развертыванию в тексте — важнейшее свойство концептуальной метафоры. Так, если в тексте появляется та или иная концептуальная метафора (например, «политическая деятельность — это война»), то можно ожидать ее развертывания по самым разнообразным фреймам. Политические войны, как и настоящие боевые действия, ведутся по определенным законам, в них есть победители и побежденные, каждая армия иерархически организована, в ее составе выделяются батальоны, полки, дивизии и другие структурные подразделения, участники боев имеют разнообразные воинские специальности (диверсанты, разведчики, пехотинцы и др.), в штабах разрабатывается стратегия и тактика военных действий, участники боевых действий атакуют и защищаются, они применяют различные виды вооружений и т.д. Примером такого развертывания модели в пределах относительно небольшого фрагмента текста может служить следующий фрагмент из опубликованной в газете «Известия» статьи М. Соколова:

Представьте себе армию, где вовсе нет младших офицеров, где старшие офицеры проводят все время в грызне между собой, пришельцы со стороны соглашаются поступать на службу лишь в чине не меньше генерал-лейтенанта, где на время скоротечных перестрелок спешно нанимают немного ландскнехтов, а бодрый главнокомандующий все время орет: «Вперед, чудо-богатыри!». Эта победоносная армия — наша нормальная российская партия.

В пределах последующего текста статьи продолжается развертывание концептуальной метафоры ПАРТИЯ — это АРМИЯ. В более объемном тексте нередко обнаруживается взаимодействие метафорических моделей с однотипными сферами-источниками, сферами-мишенями и концептуальными векторами.

Рассмотрим наиболее типичные виды развертывания метафорических моделей.

1. Развертывание в тексте одной доминирующей модели. При подобной организации текста в нем преобладают метафоры, относящиеся к одной модели (а иногда даже — к одному фрейму). Эти метафоры организуют текст, служат средством связи его частей, обеспечивающим целостность восприятия. Такие модели можно назвать доминантными для соответствующего текста.

В качестве примера рассмотрим особенности развертывания метафор из сферы-источника «Мучения и смерть» в статье Александра Проханова «Березовскому выгодна смерть ТВ-6», опубликованной в газете «Аргументы и факты». Метафорический образ, заданный уже в самом заголовке, развертывается в тексте: автор воспринимает «смерть» телеканала ТВ-6 как очередной шаг к политической смерти его владельца. Соответствующие метафоры выделены в тексте курсивом. Ср.:

Березовскому выгодна смерть ТВ-6

Мне не жалко журналистов ТВ-6. Если они и *жертвы*, то *жертвы* собственного снобизма. Никакой свободы слова внутри корпорации быть не может — это блеф. Звезды ТВ-6 были *скальпелями, зажимами и пинцетами* в руках олигархов — сначала Гусинского, потом Березовского. Информационным *спецназом*, готовым служить щедрому хозяину. Миф об их «святости» и «непреклонности», достойных Джордано Бруно, лопнул в тот миг, когда они поддались искушению сменить суверена. Киселев предал Березовского и пошел к Лесину искать компромисс. *Пожелав уцелеть*, команда ТВ-6 пренебрегла образом *мучеников* свободы слова. А в нем заключался их единственный иммунитет — их боялись *сжечь*, думая, что святые *не горят*. Но чары рассеялись, и их тут же вышвырнули вон.

Я думаю, что большая часть команды вернется на НТВ. Вернется Сорокина — пластичная, обожающая кокетничать с мужчинами, демонстрируя свое либидо. Может быть, вернется сам Киселев. Посмотрите на судьбу Доренко — другой креатуры Березовского.

Это были *щипцы*, один конец которых держал в руках Борис Абрамович, а на другом с хрустом *лопались* такие *большие орехи*, как Примаков и Лужков. Но сегодня Доренко неизвестен. Он *лег* под ту же *могильную плиту*, *под которой лежит* Невзоров. Это *некрополь* Березовского. Он, словно античная богиня, превращает талантливых журналистов в *трупы*.

Новый Троцкий. Березовскому выгодна *смерть* ТВ-6, Он понимал, что канал не удержать, но сделал все, чтобы эпатировать публику и власть. Дело в том, что над ним занесен меч правосудия — олигарха могут схватить через интерпол и привезти в кандалах в «Лефортово». И уже бы схватили, будь Борис Абрамович просто жуликом, обокравшим страну через «Аэрофлот». Но теперь он политический изгнанник, *мученик, новый Троцкий* — это гарантирует ему свободу и финансовую активность на Западе. *Смерть* ТВ-6 удачно легла на скандал, вызванный его обвинениями в адрес ФСБ. Люди подумают: ага, Березовский знает правду о роли спецслужб во взрывах домов. Потому Путин его и удалил.

На самом деле для Путина было невыносимо оставаться «креатурой Березовского». Эту пуповину, сотканную из разных влияний, из компромата, ему надо было так или иначе оборвать.

Есть гипотеза, что Березовский и Гусинский связаны с западными разведками. Но их роли изначально различались. Они словно два брата, рожденные разными матерями. Гусинский — более осторожный, бархатный: барин, режиссер. Березовский — отважный политик. Он привык рисковать, наслаждаться опасностью. Гусинский ходил в ермолке, делал ставку на мировое еврейство. Березовский выбрал позицию националиста, патриота России, ради этого, наверное, и крестился.

Что их объединяет, так это неправедно нажитый капитал. С чего начинал Гусинский — с приватизации задарма огромных кусков московской недвижимости, накачки «Мост-банка» бюджетными деньгами. Березовский создавал капитал на аферах «ЛОГОВАЗа», «АВВЫ». Потом были «Сибнефть», «Аэрофлот»... По правде, в России вообще не было праведного капитала. Но Гусинского и особенно Березовского, в отличие от собратьев по бизнесу, *погубила* претензия на власть. Более тихие олигархи *уцелели*, и пример этих двоих их многому научил...

«Ху из мистер Березовский?» У Бориса Абрамовича печальная судьба. Он *не уничтожен, но оставлен медленно умирать*. Он *будет дергаться, как лягушка*, но не та, что взбила масло в кувшине с молоком, а *лягушка, пришпиленная к лабораторному столу*. Возможно, он сумеет подпортить имидж президента на Западе, но не сильно. За то, что Путин пустил американцев на аэродромы Средней Азии, ему многое готовы простить: и дело Пасько, и закрытие ТВ-6. Он дорог миру не меньше Горбачева и Ельцина. А кто такой

Березовский? Думаю, этот вопрос вслед за Путиным скоро начнут задавать и на Западе.

Метафоры из понятийной сферы «смерть» в данном тексте постоянно взаимодействуют с криминальными образами (*занесен меч провосудия, могут схватить через интерпол и в кандалах привезти в «Лефортово, жулик, обокравший страну через «Аэрофлот», приватизация задарма огромных кусков московской недвижимости, аферы «ЛОГОВАЗа», «АВВЫ»* и др.). Эпизодически в тексте встречаются метафоры, восходящие и к другим понятийным сферам: родство (*словно два брата, собратья по бизнесу*), игра (*блеф*), религия (*святость и непорочность, античная богиня*), однако все эти образы и количественно, и по их роли в организации текста значительно уступают метафорам, относящимся к доминантной модели.

В корреспонденции В. Костикова («Аргументы и факты») отношения между прессой и властью метафорически представлены как отношения между собакой и человеком, т.е. доминирующую роль занимает зооморфная метафора, точнее — лишь один развернутый метафорический образ, который задается уже в заголовке.

Пресса и власть: кто кого покусает?

Список претензий журналистов к власти велик: утрата обратной связи с обществом, ограничение доступа к информации, неумение «держать удар критики», склонность к самовосхвалению и к вранью.

Журналисты, *к ноге!*

Но самая большая опасность — это стремление монополизировать средства массовой информации. «На шею журналистов *надевают строгий ошейник*, и это напоминает команду коммунистов: «Журналисты, *к ноге!*» — говорит главный редактор «Общей газеты» Егор Яковлев.

«Дурному примеру могут последовать в регионах», — предупреждает известный телеведущий Владимир Познер. Представители региональных газет прямо говорили о том, что «губернаторы сидят на свободе прессы, как баба на мешке с картошкой».

Правда, велика и «обратная почта» претензий. В большинстве частных газет пренебрегают правилами профессиональной этики: служением правде, ответственностью перед обществом. В итоге доверие населения к журналистам падает с каждым годом и сегодня не превышает 40%. Одна из причин — монополизация прес-

сы крупным бизнесом. В результате у нас столько «объективных» точек зрения, сколько олигархов.

Во всем виноваты олигархи?

«Деградация СМИ, — считает президент Национальной ассоциации телерадиовещателей Эдуард Сагалаев, — началась в 1996 г., когда Б. Ельцина не выбрали, а фактически назначили на узком совещании 12 олигархов. Для выполнения этой задачи олигархи «подрядили», а затем и развратили российские СМИ». Сегодня они стали инструментом сведения счетов олигархов друг с другом, с властью и власти с олигархами. Отсюда и стилистика *«покусывания»* и компромата. Такое впечатление, что ряд изданий каждый день вызывает Путина на дуэль. «А больше и писать не о чем», — простодушно признался шеф-редактор «Коммерсанта» А. Васильев. Но власти, естественно, не нравится, когда ей — по выражению одного из участников дискуссии — *«постоянно писают на сапог»*. И для самозащиты у нее есть свои крупнокалиберные «обрезы» — прокуратура, налоговая полиция, силовые органы. Между тем нелюбовь власти к свободной прессе — это полбеды. Беда в том, что свободная пресса не нужна и олигархам.

Олигархический бизнес тоже не заинтересован в прозрачности и открытости. Олигархам нужны не свободные журналисты, а лоббисты, отмывальщики, а в экстремальных ситуациях (выборы, передел собственности) — «информационные киллеры».

Нет любви — и не надо

Несколько раз звучал вопрос: почему население не вышло на защиту ТВ-6? Е. Киселев пояснил: «Это страх перед властью». Едва ли это так. Люди не воспринимают олигархические СМИ как голос общества. Для них ТВ-6 — это «закулисье» Гусинского-Березовского-Киселева.

И еще: конфликт власти и СМИ усугубляется и оттого, что журналисты слишком буквально воспринимают лозунг о «четвертой власти». Как и власть, они хотят, чтобы их пылко любили и не замечали недостатков. Но ни власть, ни СМИ не нужно любить. И главное, не нужно питать иллюзий, что они смогут договориться. Если они договорятся жить «по понятиям» (как это было при коммунистах), то для российской демократии это будет конец. В идеале власть должна управлять, а пресса от лица общества — ее контролировать, быть «*сторожевым псом* демократии». Пока это не получается. Наш *«пес»* во многих случаях лишь *писает на сапоги* власти.

Легко заметить яркие признаки доминирующего положения рассматриваемой модели в тексте: «собачьи» метафоры активно используются во всех трех основных частях корреспонденции, такая метафора открывает публикацию (в заголовке) и она же по существу ее заканчивает, используются

разнообразные концепты (на сторожевого пса пытаются надеть ошейник, ему дают команду «К ноге», но непослушная собака отваживается кусать хозяина и пачкать ему сапоги). На этом фоне как менее значимые воспринимаются метафоры, соответствующие другим моделям (*крупнокалиберные «обрезы»*, *информационные киллеры*, *жить «по понятиям»*, *отмывальщики*, *закулисье* и др.). Вместе с тем показательно, что в статье нет других зооморфных образов — развертывается только один компонент указанной модели.

2. Параллельное развертывание в тексте двух-трех моделей. В этом случае в составе текста происходит развертывание метафор, принадлежащих к нескольким параллельным или оппозиционным моделям. Рассмотрим в качестве примера такого метафорического сценария статью С. Чугаева, опубликованную в газете «Комсомольская правда». Две доминантные модели, организующие этот текст, — спортивная и военная метафоры — представлены уже в заголовке.

Зюганова вновь хотят выставить «в финале» против Путина, или Зачем Кремлю «красная угроза»?

Яростные политические *баталии*, сотрясавшие Госдуму всю нынешнюю неделю, завершились. *Пейзаж после битвы* выглядит так: коммунисты лишились в парламенте всех руководящих и ключевых постов. При этом они потеряли контроль не только над экономическим и законодательным блоками, но и, что более важно, над аппаратом палаты. *«В живых» остался* лишь спикер Геннадий Селезнев, чье влияние (особенно после его безуспешных звонков Путину и, по сути, безрезультатной встречи с ним) минимизировано. Теперь настало время подвести *итоги сражения* и выяснить, кому они выгодны.

Кремль (а ни для кого не секрет, что процесс был инициирован оттуда), безусловно, *выиграл*. Коммунисты лишились возможности блокировать инициативы исполнительной власти. Кроме того, коммунисты больше не смогут беззастенчиво использовать Думу в качестве бесплатного партийного и предвыборного *штабов*.

Но, с другой стороны, Дума и до переворота была вполне управляемой, а спикер Геннадий Селезнев — совершенно лояльной фигурой (не говоря уж о его профессионализме). Однако, несмотря на это, Кремль стал действовать резко и жестко. Почти, как справедливо заметил Зюганов, в духе раннего Ельцина. При том что отличительной особенностью Путина как раз является проведение осторожной, взвешенной политики.

Такой неожиданный и крутой *маневр*, скорее всего, свидетельствует о том, что *политстратеги* в Кремле и на Старой площади преследуют более значимую, чем просто *укрепление* в парламенте *позиций* центристов, цель.

А такая цель — единственная. Нынешнему президенту *на предвыборном татами* нужен *достойный спарринг-партнер*. Иначе *победа* будет выглядеть неубедительной. Особенно в глазах зарубежных *зрителей*. Зюганов на эту роль подходил бы идеально. Да вот беда, за последние годы перестал быть страшным, *утратил агрессивность*, *потерял форму*...

Не исключено, что кремлевский демарш в Думе и задумывался как сильная *допинговая инъекция* для коммунистов. И эта *инъекция* сработала. Зюганов *вновь бодр*: ушел в жесткую оппозицию, грозится на майские праздники вывести на улицы тысячи своих сторонников. Что и требовалось.

Похоже, авторы думского переворота смогли убить двух зайцев. И парламент *расчистили*, чтобы быстрее прокатывать через него нужные законопроекты, и предпосылки *для красивой победы* Путина на выборах создали.

Простым же россиянам в этой ситуации, вполне вероятно, светит стать *зрителями,* участниками (вольными или невольными) многих захватывающих *событий в духе 1993 г*. Но все закончится хорошо. По крайней мере, хотелось бы надеяться.

Первая половина рассматриваемой публикации насыщена военными метафорами (*баталия, битва, остаться в живых, итоги сражения* и др.). Во второй части статьи заметно активизируется спортивная метафора: будущая избирательная кампания моделируется как поединок В. Путина и Г. Зюганова на спортивном ковре (татами), причем организаторы схватки озабочены тем, чтобы для большей зрелищности схватки лидер коммунистов был в хорошей спортивной форме, для чего в полном соответствии с нравами современного спорта предполагается использовать допинг. Основой для взаимодействия рассматриваемых моделей служит тот факт, что обе они отличаются яркими концептуальными векторами соперничества и агрессивности; показательно, что такие концепты, как *победа, атака, противник, маневры*, типичны как для военной, так и для спортивной метафоры.

3. Использование в тексте разнообразных моделей. В этом случае анализ метафорической системы текста не позволяет выделить доминирующие модели: автор использует разнообразные метафоры, но ни одна модель не воспринима-

ется как ведущая: активно реализующаяся в различных разделах текста с использованием разнообразных фреймов. Примером значительного количества используемых метафорических моделей без выделения какой-либо доминантной для всего текста может служить статья А. Колесниченко, Л. Пивоваровой и А. Цепляева, опубликованная в еженедельнике «Аргументы и факты».

Олигархи под катком

За последние два года взаимоотношения власти и крупного бизнеса кардинально изменились. Первая половина 90-х вошла в историю России как эпоха «большого хапка» и появления олигархов. Их вырастила сама власть как «экономическую дубинку» в борьбе с коммунистами, чей реванш казался тогда неизбежным.

Брак по расчету

На кого мог опереться Кремль, чтобы переломить ситуацию? Больше половины губернаторов симпатизировали левым. Да и в армии и в спецслужбах, обессиленных за годы реформ, «обломавшихся» в Чечне, тлело глухое недовольство. В общем, президент мог положиться прежде всего на «акул» бизнеса, по зюгановской терминологии — «семибанкирщину»: А. Смоленского, В. Гусинского, Б. Березовского, П. Авена, М. Фридмана, В. Потанина, М. Ходорковского. Им было что терять, поэтому «денежные мешки» не скупились на поддержку власти. А власть в знак благодарности закрыла глаза на грехи спасителей, позволяя им «доить» госказну. По разным оценкам, за годы реформ из страны было вывезено не менее 300 миллиардов долларов.

«Жулики!» — указывали на олигархов пальцем коммунисты. Бывшие кооператоры, фарцовщики, инженеры, комсомольские работники на заре рынка превратились в изворотливых авантюристов и отчаянных сорвиголов. Они на каждом шагу обходили закон, но разве можно было играть по-честному с государством, которое само десятки лет обманывало своих граждан.

Мучительный развод

С тех пор страна стала другой. Закончилась массовая приватизация, пошли на убыль разборки и заказные убийства. Приняты налоговые законы. Промышленность начала медленно подниматься на ноги.

А что же олигархи? Мавр сделал свое дело и должен уйти. Еще в эпоху позднего Б. Ельцина власть стала тяготиться чрезмерной зависимостью от капитала, стесняться «порочащих связей». С приходом В. Путина олигархов не только «равноудалили» от Кремля, но и заставили делиться. Например, на одной из первых встреч с

предпринимателями президент «выбил» из них 1,5 млрд руб. на социальные программы для военнослужащих. Некоторых для острастки припугнули Генпрокуратурой — вроде В. Алекперова и В. Потанина, некоторые построились с полунамека — Р. Абрамович, М. Ходорковский, О. Дерипаска. И только В. Гусинский с Б. Березовским не уяснили новую «политику партии и правительства» и стали изгнанниками.

Соратник Бориса Абрамовича по партии «Либеральная Россия» Сергей Юшенков считает, что олигархи окончательно потеряли самостоятельность. «Их встречи с генпрокурором, президентом больше похожи на акты почетной капитуляции, чем на равноправный диалог. Олигархи знают, к чему может привести бунт, — власть тут же найдет доказательства «связей с Бен Ладеном» и другой компромат».

Кстати, один из влиятельных при Б. Ельцине магнат, а ныне скромный хозяин одного из северо-восточных регионов так объяснил ситуацию в родном для себя цехе: «Самое обидное, что олигархи сами наезжают друг на друга ради того, чтобы понравиться власти. Они действуют по принципу: «Я его покусаю — меня не тронут». Именно так выглядит драка Алекперова с Березовским за ТВ-6».

Так можно ли говорить, что эра олигархии кончилась? В самом деле, никто из бизнес-элиты больше не осмеливается открывать ногой двери кремлевских кабинетов, диктовать тексты указов. «Отношения бизнеса и власти стали более цивилизованными, — считает Александр Лившиц, зам. гендиректора компании «Русский алюминий». Появились понятные и открытые каналы взаимодействия». Примечательно, что вчерашние олигархи теперь заклинают журналистов больше не называть их этим словом. Другие времена — другие понятия. Но дело не просто в замене терминологии. Свои интересы бизнесмены привыкают лоббировать не «под кремлевским ковром», а через Госдуму, Совет Федерации, РСПП, Совет предпринимателей при премьер-министре.

Очевидно, что отношения власти и капитала не будут гладкими. Конфликт интересов остается. Крупный бизнес всегда хочет стать крупнее, отдавая государству минимум доходов. Государство, которому вечно нечем кормить врачей, учителей и военных, будет «прессовать» финансовых воротил, требуя от них законной «десятины».

Задача сторон — найти компромисс. Чем кончается беспредел «семибанкирщины», мы знаем по опыту 90-х. К чему ведет силовое закручивание гаек, тоже известно — к съеживанию инвестиций и дефициту. Уголовные дела против топ-менеджеров ведущих компаний, попытки все национализировать едва ли подстегнут рост экономики. Но и капитаны бизнеса должны понять — симпатии власти не вырастут на пустом месте. Надо, как говаривал А. Лившиц, «делиться» — вкладывать сверхприбыли в свою экономику, а не в

кипрские офшоры, помогать решать социальные проблемы. Почему бы, например, крупному бизнесу не сброситься на борьбу с беспризорностью, о которой столько говорят? Путь из «халявщиков» в партнеры нелегок. Но и другие дороги — в СИЗО или в заграничную ссылку — еще хуже.

Заголовок рассматриваемой статьи («*Олигархи под катком»*) задает метафорическую картину физического воздействия на неугодного человека. Соответствующие метафоры действительно встречаются в основном тексте (*экономическая дубинка*, *силовое закручивание гаек*, *прессовать*, *наезжают друг на друга*, *я его покусаю*, *президент выбил полтора миллиарда рублей*), но их роль в данном тексте не является доминирующей: это лишь одна из целого ряда моделей.

Шрифтовые выделения, обозначающие начало двух основных разделов основной части, создают метафорическую картину заключения и расторжения брака (*брак по расчету*, *мучительный развод*), однако в тексте нет других метафор этой группы: «заявленная» в сильной позиции модель не получила дальнейшего развития.

Можно выделить и другие повторяющиеся в тексте метафорические образы. Так, для обозначения взаимодействия власти и ее оппонентов в ряде случаев используются милитарные образы (*реванш*, *акты почетной капитуляции*, *построиться*, *бунт*, *связи с Бен Ладеном*), зооморфные метафоры (*акулы бизнеса*, *доить госказну*), криминальные метафоры (*жулики*, *разборки*, *дорога в СИЗО*, *драка*), а также образы, восходящие к иным сферам (*капитаны бизнеса*, *семибанкирщина*, *играть с государством*, *обходить закон*, *магнат*, *родной цех*, *законная «десятина»* и др.). Однако ни одна из названных моделей не может считаться занимающей доминирующее положение.

Важно подчеркнуть, что для хорошего текста характерно взаимодействие в той или иной степени близких моделей, поскольку «совмещение метафорических моделей, противопоставленных друг другу (не имеющих общих следствий или обладающих очень отдаленными следствиями), оживляет метафору, но и одновременно превращает ее в стилистический монстр» (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов 1994. С. XX). Например, по наблюдениям А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, плохо сочетаются (особенно в пределах одного предложения)

механистическая и органистическая метафора, метафорические модели пути и игры. Как правило, удачно сочетаются метафорические модели, принадлежащие к одной исходной субсфере (например, фитоморфные, зооморфные и антропоморфные образы, относящиеся к органистической метафоре) или с однотипным прагматическим потенциалом (например, одинаково агрессивные по своей природе криминальные и милитарные метафоры).

Итак, проведенное исследование позволило выделить три основных вида развертывания концептуальной метафоры: в первом случае большинство метафор в тексте относится к одной и той же модели, во втором случае в тексте параллельно развертывается две-три ведущие модели, в третьем случае в тексте невозможно выделить доминирующие модели. Следует отметить также, что единая доминантная модель, как правило, выделяется в относительно небольших по размеру текстах. Чем больше текст, тем выше вероятность того, что в нем взаимодействует несколько метафорических моделей, причем та или иная модель нередко проявляется как доминантная лишь в пределах какого-то фрагмента этого текста.

Контрольные вопросы и задания

1. Объясните, что такое развертывание метафорической модели в тексте.
2. Какие три вида использования метафор в политическом тексте рассмотрены в настоящей главе?
3. Какие метафорические модели могут удачно взаимодействовать при их параллельном развертывании в тексте?
4. Возможны ли случаи, когда в первой половине текста развертывается одна метафорическая модель, а во второй половине текста на первый план выходит совсем иная метафорическая модель?
5. Каково соотношение сознательности и непроизвольности при отборе автором метафор и их развертывании в тексте?

Акцентирование метафоры в политическом тексте

Усилению значимости метафоры в тексте способствует ее использование в условиях максимального «текстового напряжения», в ситуации, когда эта метафора привлекает особое внимание адресата.

Самая сильная (привлекающая максимальное внимание читателей) позиция в тексте — это заголовок. Рассмотрим несколько примеров, в которых использованная в заголовке метафора нередко предопределяет доминантную для данного текста метафорическую модель.

«Торговая война отразится на нас» — статья А. Пономарева (Коммерсант), рассказывающая о противоречиях между Россией и США в области экспорта и импорта продуктов сельского хозяйства и металлургии; милитарная метафора заголовка последовательно развертывается в тексте, где американские производители представлены как *захватчики, оккупанты российских прилавков*, с которыми *в смертельной схватке бьются* отечественные производители, мечтающие не только *дать отпор*, но и захватить удобные *плацдармы на вражеской территории*.

«Новобрачные при смерти» — статья А. Кокшарова (журнал «Эксперт»), в которой последовательно развертывается метафорический образ «Объединение компаний — это брак», обозначающий компании перед объединением как *жених и невеста*, после объединения — как *новобрачные*, у которых *могут появиться дети*; *супругам* приходится обзаводиться общим хозяйством и т.п.

«В ожидании реванша» — заголовок статьи П. Кирьяна (журнал «Эксперт»), где происходит активное развертывание концептуальной метафоры «Экономические отношения — это война».

«Путин вытаскивает малый бизнес из петли» (Аргументы и факты) — заголовок публикации А. Колесниченко, в которой активно используются образы болезни и возможной смерти российского малого бизнеса.

Для более полного рассмотрения факторов, способствующих усилению роли той или иной метафорической модели в

тексте, рассмотрим статью А. Лившица, опубликованную в газете «Известия». Одна из доминантных для данной статьи моделей (педагогическая метафора) обнаруживается уже в заголовке статьи. Развертывание второй доминантной модели (образы, связанные с болезнью и лечением) начинается несколько позднее.

Пять уроков танго

Аргентинские реформаторы упорно держали фиксированный курс валюты. И это при слабой власти, плохом бюджете и больших долгах. Не удивительно, что начались финансовые конвульсии. Тогда стали просить помощь у МВФ. Ограничивать выдачу денег в банках. Резать бюджет. Устроили даже квазидефолт, обменяв обязательства объемом $50 миллиардов на бумаги с более низкой доходностью. Ничего не помогло. Судороги сменились комой. Последовал социальный взрыв. Люди вышли на улицы. Руководство ушло в отставку. А сменщики объявили фактический дефолт внешнему долгу. Предпочли ужасный конец ужасу без конца. Аргентина отмучилась. Но пока только от текущих долговых платежей. Песо уже поехал вниз. Где зацепится и когда — неизвестно. За девальвацией, к сожалению, последуют обрушение банковской системы и социальные неурядицы.

Как все это скажется на России? Да никак. Падение было затяжным, и мировые рынки успели «переварить» аргентинские неприятности. Котировки российских ценных бумаг уже нечувствительны к заморскому кризису. Есть ли в нем что-то поучительное? На первый взгляд, нет. Вроде бы все познали на собственном опыте в 1998 г. Поняли, что можно делать с финансами, а чего нельзя. Тем не менее, кое-какие уроки все же преподаны.

Урок первый — для переходной экономики нет ничего важнее сильной власти. У нас порой критикуют «техническое» правительство, выстроенных губернаторов, послушную Госдуму, сенаторов, сплотившихся в едином порыве. Властную вертикаль. Но ведь сколько лет ее строят — столько лет экономика находится в приличном состоянии. Факт. Никуда не денешься. А вот в Аргентине не было вертикали. Одна сплошная горизонталь. Упрямые реформаторы, игнорировавшие политические реальности и социальную обстановку. Мощная оппозиция, блокировавшая антикризисные законы. Региональные бароны, вытягивавшие деньги из бюджета страны. Сцепились друг с другом. И вместе покатились вниз. Конечно, сама по себе сильная власть еще не гарантирует процветание. А вот от кризиса может спасти.

Урок второй — какую бы реформу ни затеяли, не забывайте о социальном самочувствии. Аргентинским руководителям, видно,

очень понравилось известное самооправдание МВФ. Мол, работа у нас неблагодарная. Поскольку даем горькие лекарства. Народ сердится. Зато потом, когда экономика поправится, народ скажет нам спасибо. В России тоже любят эти рассуждения. Особенно при повышении квартплаты, цен на электроэнергию, перевозки, газ, тепло, телефон. Прямо скажем: доля истины тут есть. При лечении экономики порой не обойтись без противных препаратов. Но если с ними перебор, люди перестают надеяться на будущее. Некогда. Потому что тошнит. Какое-то время люди терпят. А потом начинают проклинать власть, грабить магазины и даже занимаются рукоприкладством. Что мы и видели по телевизору.

Урок третий — быстрые либеральные реформы и политика фиксированного валютного курса способны привести как к успеху, так и к краху. Первый вариант возможен. Но только если в стране есть сильная власть и бездефицитный бюджет. Тогда у машины переходной экономики все четыре колеса. Может идти довольно быстро. И ничего с ней не случится. Бывает, правда, что колес-то всего два. А водитель все равно давит на газ. Тогда гонка становится безумной и заканчивается катастрофой. Так было в России в 1998 г. Так произошло в Аргентине. До конца цеплялись за руль, хотя уже видели, что впереди — стена. Не хватило мужества нажать на тормоз еще летом 2001 г. А зря. Был бы тот же дефолт. Но зато, вероятно, без народного бунта.

Урок четвертый — нельзя долго совмещать высокую инфляцию и стабильный валютный курс. Опасная комбинация. Лучше всего, конечно, сделать инфляцию низкой. «Подогнать» ее под устойчивый курс валюты. Что и пытались сделать в Аргентине. Не вышло. Пока не получается и у нас. Значит, надо двигать рубль вниз. Подстраивать под инфляцию. Иначе будут неприятности.

Урок пятый — берегите экспортеров. Пылинки с них сдувайте. Экспортная корова — дойная, мясистая. Всех обеспечит. Людей — работой и зарплатой, экономику — ростом, бюджет — налогами, Центральный банк — резервами. Если экспортерам становится плохо, жди беду для всей экономики. Так и случилось в Аргентине.

Южноамериканцы почему-то пренебрегли нашим опытом. В результате не справились. Провалились. Мы люди практичные. Свои уроки усвоили. И чужие, дай Бог, выучим.

В рассматриваемом тексте легко обнаружить две доминантные метафорических модели. Первая из них — педагогическая метафора: в этом случае события экономической жизни Аргентины образно представляются как своего рода уроки, которые должны усвоить во всем мире и особенно в странах, находящихся в сложной экономической ситуации, к которым относится современная Россия.

Нетрудно выделить структурные компоненты, свидетельствующие об особой роли педагогической метафоры в данном тексте.

Во-первых, педагогическая метафора — одна из наиболее частотных в данном тексте. Ср.: *Пять уроков танго... Есть ли в нем [аргентинском кризисе] что-то поучительное? На первый взгляд, нет. Вроде бы все познали на собственном опыте в 1998 г. Поняли, что можно делать с финансами, а чего нельзя. Тем не менее, кое-какие уроки все же преподаны...* ***Урок первый****...* ***Урок второй****...* ***Урок третий****...* ***Урок четвертый****...* ***Урок пятый****... Южноамериканцы почему-то пренебрегли нашим опытом... Провалились. Мы люди практичные. Свои уроки усвоили. И чужие, дай Бог, выучим.*

Во-вторых, педагогическая метафора встречается не в каком-то одном фрагменте, а рассредоточена по всему тексту: она используется и во вводной части, и во всех пяти разделах основной части, и в концовке, т.е. по существу представляет собой одно из средств связности текста и способствует его восприятию как единого целого.

В-третьих, педагогическая метафора используется в наиболее сильных для данного текста позициях: 1) в заголовке: 2) в концовке текста; 3) в первой фразе всех пяти абзацев основной части; 4) в последней фразе вводной и заключительной части текста; 5) во всех графически выделенных фрагментах.

Другая доминантная для данного текста модель — это образы, связанные с болезнями и их лечением (морбиальная метафора). Легко заметить, что подобные образы встречаются в данном тексте даже чаще, чем педагогическая метафора. Ср.: *Не удивительно, что начались финансовые конвульсии... Ничего не помогло. Судороги сменились комой... Предпочли ужасный конец ужасу без конца. Аргентина отмучилась... Не забывайте о социальном самочувствии. Аргентинским руководителям, видно, очень понравилось известное самооправдание МВФ. Мол, работа у нас неблагодарная. Поскольку даем горькие лекарства. Народ сердится. Зато потом, когда экономика поправится, народ скажет нам спасибо... Прямо скажем: доля истины тут есть. При лечении экономики порой не обойтись без противных препаратов. Но если с ними перебор, люди перестают надеяться на будущее. Некогда. Потому что тошнит. Какое-то время люди терпят...*

Отметим развернутость рассматриваемой концептуальной метафоры, т.е. использование в тексте различных фреймов указанной модели: это и симптомы болезни (*конвульсии, судороги, тошнота, кома*), и действия врачей (*даем лекарства, лечение*), и используемые медикаменты (*горькие лекарства, противные препараты*), и завершение болезни (*отмучилась, ужасный конец, поправится*).

Показательно, что многие из рассмотренных морбиальных метафор относятся к числу нестандартных, «свежих», индивидуально-авторских, тогда как все рассмотренные выше педагогические метафоры относятся к числу системных, «стертых», лишь отчасти сохраняющих образность.

Еще одним признаком важной роли морбиальной метафоры является ее рассредоточенность по рассматриваемому тексту: она активно представлена в зачине и в основной части (но подобной метафоры нет в заглавии статьи и ее концовке).

В рассматриваемой публикации А. Лившица используются и другие типичные для современной политической речи метафорические модели. Например, во вводной части экономические неудачи метафорически представляются как падение, разрушение. Ср.: *Аргентинские реформаторы упорно держали фиксированный курс валюты.... Песо уже поехал вниз. Где зацепится и когда — неизвестно. За девальвацией, к сожалению, последуют обрушение банковской системы... Падение было затяжным... И вместе покатились вниз.*

В третьем абзаце основной части активно используется транспортная метафора. Ср.: *Тогда у машины переходной экономики все четыре колеса. Может идти довольно быстро. И ничего с ней не случится. Бывает, правда, что колес-то всего два. А водитель все равно давит на газ. Тогда гонка становится безумной и заканчивается катастрофой. Так было в России в 1998 г. Так произошло в Аргентине. До конца цеплялись за руль, хотя уже видели, что впереди — стена. Не хватило мужества нажать на тормоз еще летом 2001 г. А зря.*

В последнем абзаце основной части развернут образ экономической дойной коровы. Ср.: *Экспортная корова — дойная, мясистая. Всех обеспечит. Людей — работой и зарплатой, экономику — ростом, бюджет — налогами, Центральный банк — резервами.*

В исследуемой статье можно обнаружить и другие виды метафоры (физиологическую, технологическую, геометрическую), однако ни одна из них не имеет признаки доминантной, играющей особую роль в данном тексте.

Рассмотренный материал (и множество других примеров) позволяет выделить основные признаки, по которым ту или иную метафорическую модель можно охарактеризовать как доминантную, играющую особую роль в организации соответствующего текста:

1. высокая частотность использования соответствующих модели метафор;
2. развернутость, т.е. использование в тексте метафор, относящихся к различным фреймам, слотам и концептам;
3. рассредоточенность, т.е. использование соответствующих метафор в различных частях текста;
4. использование соответствующих метафор в наиболее сильных позициях текста (заголовок, первая и последняя фразы текста в целом и — в меньшей степени — его структурно-композиционных частей, формулирование тезиса, шрифтовые выделения и др.);
5. использование не только стандартных, традиционных, но и ярких, индивидуально-авторских образов, привлекающих внимание читателей.

Необходимо подчеркнуть, что при выделении и анализе доминантных моделей следует учитывать широко используемый в когнитивистике принцип «семейного сходства». Иначе говоря, доминантная модель не обязательно обладает всеми названными выше признаками: какие-то из них могут отсутствовать или быть слабо выраженными, что вполне может компенсироваться яркостью остальных свойств. Так, в рассмотренной статье А. Лившица для педагогической метафоры очень яркими оказываются третий и четвертый признаки и менее показательными первый и второй, тогда как при анализе морбиальной метафоры наиболее заметны первый, второй и пятый признаки, в меньшей степени проявляется третий признак и в еще меньшей степени — четвертый.

Рассмотренный выше перечень «сильных позиций», способствующих максимальному привлечению внимания читателей к той или иной метафоре (заголовок и подзаголовки, первые и последние фразы текста или его композиционных частей, шрифтовые выделения), можно продолжить. В частности, к числу сильных позиций относится эпиграф как один из элементов интертекстуальности. Как известно, эпиграфы в текстах современных СМИ используются крайне редко, а поэтому метафора, заданная именно в эпиграфе, воспринимается как особенно яркая, привлекающая внимание читателя, который ждет ее развертывания в тексте. Примером может служить следующая статья Александра Минкина, опубликованная в газете «Московский комсомолец».

Необходимость цензуры

Помнишь, Постум, у наместника сестрица?
Худощавая, но с полными ногами.
Ты с ней спал еще... Недавно стала жрица.
Жрица, Постум, и общается с богами.

(И. Бродский)

В честь 80-летия академика Сахарова НТВ посвятило ему передачу. После я спрашивал у всех знакомых:

— Как вы думаете, кто стал телегероем в день рождения Сахарова?

Те, кто передачу не видел, начинали гадать: Елена Боннэр, Горбачев... Услышав «Станкевич», изумленно таращили глаза. Кто ж мог подумать, что лжеца и взяточника пригласят вспоминать про совесть нации и рассуждать, что такое хорошо и что такое плохо. Ведущий Шустер гостю поддакивал, неудобных вопросов не задавал. Все очень вежливо, очень культурно, ни насилия, ни порнографии. Чего же лучше — лидер партии «Демократическая Россия» объясняет, что Сахаров — это наше все. В некотором смысле жрец говорит о божестве, в некотором смысле духовный наследник... Была потаскуха, а стала жрица. Жрица, Постум, и общается с богами.

На экране может возникнуть и Чикатило — будет очень культурно рассуждать о морали, о детской чистоте, о добре и духовности. Такие передачи очень нужны. Плохо становится только тем, кто знает, **что** из себя представляет чикатило.

Рассматриваемая статья отличается также последовательной сменой доминантных моделей: в данном случае в каждой части статьи выделяются свои доминантные модели. Так, эпиграф задает доминантную модель первой части: героями современных

СМИ часто оказываются продажные люди (и даже опасные преступники), которых журналисты представляют аудитории в виде священнослужителей. Как известно, мысль о близости первой и второй древнейших профессий далеко не оригинальна, но автор, используя актуальный материал, хорошо знакомые читателям факты, удачные аллюзии и свежие образы, делает эту мысль более яркой. Отметим также в данном фрагменте особую роль антитезы (*потаскуха — жрица; Сахаров — Станкевич; лжец и взяточник — совесть нации* и др.)

Основой второй части рассматриваемой статьи стала концептуальная метафора: СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ — это ОТРАВА. Автор последовательно детализирует эту модель, снова используя хорошо известные факты и закономерности, подчеркивая, что вредные последствия могут быть сначала малозаметны. Показательно, что метафорический смысл текста обнаруживается далеко не сразу: возможно, человеку, начавшему читать этот раздел, лишь постепенно становится понятно, как проблема заболевания коров может быть связана с основной идеей публикации.

Фермеры Европы, наверное, очень радовались, когда открыли возможность кормить коров мукой из напрасно пропадавших овечьих костей. Сколько они на этом сэкономили, не знаю. Но теперь они потеряли все. Началось коровье бешенство. Мясо стало ядовитым. Человек получает неизлечимую болезнь мозга, умирает, поев привычную котлету, но — из коровы, которая ела овец. На вкус эту котлету не распознать. Инстинкт бессилен. Организм кое-как умеет очищаться от пищевых ядов. От радиации — нет. Ее не ощущаем, выводить ее организм не умеет.

Отравление телевидением человек ощущает. Признаки налицо. Но выводить эту отраву организм не умеет. Взрослые души болеют. Детские — сразу ломаются. Никому неизвестно, можно ли починить сломанную душу.

15, 20, 30 лет назад миллионы людей бессмысленно тратили жизнь в очередях. Часами стояли за колбасой, за водкой; месяцами отмечались за ковром, за гарнитуром. Теперь очередей нет. Люди часами, годами сидят у «ящика». В очереди тупели, злились. Глядя в «ящик», вплывают в идиотизм.

В этой части продолжается активное использование стилистических фигур, акцентирующих доминантную метафору. Вновь активно применяется антитеза: *сэкономили — потеряли; организм умеет очищаться от пищевых ядов — от радиации не умеет; радиацию не ощущаем — отравление теле-*

видением человек ощущает; бессмысленно тратили жизнь в очередях — теперь очередей нет. Постоянно используются лексические и морфемные повторы: *отравление — отрава; тратили жизнь в очередях — теперь очередей нет — в очереди тупели*. Обращает на себя внимание использование парцелляции, неполных и односоставных предложений.

В третьей части статьи ведущее место занимает метафорическая модель: СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ — это НАРКОТИК. И снова используются прежние приемы: сначала автор напоминает о хорошо известных читателям фактах, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к основной идее статьи, а затем начинается развертывание модели с использованием самых разнообразных фреймов. Все это позволяет выявить параллели между привычкой к просмотру телепередач и наркотической зависимостью, больше того, чрезвычайное бурное распространение наркомании связывается с экспансией электронных СМИ.

Включенный телевизор давно уже стал постоянным фоном жизни. Пожар останкинской башни доказал, что ТВ — наркотик. Когда прервались передачи, многие вздохнули с облегчением, обрадовались отдыху от «ящика». Но подавляющее большинство взвыло, у людей началась типичная ломка.

Но властям удобны теленаркоманы. Потому-то башню так торопливо чинили. Если телевидение — наркотик, его следовало бы запретить. Или резко сократить употребление и жестко контролировать.

Наркотики были и сто, и тысячу лет назад. Но гашиш курили шейх и шах, кокаин нюхали поэтессы, богема, узкий круг. Если и случались трагедии, то трагедии отдельной личности, но не общества. Теперь это государственная проблема. Теперь это — дети, солдаты, школьники, студенты — сотни миллионов.

Когда произошел этот скачок мировой наркомании? Не синхронно ли с развитием ТВ?

В анализируемой части вновь активно используются разнообразные стилистические фигуры, особенно антитеза, инверсия, риторические вопросы, парцелляция.

В концовке рассматриваемой статьи интенсивное и (что особенно важно) неконтролируемое обществом развитие современных средств массовой информации метафорически представляется как стихийное бедствие, в борьбе с которым государство имеет право пойти на чрезвычайные, но необходимые для спасения людей меры.

Нужна цензура. Как контроль спиртного, как санитарный контроль продовольствия. Нужна цензура, которая не имеет права запрещать критику властей, но препятствует национальной духовной катастрофе.

Разговоры о демократии, о правах человека (журналиста) мало уместны. Пока река течет, где положено, — живи как хочешь. Но когда она поднимается на двадцать метров, никакой демократии никому уже не надо. Даже принудительную эвакуацию общество не воспринимает как насилие над личностью.

Представленные материалы показывают, что даже в относительно небольшой публикации может быть использована не одна доминантная модель, а несколько последовательно сменяющих друг друга моделей, каждая из которых может рассматриваться как доминантная для соответствующего раздела текста. Каждая из этих моделей акцентируется за счет применения разнообразных стилистических фигур (антитеза, лексические и иные повторы, инверсия, риторические вопросы, парцелляция), интерстилевого тонирования с использованием просторечной и жаргонной лексики (*ломка, «ящик», потаскуха, таращит глаза*) и использования метафор в сильных позициях текста (эпиграф, первые и последние фразы структурных частей текста, концовка текста).

Акцентированию метафоры очень способствуют ее интертекстуальные связи: в начале текста это не только эпиграф, но и полемика с участниками телепередачи, посвященной памяти А.Д. Сахарова, а также ссылки на слова и невербальную реакцию знакомых автору телезрителей. Во второй и третьей части статьи яркими приметами интертекстуальности становятся ссылки автора на ведущие темы материалов СМИ в предшествующие недели: эпидемию «коровьего бешенства» в Европе, пожар в Останкинской телебашне, стихийные бедствия. В статье используются прецедентные тексты в форме прямой и несобственно прямой речи, в форме описания содержания реплик (*ведущий Шустер гостю поддакивал, неудобных вопросов не задавал*), применяется частичный повтор цитаты из эпиграфа, а также трансформированные цитаты: «Сахаров (в подлиннике — Пушкин) — это наше все» (по Апполону Григорьеву); «Что такое хорошо и что такое плохо» (по Владимиру Маяковскому). Читатель обнаруживает в тексте упоминания прецедентных ситуаций

(пожар в Останкинской телебашне, эпидемия коровьего бешенства) и прецедентных имен (Сахаров, Елена Боннэр, Горбачев, Чикатило).

Разнообразные способы акцентирования метафоры усиливают ее роль, с одной стороны, в обеспечении цельности и связности текста, а с другой — в представлении данного текста как части политического дискурса и — шире — как одной из составляющей национальной культуры.

Контрольные вопросы и задания

1. Объясните, что такое акцентирование метафоры в тексте? Какие способы акцентирования метафоры рассмотрены в данной главе?
2. Перечислите сильные позиции метафоры в тексте. Почему к числу этих позиций относятся первые и последние фразы текста?
3. По каким признакам можно выявить метафорическую модель, занимающую в данном тексте доминантное положение?
4. Каково соотношение сознательности и непроизвольности при акцентировании автором метафор в тексте?
5. Возможны ли случаи, когда в тексте одновременно выделяются две-три доминантных модели или же не выявляется ни одной такой модели?
6. Проанализируйте средства акцентирования метафор в одном из политических тестов (по выбору студента).
7. Проанализируйте политические тексты, имеющиеся в предыдущем разделе, с точки зрения способов акцентирования в них доминантных метафорических моделей.

Взаимодействие метафоры в заголовке с основным текстом

Для современной политической публицистики очень характерны метафорические заголовки, призванные привлечь внимание читателей, заинтересовать их и побудить прочитать основной текст. Заголовок статьи — это своего рода ее

реклама, поэтому вполне закономерно взаимодействие метафорического заголовка с системой метафор в основном тексте статьи. Как правило, метафора в заголовке статьи раскрывается и развертывается в ее основном тексте, такой заголовок во многом предопределяет читательские ожидания в отношении содержания текста и его метафорической системы. Вместе с тем предварительные представления читателя о содержании текста во многих случаях не оправдываются или оправдываются не в полной мере.

При изучении соотношения метафорического заголовка статьи и ее основного текста нередко обнаруживаются специальные стилистические приемы: эффект обманутого ожидания, эффект усиленного ожидания и эффект оправданного ожидания.

1. Эффект обманутого ожидания появляется в том случае, когда мнение, сложившееся у читателя о содержании публикации по ее заголовку, опровергается по мере прочтения. Возможны три варианта возникновения на основе метафоры эффекта обманутого ожидания.

В первом случае метафорический заголовок может быть ошибочно воспринят как неметафорический, во втором случае неметафорический заголовок ошибочно воспринимается как метафорический, а в третьем — смысл метафоры до знакомства с основным текстом воспринимается иначе, чем после знакомства.

Примером возможного ошибочного восприятия метафорического заголовка как неметафорического может служить статья А. Кокшарова «*Новобрачные при смерти*» (журнал «Эксперт»), в которой речь идет не о состоянии здоровья молодых супругов, а о том, что объединение двух слабых банков (метафорически названных «новобрачными») не привело к созданию одного сильного. Аналогичный эффект может возникнуть при знакомстве со статьей П. Кирьяна «*В ожидании реванша*», в которой вопреки возможным ожиданиям говорится о том, что падение курса евро, возможно, скоро закончится и общеевропейская валюта возьмет таким образом метафорический «реванш» у доллара. В статье В. Горбунова под заголовком *«Минусы и плюсы "крепкой крыши"»* (журнал «Эксперт») анализируется экономическое положение Ачин-

ского глиноземного комбината и возможные последствия перемены собственников у ряда предприятий алюминиевой промышленности.

Примером возможного ошибочного восприятия неметафорического заголовка текста в качестве метафорического может служить название статьи А. Теребунова «*Как "Комсомолка" обула Вовку Путина*» (Комсомольская правда). Когда в современном политическом дискурсе упоминается фамилия «Путин», то у адресата создается мнение, что речь пойдет о президенте России (даже если Путин фамильярно назван «Вовкой»). Соответственно смысл этого заголовка воспринимается как метафорический: трудно предположить, чтобы сотрудники редакции в буквальном смысле занимались обувью президента. Однако реально речь в статье идет об однофамильце президента, ребенке-сироте, которому на средства газеты были куплены подарки, в том числе обувь.

Аналогичный эффект используется в статье С. Поживалко «*Губернатор в собственной стихии*» (Аргументы и факты). При ознакомлении с заголовком можно предположить, что слово «стихия» используется в нем метафорически, однако при чтении статьи оказывается, что это слово использовано в первичном значении, так как в тексте рассказывается о том, что на Кубани прошли обильные снегопады и администрация края испытывает значительные трудности в борьбе со стихией.

Рассмотрим случаи, когда метафорический смысл заголовка после прочтения статьи воспринимается совсем иначе, чем до знакомства с основным текстом.

Заголовок статьи А. Розензафта и М. Мошкина «*Терроризм: кровное родство*» (Московский комсомолец) позволяет предположить, что в нем использована метафора, указывающая на связь терроризма с другими социальными феноменами. Однако оказывается, что в публикации представлен иронический комментарий к словам палестинского лидера Ясира Арафата о том, что «с исторической точки зрения, евреи и арабы — это двоюродные братья». Как известно, арабский и еврейский языки действительно относятся к одной семито-хамитской языковой семье и в этом смысле вполне можно говорить о родстве арабского и еврейского народов. Однако в политической коммуникации о языковом «братстве» между

народами обычно вспоминают, когда требуется обосновать особо близкие отношения между народами, а арабские и еврейские «кузены» сейчас пребывают в состоянии вооруженной конфронтации. Поэтому делается вывод о том, что новая большая война способна разрушить любое братство.

Метафорический заголовок статьи А. Абрамова «*Холодная война»* (Эксперт) позволяет предположить, что речь пойдет об идеологических конфликтах между государствами. Однако в действительности в статье говорится о конкуренции среди производителей мороженого. Намеренное применение эффекта обманутого ожидания повышает выразительность публикации.

Во многих случаях основной текст не просто уточняет смысл заголовка, но и детализирует образ, позволяет обнаружить в нем разнообразные нюансы.

2. Эффект усиленного ожидания возникает в том случае, когда буквальный смысл заголовка маловероятен, но читателю трудно догадаться и о возможном метафорическом смысле, перед ним поставлена своего рода загадка, ответ на которую можно найти в тексте. Так, в статье А. Абрамова «*Как поднять деньги*» (Эксперт) рассказывается о том, как эффективно использовать рынок государственных заимствований, привлечь потенциальных клиентов, которые опасаются доверять свои сбережения банкам.

Соответственно заголовок «*Курдские "медведи"*» (Эксперт) служит созданию эффекта усиленного ожидания в статье, автор которой анализирует состояние цен на курортах Турции. В статье под заголовком «*Зачем быку бомбежка*» (Эксперт) анализируются причины провала попытки американцев поднять цены на нефтяном рынке после военных действий против Ирака. Использование военной метафоры в заголовках часто создает впечатление жесткой конкуренции, борьбы за рынок: например, статья, озаглавленная *«Никотиновая блокада*» (Эксперт), знакомит читателя с положением компаний-производителей табачных изделий в условиях ценовых войн. Конкурентной борьбе на рынке страхования посвящена статья *«Битва за автолюбителя*» (Эксперт). Статья под заголовком *«Не тратить патроны»* (Эксперт) анализирует ситуацию, складывающуюся с российскими платежами Парижскому клубу кредиторов.

Ярким примером проявления эффекта усиленного ожидания может служить следующая статья С. Баймухаметова (Новая газета. 2003. № 96).

Стоять на месте и всех ненавидеть

Прошедшие выборы в Государственную думу России можно рассматривать как естественное и закономерное отражение тупика, в который зашла страна.

Предполагается, что вперед звали «Яблоко» и СПС. Однако в любом случае более или менее широкие массы не убедили.

С коммунистами понятно: как бы и что они ни говорили, а все равно очень сильно звучит: «Назад, в светлое прошлое!». Но назад почему-то не хочется уже очень многим. Тем не менее твердый избиратель у них остался.

ЛДПР и блок «Родина» — это концентрированная ненависть к богатым, инородцам, американцам, евреям, Европе, ПАСЕ... вообще ко всем.

В этом смысле их дополняют и коммунисты — там тоже многое разбавлено ненавистью.

«Единая Россия» как сборище номенклатуры предложила народу голосовать за начальство, обещая стабильность и процветание. Под процветанием я понимаю и вижу процветание начальства, а под стабильностью — стояние на месте. Главное — ничего не менять и не трогать.

И они — победили. Прошли в Думу. Именно эти четыре партии, принципы и лозунги которых я кратко охарактеризовал.

Таким образом, можно сформулировать и принцип основной массы избирателей: «Стоять на месте и всех ненавидеть!».

Выражение «стоять на месте» в заглавии данного текста изначально воспринимается как метафора, что подлинный смысл этой метафоры до ознакомления с полным текстом остается непонятным. Показательно, что метафора рассматриваемого заголовка последовательно поддерживается в основном тексте, где доминирует метафорическая модель ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ — это ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ.

3. Эффект оправданного ожидания возникает в том случае, когда смысл метафорического заголовка достаточно ясен, однако благодаря яркому образу у адресата закономерно возникает желание более детально познакомиться с проблемой. Примером такого соотношения метафорического за-

головка и основного текста статьи может служить заголовок публикации А. Колесниченко «Путин вытаскивает малый бизнес из петли» (Аргументы и факты), в тексте которой рассказывается о мерах по оказанию помощи малому бизнесу (снижение налогов, сокращение вмешательства чиновников, сдерживание рэкета). Сам по себе заголовок уже дает ясное впечатление о содержании статьи, но читатель, который неоднократно сталкивался с эффектом обманутого ожидания, проявляет вполне понятную осторожность и, только прочитав весь текст статьи, приходит к решению, что его ожидания вполне оправдались.

Эффект оправданного ожидания обнаруживается и в процессе восприятия интервью Александра Беляева с политологом Константином Цыбко, которое получило заголовок «Оппозиция — это ГАИ на дороге власти» (Комсомольская правда»). Название публикации позволяет предположить, что К. Цыбко метафорически представляет политическую оппозицию в виде автоинспекции, которая следит за нарушениями правил дорожного движения. Это предположение в полной мере оправдывается при знакомстве с основным текстом: только наличие оппозиции заставляет виновников нести ответственность за свои действия. Если никто не будет обращать внимание властей на ошибки, они постараются их скрыть. Если бы не было ГАИ, водители ездили бы, как попало. Только существование органа, который указывает на нарушения, заставляет соблюдать правила... Возможность указать власти на ошибки или сменить ее говорит об уровне развития демократии в стране. Почему же у нас общество не контролирует действия верхов? Причина — в слабости оппозиционных сил.

В дальнейшем тексте статьи происходит развертывание метафорической модели, заданный в заголовке образ становится все более детализированным, и читатель в полной мере утверждается в своем первоначальном предположении о смысле метафорического заголовка.

Рассматриваемый эффект обнаруживается и при изучении взаимодействия заголовка и основного текста следующей статьи В. Костикова «Кто загнал либералов в гетто?», опубликованной в газете «Аргументы и факты». При перво-

начальном знакомстве с заголовком возникает вполне обоснованное предположение, что метафорическое «гетто» для либералов — это сложное положение, в котором они оказались после провала на выборах в Государственную думу. Этот прогноз в полной мере оправдывается при чтении основного текста.

Кремль был заинтересован в сохранении либерального имиджа, поскольку это идеологически «смазывало» вхождение в Европу. В. Путин на первых порах не дистанцировал себя от либералов. Даже после их сокрушительного поражения на парламентских выборах он говорил о заинтересованности в привлечении их кадрового потенциала. В ответ требовалось немного: по выражению одного из кремлевских, «не писать власти на сапоги», т.е. сохранять политкорректность. Не переходить с концептуальной критики на личности.

Либералы разрушили этот негласный консенсус. Почему?

Они утверждают, что Путин предал «либеральную миссию» и стал вытеснять их на обочину политики. Правда же состояла в том, что Кремль просто не стал бросать им спасательные круги, когда реальная жизнь отвергла политику «либерализма без берегов». Но осознать кризис либерализма мешало чудовищное самомнение «внучиков Ельцина».

Очнувшись от «политического запоя», либералы с удивлением обнаружили, что у них нет ни избирателей, ни политического ресурса. Но принять поражение, согласиться с тем, что их идеи не работают, они не могли. Слишком пьянящим был мед кратковременной власти, слишком сладким был елей, расточаемый в их адрес либеральными СМИ, слишком веселой и бесшабашной была «политтусовка».

Сегодня либералы шьют для В. Путина чуть ли не кафтан Ивана Грозного. В ответ Кремль впервые крайне резко огрызнулся, заявив о существовании в стране предательской «пятой колонны». Под руку Кремля попал прежде всего «Комитет 2008», объединяющий наиболее радикальное, откровенно антипутинское крыло либералов.

В тексте смысл метафоры конкретизируется: автор ясно показывает, что либералы сами виновны в своем положении. Показательно, что яркий образ в заголовке находит продолжение во множестве иных тропов.

Рассмотренные примеры свидетельствуют, что метафора в заголовке способствует возникновению эффектов усиленного, обманутого и оправданного ожидания, что может служить мощным средством привлечения внимания адресата к основному тексту.

Заканчивая рассмотрение закономерностей реализации метафорических моделей в тексте, можно сделать следующие выводы:

1. Основные признаки доминантных моделей — это высокая частотность использования соответствующих им концептов, развернутость (использование в тексте разнообразных фреймов, слотов и концептов) и рассредоточенность по различным частям текста. Дополнительные признаки доминантных моделей — применение не только традиционных, но и ярких индивидуально-авторских образов, реализация соответствующих метафор в наиболее сильных позициях текста (заголовок, первая и последняя фразы текста в целом и — в меньшей степени — его структурно-композиционных частей, шрифтовые выделения и др.).
2. Используемые в тексте доминантные модели должны гармонировать между собой, обладать теми или иными однотипными свойствами. Особенно нежелательно использование разнотипных моделей в пределах одной фразы.
3. Восприятие метафорической модели становится более ярким, если соответствующие ей элементы акцентируются в тексте при помощи их использования в сильных позициях текста, а также за счет тех или иных риторических фигур, интерстилевого тонирования, подчеркивания интертекстуальных связей, использования ресурсов языковой игры.
4. Особую значимость приобретает использование соответствующей модели метафоры в заголовке текста. Взаимодействие метафоры заголовка и основного текста статьи служит основой для стилистических эффектов обманутого, усиленного и оправданного ожидания.
5. Доминантные метафорические модели представляют собой одно из важных средств обеспечения связности и цельности текста (в том числе собственно текста и его заголовка), эти модели усиливают эстетическую значимость и прагматический потенциал текста. Использование развернутой метафорической модели —

это мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования политической картины мира в его сознании. Удачная метафора обладает мощным эвристическим потенциалом: она формирует отношение к обсуждаемой проблеме, создает эмоциональный фон, необходимый для принятия решений, и подсказывает решения за счет активизации аналоговых возможностей человеческого мышления.

Контрольные вопросы и задания

1. Охарактеризуйте функции заголовка в политическом тексте.
2. Перечислите стилистические эффекты, возникающие при взаимодействии метафоры заголовка с основным текстом.
3. В чем специфика эффекта усиленного ожидания в тексте статьи с метафорическим заголовком?
4. В чем специфика эффекта обманутого ожидания в тексте статьи с метафорическим заголовком?
5. В чем специфика эффекта оправданного ожидания в тексте статьи с метафорическим заголовком?
6. Проанализируйте тексты с метафорическими заголовками, представленные в предыдущих разделах настоящей главы, и определите, какие стилистические эффекты в них обнаруживаются.

Глава 8

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРИКА: МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Сопоставление закономерностей политической коммуникации в различных странах — одно из наиболее интересных, перспективных и одновременно наиболее сложных направлений политической лингвистики. Уже на предварительном этапе такого исследования встает несколько проблем: необходимо решить, политические дискурсы каких государств будут сопоставляться, по каким параметрам будет происходить это сопоставление и какая методика сопоставления способна принести оптимальные результаты.

В настоящем учебном пособии представлено сопоставление политических дискурсов России и Соединенных Штатов Америки — двух великих стран, которые долго находились в конфронтации, а теперь провозгласили себя союзниками, ищут пути к взаимовыгодному сотрудничеству, но до сих пор не могут избавиться от традиционного недоверия друг к другу, от груза прошлых предубеждений. Все это находит отражение и в политической коммуникации.

В качестве материала для сопоставления избраны политические метафоры, которые представляют собой не просто яркий, традиционно привлекающий внимание исследователей признак политической коммуникации, но в значительной степени отражают национальное самосознание, национальные стереотипы и ценности, национальную картину мира. В политической коммуникации метафора служит важным средством познания и объяснения мира, эффективным средством прагматического воздействия на сознание массовой аудитории.

Методика сопоставительного анализа метафорических моделей

Одна из актуальных проблем теории когнитивной метафоры — сопоставление закономерностей метафорического

моделирования политической картины мира в политических дискурсах различных государств. Можно предположить в этой сфере постоянное взаимодействие двух тенденций. С одной стороны, как справедливо отмечает при сравнении русских и польских морбиальных метафор Т.В. Шмелева, «современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс, в которых различия отдельных... языков — вещь чисто поверхностная. При обсуждении современных событий мировая пресса мгновенно подхватывает сказанное кем-то удачное выражение, оно разносится по изданиям и языкам... Мы смотрим на мир (или нам предлагается смотреть) очень схоже» (2002. С. 5). К подобным выводам приходит и А.А. Каслова (2002) при сопоставлении концептуальных метафор, используемых в российской и американской прессе в публикациях, посвященных президентским и парламентским выборам.

С другой стороны, следует согласиться с тем, что «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» (Дж. Лакофф, М. Джонсон 1990, с. 404). Аналогичные мысли неоднократно высказывали и отечественные специалисты (Ю.Д. Апресян, А.Н. Баранов, Е.М. Верещагин, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, Б.А. Успенский и др.). Как ярко показал Дж. Лакофф (1991), в ходе дискуссий по проблеме законности и моральной оправданности американских боевых действий против Ирака, предпринятых в ответ на аннексию Ираком Кувейта, американцы и арабы использовали совершенно различные метафорические модели. При этом метафоры политических лидеров Ирака, основанные на характерной для Ближнего Востока метафорической картине политического мира, находили живой отклик в арабском мире, но совершенно не воспринимались в странах западной культуры. А политическая риторика лидеров США не производила ожидаемого впечатления в арабских странах, хотя воспринималась как достаточно убедительная в государствах западной культуры.

При сопоставлении двух названных тенденций можно сделать вывод о том, что российские метафорические модели в одних своих аспектах отражают современное состояние об-

щества, национальную культуру и национальный менталитет, в других — типичны для «западного» (европейско-американского) культурного пространства, которое заметно отличается от культурного пространства арабского мира, стран Африки или Дальнего Востока, а в третьих — имеют общечеловеческий характер. Поэтому продолжение сопоставительного исследования метафорических моделей, используемых в политическом дискурсе различных стран, позволит лучше разграничить, с одной стороны, закономерности, общие для всего цивилизованного мира или его какой-то части, а с другой — специфические признаки того или иного национального политического дискурса.

При анализе существующих исследований можно выделить несколько основных методик сопоставительного описания метафорической картины мира.

1. Методика сопоставления оригинальных метафор и их переводов. В первом случае сопоставляются метафоры оригинального текста и его перевода на другой язык. Такое сопоставление позволяет выявить факты параллелизма метафорических образов и вместе с тем показать, что некоторые метафоры не могут быть переведены на другой язык буквально, что свидетельствует о различиях между существующими в данных языках метафорическими моделями (преимущественно они касаются отдельных фреймов, слотов и концептов). Например, зооморфные образы характерны для самых различных языков, но конкретные метафоры, соответствующие этой модели, совпадают далеко не всегда. При анализе сделанных лучшими отечественными специалистами переводов на русский язык технических (по сфере-источнику) метафор из немецкой художественной прозы обнаруживается, что в одних случаях метафора переводится практически дословно, а в других адекватный перевод возможен только при использовании другого образа, причем этот образ может относиться к совсем иной понятийной сфере.

Рассмотрение при переводе конкретных соответствий часто позволяет лучше осознать компонент, послужившей основой для метафоризации (иначе говоря, сему, объединяющую первичное и вторичное значение). Например, термин «ceiling price» (буквально — «потолочная цена») переводится

как «верхняя цена». Как известно, что потолок — это верхняя граница комнаты, т.е. в словах «потолочный» и «верхний» обнаруживается общий компонент, который наиболее важен для развития метафоры. Показательно, что в русском и английском языках иногда наблюдаются очень похожие метафоры. Ср.: sick economy — больная экономика; oil prices collapsed — цены на нефть рухнули; price scissors — ножницы цен; recovery of price — оздоровление цены; price war — ценовая война (война цен); marriage of companies — брак (слияние) компаний и др. В других случаях используются однотипные модели, но при этом метафорически употребляются слова с близкой, но не одинаковой семантикой. Например, английское метафорическое обозначение parent company переводится как *материнская* (буквально — «родительская») компания; соответственно то, что в русском языке называется дочерними компаниями, в английском нередко обозначается как offsprings — отпрыски и babies — младенцы.

Подобные сопоставления могут стать основой для интересных выводов о том, для каких моделей особенно характерно сохранение при переводе внутренней формы метафоры. Например, специалисты обнаружили, что при переводе на русский язык внутреннюю форму сохраняют примерно 75% немецких технических (по сфере-источнику) метафор, тогда как доля сохраняющихся спортивных образов значительно выше.

2. Методика параллельного сопоставления метафор, объединяемых сферой-магнитом метафорического притяжения. При использовании этой методики сопоставительного исследования закономерностей метафорического моделирования лингвист выделяет ту или иную ситуацию (или понятийную сферу-мишень) и определяет, какие метафорические модели регулярно используются для ее обозначения. Например, как показал Дж. Лакофф (1991), политические лидеры США использовали при характеристике войны между Ираком и Кувейтом метафорические образы разбойника и невинной жертвы, а в иракской прессе этот конфликт метафорически представлялся как внутрисемейные выяснения отношений между старшим братом (Ираком) и младшим братом (Кувейтом). Очевидными являются и системы развертывания

моделей: необходимость помощи жертве кровожадного преступника и нежелательность вмешательства во внутрисемейные отношения.

Показательно, что при характеристике однотипных экономических ситуаций русские и англичане отдают предпочтение различным моделям. Например, при обозначении серьезных недостатков в экономической деятельности англичане особенно часто используют образы, связанные с пьянством и похмельем (drunk markets — пьяные рынки, drunk indexes — пьяные индексы, stock markets have a hangover — фондовые рынки страдают от похмелья).

Соответственно русские тексты богаты метафорами, связанными с болезнями (компании страдают от физических и душевных недугов, требуют реанимации, оздоровляются на основе шоковой терапии или хирургического вмешательства) и наркотической зависимостью (российские субъекты экономической деятельности нередко «сидят на игле», страдают от «ломки», пребывают «в наркотическом угаре»).

3. Методика параллельного сопоставления метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии. Применяя третью методику исследования метафорических моделей, автор выделяет общую для двух языков модель и детально ее описывает, используя для иллюстрации материал каждого из рассматриваемых языков. Так, Т.В. Шмелева (2001) при характеристике метафор, связанных со сферой медицины, болезней и их лечения (морбиальных метафор), описывает каждый фрейм, приводя по два-три примера на польском и русском языках; в результате оказывается, что метафорические системы рассматриваемых языков удивительно близки. Аналогичная методика была удачно использована и при сопоставлении многих иных сфер-источников. Подобные сопоставления показывают, что в самых различных странах политические организации, подобно живым людям, метафорически рождаются, живут, болеют и умирают, они могут даже заключать метафорические браки, от которых рождаются дети. Политические организации вне зависимости от национальной принадлежности постоянно метафорически воюют между собой, используя самое разнообразное оружие, в этих боях под руководством опытных генера-

лов участвуют воины самых различных специальностей; после окончания войны начинается дележ трофеев и награждение отличившихся. Рассматриваемый подход позволяет наиболее полно выделить то общее, что наблюдается в сопоставляемых языках, и на основе этих общих свойств зафиксировать возможные различия.

4. Методика последовательного сопоставления метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии. Этот вариант сопоставительного исследования использован в монографии Е.И. Шейгал (2000), где сначала представлено описание метафорической модели в русском языке, затем дано описание аналогичной модели в английском языке, а на заключительном этапе сопоставления делаются выводы об их общих и особенных признаках. Такой подход позволяет полнее охарактеризовать специфику той или иной модели в каждом языке и обычно используется при достаточно серьезных расхождениях между языками или при необходимости максимально детально описать специфику каждой метафорической модели в рассматриваемых языках. Например, Е.В. Колотнина выделяет английские метафоры, внутренняя форма которых имеет прямые аналоги в русской речи. Ср.: *Krizia, Cerruti and Gianfranco Ferre all need to expand and to find new blood (Компании Krizia, Cerruti и Gianfranco Ferre стремятся к расширению и поискам свежей крови). Most of big companies are back on their feet, the stockmarket is higher than it was before the crash, and the economy is perky again (Большинство крупных компаний снова встали на ноги, показатели фондового рынка выше тех, что были до падения, экономика вновь ожила).*

С другой стороны, обнаруживается немало метафор, которые не могут быть переведены на русский язык с сохранением их внутренней формы. Например, arm's length transaction — сделка на расстоянии вытянутой руки, т.е. сделка, проводимая таким образом, как будто между участниками нет никакой связи. В английских экономических текстах сердце часто служит пространственным ориентиром, метафорически употребляется в значении «ядро», «сердцевина». Ср.: *The heart of Tera Beam's technology is a transmitter receiver that is about the size of a small satellite dish and can be made for*

$150. (Сутью / буквально — сердцем / технологии Тера Бим является приемник-передатчик размером со спутниковую тарелку, который может быть изготовлен по цене $150 за единицу. Подобно тому, как физиологически позвоночник является опорой, скрепляющей части организма, в метафорическом употреблении он становится опорой, основой деятельности субъектов экономики. Ср.: «*The family firm has been the backbone of the Indian economy», — declares an Indian invest-ment banker. («Семейная фирма стала основой / буквально — позвоночником / индийской экономики», — заявляет владелец инвестиционного банка).*

5. Методика контрастивного описания отечественной метафорической модели и ее эквивалентов в другой культуре. Этот вариант сопоставительного анализа представлен ниже при описании монархической (по сфере-источнику) метафоры в современном российском и американском политическом дискурсе. Поскольку указанная модель очень характерна для русской политической речи и крайне редко встречается в американских политических текстах, то автор сначала предлагает детальное описание соответствующих метафор в русских политических текстах, а затем демонстрирует, что в Америке для обозначения аналогичных ситуаций используются совсем иные метафоры.

Во многих случаях автор в пределах одной и той же публикации использует различные методики. Так, М.Р. Желтухина (2000) сначала рассматривает общие свойства метафорических моделей, используемых в русской и немецкой политической речи для описания комических ситуаций, а затем сопоставляет частотность использования немцами и русскими указанных моделей. Это исследование показывает, что немцы особенно любят использовать в указанных ситуациях метафорические модели с исходными понятийными сферами «Механизм» и «Одежда», а российские политики и журналисты предпочитают метафоры, связанные с физиологией человека и миром животных.

Каждый из названных подходов имеет право на существование, все они позволяют получать интересные и (что очень важно) дополняющие друг друга результаты. При выборе методики сопоставительного описания моделей многое зависит

от поставленной цели и специфики материала, избранного автором для анализа. В последующих разделах настоящей главы будут использованы различные методики сопоставительного исследования политических метафор.

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите существующие методики сопоставления метафорических моделей, используемых в различных национальных культурах.
2. Охарактеризуйте основные признаки методики сопоставления оригинальных метафор и их переводов.
3. Назовите общие и отличительные признаки методики сопоставления метафор, объединенных сферой-магнитом и методики сопоставления метафор, объединенных сферой-источником метафорической экспансии.
4. Охарактеризуйте основные признаки методики контрастивного описания отечественной метафорической модели и ее эквивалентов в другой культуре.
5. В какой мере рассмотренные выше методики применимы при сопоставительном изучении прецедентных феноменов, стилистических фигур или иноязычной лексики в политических текстах?
6. Какие задачи могут быть поставлены перед сопоставительным межнациональным исследованием политической коммуникации? Какую практическую пользу способны принести подобные исследования?
7. Проанализируйте статью Н.А. Красильниковой (см. список рекомендуемой литературы) и определите, какая методика сопоставления метафор в ней использована.

«Театр» как сфера-источник метафорической экспансии в российском и американском политическом дискурсе

Метафорическая модель ПОЛИТИКА — это ТЕАТР очень традиционна, специалисты отмечают, что истоки восприятия

мира как театра восходят к Шекспиру, но, возможно, театральная метафора имеет и более древние корни.

Широкое распространение и употребление театральной (по сфере-источнику) метафоры на современном этапе развития общества связывают в первую очередь с усилением роли СМИ в политической жизни.

По мнению политологов, усиление тенденции к стиранию границы между программой новостей и развлекательным шоу привело к популяризации политики, к распространению так называемой символической политики или «политики театра», которые основаны «на образах или "имиджах" политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам». Созерцательное участие масс в политических процессах обусловливает роль народа лишь как адресата-наблюдателя, который воспринимает политические события как некий театральный спектакль, а себя — как заинтересованного зрителя. Любая избирательная кампания ставит своей целью привлечение на свою сторону как можно большей доли электората, обеспечение поддержки сторонников того или иного политического течения, а это, безусловно, заставляет напрямую или опосредованно (через СМИ) обращаться к массам. Политические лидеры обязаны постоянно помнить об избирателях-наблюдателях, а значит, играть на публику, тщательно режиссировать свои действия, держать под контролем результаты общественного мнения, т.е. обращать особое внимание не только на содержание своей программы, но и на организацию избирательной кампании, на ее форму, призванную привлечь симпатии избирателей.

Театрализация избирательных кампаний, по-видимому, характерна для всех демократических стран, но в России конца XX в. она проявилась особенно ярко. По наблюдениям специалистов, представление политики как театра превратилось в доминантную метафору, определившую эпоху Ельцина.

Показательно, что о параллелях между современной политической ситуацией и театром нередко говорят и представители мира искусства. По словам драматурга Александра Гельмана, «тот театр политики, который возник почти 15 лет на-

зад в СССР и получил в дальнейшем широкое развитие в России (как, впрочем, и в других бывших союзных республиках), — это совершенно особенное театральное явление. Это театр свободы после десятилетий несвободы». Режиссер Андрей Житинкин размышляет, как бы он распределил роли в спектакле, где могли бы играть современные политические лидеры: «Если Путин — Гамлет, тогда, конечно, Офелия — Хакамада, Розенкранц и Гильденстерн — это Немцов и Кириенко. Если говорить о противостоянии, то Клавдия очень хорошо сыграл бы Лужков. Или Зюганов. Или, как ни странно, Селезнев. Ельцину играть Клавдия уже по возрасту поздно. Замечательный Полоний был бы Горбачев. Впрочем, Полония мог бы сыграть также и Черномырдин. Чубайс — это, конечно, Горацио. А вот Гертруду сыграл бы Жириновский. Наконец, наши олигархи, которые любят все время находиться в тени, справились бы с ролью Тени отца Гамлета» (Независимая газета. 2000. № 3). А Птушков пишет: «Я хочу сделать программу политического театра. Потому что политика — это, как человеческая жизнь, театр. Моя задача — осознать политический театр. Мне хочется показать, что политика — это сфера больших страстей, большой лжи, больших ставок, больших денег, но в то же время большой истинности в той степени, в которой она определяет судьбы страны» (АиФ, 11.10.00).

Следует подчеркнуть, что рассматриваемая метафорическая модель имеет интернациональный характер, театральная по сфере-источнику метафора используется и в России, и в Америке, и во многих других странах. Российская и американская театральная метафора очень близка по составу фреймов и слотов, по прагматическому потенциалу и другим свойствам. А поэтому в данном случае может быть использована охарактеризованная выше методика **параллельного** исследования метафор, объединяемых сферой-источником (в данном случае это сфера «театр»). В соответствии с этой методикой выявляются общие для двух языков фреймы и слоты, для иллюстрации их свойств приводятся фразы и на русском, и на английском языке, а на заключительном этапе описания обсуждаются национальные особенности соответствующих моделей.

1. Фрейм «Виды зрелищных представлений»

При анализе данного фрейма целесообразно разграничивать собственно театральные представления и смежные виды зрелищ. Метафоры из сфер собственно театра, цирка, кино, иных зрелищ позволяют отобразить любые нюансы политической деятельности.

Слот 1.1. Собственно театр и его виды

Рассмотрение российских политических текстов позволило обнаружить следующие метафорические обозначения с исходными смыслами «театр и его виды»: *балаган*, *вертеп*, *драматический театр*, *музыкальный театр*, *театр оперетты*, *театр одного актера*, *театр теней.* Подобные метафоры позволяют акцентировать специфику политической ситуации, выделить в ней самое главное, дать оценку действия политических лидеров.

Ср.: *Если же подойти к делу не с формальной, а с логической точки зрения, все происходящее напоминает театр абсурда* (М. Юсин). *Точному следованию этой режиссерской сверхзадаче и следует, по мнению Житинкина, объяснить успех Путина в политическом театре* (Р. Медведев). *Деятельность Совета чаще всего проходила в стиле политического балагана, отличалась в основном сценами шинкования работающих на благо народа руководителей* (И. Васильев). *В регламентных выступлениях будущие общенародные «неизбранники» на высший пост выглядят как актеры из школьного драмкружка* (И. Юрьев). *Но в этом как раз самая сильная сторона человека, точно понявшего, что сегодня нужно нашему народу, уставшему от политического балагана* (Ю. Васильев).

Слот 1.2. Смежные с театром виды зрелищных представлений

В российских политических текстах зафиксированы следующие метафорические концепты с исходными смыслами «виды зрелищных представлений»: *кино*, *концерт*, *парад*, *стриптиз*, *шоу*, *эстрада.* Ср.: *Право, очень не хотелось говорить о политическом стриптизе, который устроили оппоненты Владимира Путина, когда уже стали известны предварительные итоги голосования* (В. Кулик). *О своей основной заслуге в прошедшем «шоу» Элла Александровна, кажется, и*

не догадывается, а если знает, то молчит (А. Достов). *Знакомство с российской финансовой системой рождает желание написать сценарий <u>для фильма ужасов</u>* (Г. Осипов).

Особенно часто в российской политической речи встречаются метафорические образы из цирковой сферы. Ср.: *Сегодня и ежедневно <u>на арене</u> нашего политического <u>цирка</u> непревзойденная команда <u>клоунов</u>* (А. Демидов). *Есть что-то мелкое, циничное и смешное одновременно <u>в показных трюках</u>, направленных на «повышение» рейтингов кандидатов в президенты* (А. Хисамов). *Они (власти) играют в свою циничную командную игру, на фоне которой причуды Ельцина были только <u>клоунскими репризами</u> между <u>главными номерами программы</u>* (Ш. Муладжанов). *Славная когорта кандидатов в президенты, похоже, лишилась главного <u>клоуна</u>: ЦИК отказал в регистрации Владимиру Жириновскому* (В. Устюжанин). *Есть такая цирковая профессия — <u>антиподист</u>. Это когда артист подбрасывает и ловит предметы не руками, а ногами. В последнее время все большее число отечественных политиков (больших и малых) предлагают российским избирателям освоить причуды этого <u>старинного жанра</u>. Проголосовать не руками, а ногами* (С. Чугаев).

В Соединенных Штатах политическая кампания (и ее элементы) также может быть метафорически представлена как *шоу, парад, бой гладиаторов, кинофильм* или *стриптиз.* В результате политическая жизнь предстает как нечто доступное и даже по-своему интересное. Ср.:

In the deeding autumn of 2000, the players in Washington not employed by George W. Bush or Al Gore were calling it the Seinfield Election: <u>a show</u> about nothing — or, anyway, not very much (E. Cliff / Newsweek). *[Актеры, не нанятые Бушем осенью 2000 года, называли кампанию Сейнфилдскими выборами: <u>шоу</u> ни о чем или о незначительном]. It was less a campaign than <u>a parade</u>, and one that he (Bush) didn't always seem to be enjoying much* (N. Gibbs, J. Carney, J.F. Dickerson, M. Dufty / Time). *[Это больше походило на <u>парад</u>, чем на кампанию, что ему (Бушу), казалось, не всегда нравилось]. He's (Gore) to be a <u>gladiator</u> in the arena too — a pro who known how to get the job done, ...because "the presidency is not an academic exercise or seminar, it's a daily fight* (E. Pooley / Time). *[Он также должен*

быть гладиатором на арене — профессионалом, знающим свое дело, ...потому что работа президента — это не зарядка для ума, не семинар, это ежедневная борьба за власть].

В американской политической речи используется и метафорическое представление политической деятельности как циркового представления. Ср.:

As the primary season heats up, the candidates are showing their true colors: McCain juggles the issues to cheers and disbelief; Bradley dances with two left feet; Bush echoes dear old Dad; and Gore barks like a junkyard dog (E. Pooley / Time). [С накалом страстей перед предварительными выборами кандидаты показывают свое истинное лицо (окраску): Маккейн жонглирует проблемами под крики восторга и недоверия, Брэдли танцует на двух левых ногах, Буш зовет на помощь своего дорогого папочку, Гор лает как выброшенный на улицу пес]. He liked to clown around sometimes sophomorically (E. Cliff / Newsweek).[Ему (Бушу) нравилось изображать из себя клоуна, пусть даже это не всегда удачно получалось]. Though justices wear sober black robes, their moves last week were center stage in a political circus (H. Fineman / Newsweek). *[Хотя судьи носят строгие черные одежды, их действия на прошлой неделе напоминали главные номера цирковой программы].*

Но особенно типичны для американской политической речи образы, связанные с кинематографом: *movie* (кино), *feature film* (художественный фильм), *soap opera* (мыльная опера), *cartoon film* (мультипликационный фильм), *preview* (рекламный показ) и др. Возможно, в этом проявляется особая любовь американцев к кино. Ср.:

Like any other soap opera, this one was full of colorful characters and behind-the-scenes maneuvering (T. Evan, M. Isikoff / Newsweek). *[Эта мыльная опера, как и любая другая, изобиловала яркими типажами и закулисными интригами]. But Bradley compares the primary schedule to a movie. Iowa and New Hampshire "are like the previews", he says, and the March contests "are the feature"* (E. Pooley / Time). *[А Брэдли сравнивает программу предварительных выборов с кино. Айова и Нью-Гемпшир «как рекламный показ», — говорит он, — а мартовские состязания «как основной полнометражный фильм»]. Simon (senior Gore aid) ...said, "This is like a movie,*

where <u>one character</u> says, to another, 'This isn't the way it was supposed to happen. And then there's a wrinkle in time, and everything changes"(T. Evan, M. Isikoff / Newsweek). *[Саймон (старший помощник Гора) ...сказал: «<u>Это похоже на</u> <u>кинофильм</u>, где <u>один герой</u> говорит другому: «Все должно было случиться совсем не так», — и затем время чудесным образом поворачивается вспять, и все меняется»].*

Видимо, авторы считают, что образы из мира кино максимально понятны зрителям-избирателям.

Различия между российскими и американскими метафорами, относящимися к рассматриваемому слоту, связаны с особенностями национальной культуры и имеют преимущественно количественный характер: американцы чаще, чем русские, используют метафоры, связанные с миром кино, но значительно уступают нашим соотечественникам по частотности обращения к «цирковым» метафорам.

2. Фрейм «Работники театра»

Рассматриваемый фрейм детально структурирован в современной политической речи, что позволяет использовать его для метафорического обозначения самых разнообразных политических ролей. В рассматриваемых текстах театр часто противопоставляется реальной действительности, что может быть выражено в оппозициях: *игра — жизнь, играть роль — быть самим собой.* Концептуальная метафора политическая ЖИЗНЬ — это ИГРА определяет возможность представления политических активистов как творческий и вспомогательный состав огромного театра.

Слот 2.1. Автор пьесы или сценария

Для обозначения социальных лидеров, определяющих пути развития событий, готовящих планы тех или иных действий, в современной политической речи используются метафоры *автор, аранжировщик, драматург, комедиограф, сценарист*. Соответственно планы, разработки событий метафорически обозначаются как *либретто, пьеса* (возможно включающая несколько *действий* и *актов*), *сценарий*. Ср.:

По-видимому, кремлевские <u>сценаристы</u> избирательной кампании решили вновь сыграть пьесу образца 1996 года: «Все против общего врага страны» (А. Степанов). *Путин не только талантливый актер, но и сам себе режиссер и даже <u>автор</u>*

какой-то особой собственной пьесы, а также новой необычной стилистики (Р. Медведев). *Путин уже не в завуалированной форме предложил нам новую аранжировку грефовской программы* (В. Чикин). *Безапелляционность заявлений Явлинского и феноменальный рост его рейтинга всерьез озаботили президентских драматургов* (И. Иванцов).

Подобные метафоры широко представлены и в американском политическом дискурсе. Ср.: *It is Republican leaders in Tallahassee and Washington, not Democratic ones, who weave lurid scenarios of legislative intervention if they don't get their way* (M. Kinsley / Time*). [Именно лидеры республиканцев, не демократов, придумают / сплетут / страшный сценарий вмешательства в законодательную деятельность, если им не удастся достичь своей цели].*

Слот 2.2. Создатели спектакля

Организаторы и вдохновители политических кампаний, государственные руководители и лидеры политических движений часто метафорически обозначаются как: *балетмейстер, дирижер, Карабас-Барабас, кукловод, постановщик, режиссер, сценограф, хормейстер*. Ср.:

И все чаще будет подниматься вопрос: а была ли отставка Ельцина действительно добровольной, коль так нагло, жестко действуют кремлевские кукловоды по отношению к депутатам, региональным лидерам, обществу? (Ш. Муладжанов). *Ситуация накануне выборов мучительно напоминает драму, у которой есть сценарист и закулисный режиссер* (Д. Табашников).

В современных политических текстах нередко используются и другие образы, связанные с людьми из мира театра: *билетер, гример, клакер, клака, костюмер, осветитель, суфлер*. Ср.:

Удивляясь и негодуя по поводу успеха Путина, «Новая газета» пыталась представить и.о. президента как актера, который оказался на большой политической сцене, не зная ни своей роли, ни пьесы, в которой ему предстояло играть, не понимая также, кого из многочисленных суфлеров он должен слушать (Р. Медведев).

Подобные образы используются и американскими авторами, которые пишут о месте лидера в политической жизни страны. Ср.:

Yes, there was dissonance and clatter. But most of the country liked Bill Clinton's way of striking up the band (J. Alter / Newsweek). *[Да, звуки музыки диссонировали и звенели в ушах. Но большей части страны нравилось то, как Билл Клинтон дирижировал оркестром].*

Слот 2.3. Актеры и их амплуа

Для обозначения политических лидеров и активистов при рассмотрении нюансов их деятельности могут использоваться метафоры *актер*, *актер второго плана*, *актриса*, *амплуа*, *артист*, *артистка*, *антигерой*, *герой*, *герой-любовник*, *герой первого плана*, *героиня*, *комик*, *кордебалет*, *лицедей*, *первый любовник*, *петрушка*, *прима*, *статист*, *трагик*, *труппа*, *шут*, *участники массовки*. Подобные метафоры часто имеют оценочный характер. Ср.:

Явлинский сознательно поставил себя на роль статиста для подтверждения легитимности выборов (А. Баранов). *И еще — крепнущими симпатиями к одному из солистов тогдашнего политического театра* (М. Крушинский). *Я уж не буду сейчас называть «солистов» известных политических партий и движений* (М. Левченко). *Этот либеральный кордебалет, танцующий «тарантеллу свободы» на костях гибнущего народа, желает вызвать у нас симпатию своими страданиями* (А. Проханов).

Очень похожие метафоры нередко обнаруживаются при описании политических событий и их участников в американских текстах периода избирательной кампании. Ср.:

Before a speech in Des Moines, Iowa, on Wednesday night, Nov. 1, he (Bush) sashayed around backstage like a vaudeville showgirl , twisting his waist one way thrushing his arms out the other (E. Cliff / Newsweek). [В среду первого ноября перед тем как произнести речь в Де-Мойне штата Айова, стоя за кулисами, он (Буш), поворачиваясь в талии в одну сторону и вытягивая руки в другую, очень напоминал девушку из варьете]. Don't get me wrong: Clinton was better to comedians than any other president in the 20th century (C. O'Brien / Time). [Не поймите меня превратно, Клинтон был лучшим из комедийных актеров по сравнению с другими президентами XX века].

Рассмотренные метафоры свидетельствуют, что пути создания образов при использовании данного фрейма очень

похожи, о национальной специфике здесь можно говорить только по отношению к выбору метафор при характеристике соответствующего политического лидера (Билл Клинтон — музыкант, Григорий Явлинский — Гамлет).

3. Фрейм «Театральное здание и реквизит»

Рассматриваемый фрейм предоставляет богатые возможности для метафорического представления локализации политической борьбы, используемых в ней средств и способов, места того или иного лидера в политической жизни страны.

Слот 3.1. Театральное здание

Наиболее частотные для современной политической речи образы из рассматриваемого слота — это *сцена* и *арена.* Значительное повышение или резкое снижение политической активности метафорически представляется как выход на сцену (арену) или уход с нее. В других случаях используются наименования элементов сцены: *авансцена*, *арена*, *оркестровая яма*, *подмостки*, *рампа*, *суфлерская будка.* Из числа других названий метафорически используются: *вешалка*, *гримерная*, *закулисье*, *касса*, *уборная*. В театральном зале выделяются *амфитеатр*, *бельэтаж*, *галерка*, *зрительный зал*, *ложа*, *партер*, *первые ряды*.

Ср.: *Его уход с <u>политической сцены</u> был на редкость демократическим актом* (Е. Крутиков). *Некоторые из сторонников Путина считали такой исход выборов даже более предпочтительным, если учесть, что еще год назад мало кто из нас не только не знал, но и не слышал о Путине, столь неожиданно появившемся <u>на политической сцене</u>* (Р. Медведев). *Не имиджмейкеры сделали Путина, а Путин вышел <u>на авансцену</u>, и страна в него влюбилась* (С. Коломейцев). *Мы рассматриваем Центрально-Азиатский регион как <u>оркестровую яму</u> для нашей политики* (В. Жириновский).

Аналогичные метафоры встречаются и в американском политическом дискурсе. Ср.: *The supreme court itself was looking very much like <u>a political arena</u> unto itself, its justices divided roughly along party and certainly philosophical lines (H. Fineman / Newsweek). [Даже Верховный суд очень напоминал <u>политическую арену</u>: его члены разделились в зависимости от партийных предпочтений и определенных философских взглядов].*

Слот 3.2. Театральный реквизит

Богатый метафорический потенциал в политической речи имеют обозначения театрального реквизита: *грим, декорации, задник, занавес, костюм, кулисы, куклы, маска, марионетка, муляж, парик, реквизит, софит.*

Ср.: *Жизнь тем временем неотвратимо приближала судный час выборов. Казалось, ничто не помешает кукловодам расставить марионетки по тем полочкам, которые им предопределялись* (Ю. Васильков). *Не исключено, что, скажем, Явлинский, Примаков откажутся от унизительной роли декораций* (О. Герасименко). *Так называемые независимые депутаты бегом рванули в «Единство» — аморфное, разношерстное образование, называющее себя партией власти, хотя на деле это не более чем многоголовая ее марионетка* (В. Петров). *Зато лучший грим был у Геннадия Зюганова. Гримировать Геннадия Андреевича стали так густо и обильно, что лидер коммунистов с каждым днем становился все более похож на шарж своего исторического предшественника. Ну и хорош был «макияж» политический. Чувствуя падающий рейтинг красных идей, Зюганов все чаще гримируется под социалиста, а то и консерватора* (А. Семенова, А. Достов).

В политических тестах гримирование, использование сценических костюмов, масок метафорически представляют стремление политиков скрыть свои истинные мысли и предстать в максимально выигрышном виде перед избирателями. Подобные метафоры используются и в американских политических текстах.

Ср.: *There may never be a better time than these next few weeks to sit right up close to the small stage, where you can hear the lines that are fubbed and see costumes that don't quite fit and watch the candidates trying to master their roles* (N. Gibbs, M. Duffty / Time). *[Может не представиться лучшего случая, чем следующие несколько недель, чтобы подсесть поближе к сцене, где слышны неточные реплики, где есть возможность разглядеть костюмы, которые не совсем в пору, и понаблюдать за кандидатами, разучивающими свои роли].*

4. Фрейм «Жанры и элементы представлений»

Слот 4.1. Жанры представлений

Политическая ситуация, деятельность различных социальных групп и отдельных лидеров часто характеризуются

как *балет, водевиль, драма, комедия, мелодрама, опера, оперетта, пантомима, реприза, трагикомедия, фарс.* Ср.:

В первом акте политической драмы путинское окружение успело поделить все ключевые посты. А во втором — вдруг начали убеждать, что все по-честному (М. Ростовский). *Думское меньшинство свой неуспех раскрутило до уровня шекспировских трагедий. Вышли на сцену и обманутый король Лир (Евгений Примаков), и загнанный в угол мятущийся Гамлет (Явлинский), и страдающий Ромео (Кириенко)* (С. Благодоров). *Речь пока идет лишь об инстинктивном старте очередного акта драмы, а финал ее по-прежнему неизвестен* (П. Богомолов).

Метафорическое обозначение политической деятельности как различных видов театрального представления постоянно встречается и в американских политических текстах. Ср.:

If fate had put Gore and Bush in the other's place on election night, the drama of the next five weeks would have had everybody playing the opposite role (M. Kinsley / Time). *[Если бы судьба поменяла Гора и Буша в ночь выборов, то в драме, разыгравшейся в последующие пять недель, каждый бы выступил в противоположной роли]. This election is not an award for past performance* (A. Gore / Congressional Digest, October 2000, Vol. 79 № 10). *[Предстоящие выборы — не присуждение награды за показанный спектакль]. Every time Clinton looked to the future, his past pulled him back. The story — and the promise of his presidency — unraveled like a Shakespearean meld of tragedy and farce* (J. Alter / Newsweek). *[Всякий раз, когда Клинтон вглядывался в свое будущее, прошлое тянуло его назад. Обещания на посту президента — повороты сюжета, напоминающего сплав шекспировских трагедий и фарса].*

Слот 4.2. Игра актеров

Как известно, театральный спектакль состоит из отдельных актов и сцен, у него могут быть прелюдия и репризы, в нем выделяют кульминацию и финал, богатый коллизиями сюжета. Хорошо известные избирателям элементы театрального представления широко используются в политической речи, придавая выборам символическую форму. Социальная действительность, общественная деятельность отдельных лидеров, государственных структур, общественных организа-

ций в современном политическом дискурсе может метафорически представляться как *действо*, *исполнение роли*, *игра*, *исполнение арии*, *произнесение монолога.* Участники *спектакля могут декламировать*, *импровизировать*, *делать гримасы и пируэты*, *петь соло*, *дуэтом или хором*, *проявлять артистизм*, *изображать любовный треугольник*, *пускать петуха*, *танцевать* и исполнять иные артистические функции. Ср.:

Вы как хотите, говорит он своим коллегам, а я не желаю играть роль в приготовленной вами пьесе, я буду просто жить. Действительно, как быть коллегам, если все они давно подзабыли, что значит жить в политике. Если все они на свою беду только и умеют играть в государственников, демократов, патриотов, реформаторов, оппозиционеров, премьеров и т.д. (О. Савченко). *Единодушно отметив, что финальная импровизация Ельцина войдет в золотой фонд «мирового политического театра», американские специалисты по России сосредоточили внимание на фигуре Владимира Путина* (А. Баранов). *Григорий Явлинский — человек серьезный... Он не согласен быть на вторых ролях* (А. Мякенький).

Похожие метафоры встречаются и в американской политической речи периода избирательной кампании.

Ср.: *Al Gore has played supporting actor to Bill Clinton's leading man (Business week). [При исполнителе главной роли Билле Клинтоне Гор сыграл роль второго плана]. Now George Bush was playing the role of lout* (E. Cliff / Newsweek). *[В том момент Джордж Буш играл роль деревенщины]. The roles had reversed: now it was Bush, not Gore, who sounded clintonesque* (E. Cliff / Newsweek). *[Роли поменялись: теперь именно Буш, а не Гор, говорил /звучал/ по-клинтоновски]. I played a role, along with other members of the Clinton — Gore team* (A. Gore / Business Week). *[Я играл роль вместе с остальными членами команды Клинтона — Гора]. His fellow upstart John McCain is trying to play the hardest role of all: a Washington insider with a conservative record running as a maverick outsider on a centrist platform, against the guy his whole party crowned months ago* (N. Gibbs, M. Duffy / Time). *[Его соратник-выскочка Джон Маккейн пытается сыграть самую трудную роль: приверженец консерватизма, входящий в политические круги Вашингтона, ведет себя как независимый центрист против парня, став-*

шего месяц назад лидером своей партии]. Last week Gore sang that refrain too, but you had to listen carefully for it (N. Gibbs / Time). *[На прошлой неделе Гор пел тот же припев, но его нужно было слушать очень внимательно].*

Политическая деятельность метафорически представляется как участие в театральном представлении, в котором каждый актер исполняет предначертания драматурга и режиссера. Это акцентирует несамостоятельность политических лидеров, их зависимость от требований ситуации и иных факторов.

Слот 4.3. Элементы представления

В современной политической жизни нередко обнаруживаются такие характерные для театрального представления элементы, как: *акт, антракт, выход на бис, действие, завязка, интрига, кульминация, мизансцена, немая сцена; для кого-то звучит первый и даже третий звонок, на сцене опускают и поднимают занавес, слышатся реплики* и др. Актеры помнят о *ремарках* автора и советах режиссера. Соответствующие метафоры активно используются для обозначения различных этапов и нюансов политического противоборства. Ср.:

Продемонстрированная им (В. Жириновским) многосерийная эпопея «Война и ЦИК» заслуживает отдельного признания. Количеству задействованных инстанций и коллизиям сюжета позавидовал бы сам Конан Дойл (А. Семенова, А. Достов). *Впервые выборы в Думу стали не самостоятельной акцией или простой пробой сил перед президентскими выборами, а настоящей прелюдией к электоральной битве за пост главы государства* (А. Колесников). *Пока не ясно, выйдет ли инициатива Владимира Путина за рамки простой кадровой перестановки в чиновничьих кругах. Понятно одно: это только еще пролог* (В. Носков).

Похожие метафоры встречаются при описании политической борьбы и в американских текстах предвыборного периода. Ср.:

On the other hand, the U.S. Supreme Court remains one of the most trusted institutions in the land, and its involvement raised the hope for a clear denoument to the post-election drama (H. Fineman / Time). *[С другой стороны, Верховный суд США остается учреждением, вызывающим наибольшее доверие граждан, а его участие усиливает надежды на благополучную*

<u>развязку</u> драмы, разыгравшейся после выборов]. Hearings serve as a kind of <u>overture</u> to <u>the First Act</u> of a new President, <u>a preview of all the themes and characters</u> that <u>will share the stage</u> and shape the combat for the next four years (N. Gibbs / Time). *[Слушанья заседаний служат <u>увертюрой к первому акту</u> правления нового президента, рекламный показ всех тем и персонажей, которые будут представлены <u>на сцене</u> в течение следующих четырех лет]. It wasn't any one note Joe Lieberman struck that set the... watchdogs growling. It was the whole sacred <u>symphony</u>... "When it reaches a certain <u>crescendo</u>, you know it," observes Abraham Foxman* (N. Gibbs / Time). *[Не кем-то спетая нота заставила рычать сторожевых псов..., по словам Джо Либермана. Это целая священная <u>симфония</u>... "Когда она достигнет <u>крещендо</u>, вы узнаете об этом", — заметил Авраам Фоксмен].*

Представленный материал свидетельствует, что рассматриваемый фрейм в российском и американском политическом дискурсе не имеет существенных отличий: авторы метафорически представляют политическую деятельность как театральные представления различных жанров, в которых актеры-политики играют свои роли в соответствии с развитием сюжета и волей режиссера.

Фрейм 5. Публика и прием, оказанный спектаклю

Следящие за политической жизнью граждане часто метафорически обозначаются как *зрители* или *публика*. В театральных метафорах часто эксплицируется и оценка зрителями-избирателями деятельности политических лидеров, представленных как своего рода актеры и режиссеры. С этой целью образно используются такие наименования, как *аплодировать*, *аплодисменты*, *бис*, *браво*, *вызывать на бис*, *овация*, *провал*, *провалиться*, *рукоплескать*, *свист*, *скандировать*, *успех*, *фиаско*, *хлопать*. Для привлечения зрителей организаторы спектаклей *выбирают репертуар*, *проводят репетиции*, *вывешивают афиши*, *продают билеты и абонементы*, при необходимости *сообщают об аншлаге*, *организуют бенефисы и гастроли*. Ср.:

Посрамлены алчные шоумены «выборных технологий», народ не желает быть <u>зрителем</u> <u>политических трагикомедий</u> (Ю. Васильев). *Нам представляется определить свой выбор*

не только бурностью и продолжительностью аплодисментов (Ю. Васильков)*. Для большинства партий преодоление пятипроцентного барьера — это грандиозный успех, но для ЛДПР это почти фиаско. Такого провала у Владимира Вольфовича еще не случалось* (А. Перцев)*. В лагере демократической оппозиции сегодня такой разлад, что и третье место для них — скорее подарок от Владимира Жириновского, который изрядно поднадоел электорату своим избитым репертуаром* (М. Куштанин*).*

Похожие метафоры используются и в дискурсе избирательной кампании в Соединенных Штатах. Ср.:

We celebrate the peaceful transition of power in a democracy; and then we sit back and judge how the players perform — how graceful the losers, how gracious the winners, a fierce pageant of patriotism and pride and prejudice all tightly staged on the Capitol (N. Gibbs / Time). *[Мы гордимся, что можем передать власть мирным способом в демократическом режиме; потом мы откидываемся на спинку стула, чтобы оценить выступление актеров: как элегантны проигравшие и насколько снисходительны победители, зловещий маскарад, зовущийся патриотизмом, гордость и предубеждения, все тщательно организовано на Капитолийском холме.] Gore and Bush could consider 2000 a dress rehearsal* (L. Mirror / Time). *[Гор и Буш могли бы считать выборы 2000 генеральной репетицией].*

Представленные в настоящем разделе материалы свидетельствуют, что в сфере «зрелищной» метафоры общего больше, чем различий. Это можно объяснить тем, что рассматриваемая сфера во всем цивилизованном мире имеет очень много сходного. Мир искусства и шоу-бизнеса — это некий глобальный интердискурс, который существует в сети Интернета, в рамках обмена гастролями и телепрограммами, благодаря прокату лучших кинофильмов во всех частях света и др. Категоризация сферы искусства в различных языковых картинах мира очень близка, это относится даже к национальным разновидностям зрелищ, в которых также существуют рассмотренные выше фреймы и слоты («создатели и участники представления», «зрители и их реакция», «подготовка представления», «жанры» и др.).

По существу совпадает и прагматический потенциал российской и американской театральной (по сфере происхожде-

ния) метафоры. Она акцентирует неискренность политиков, их несоответствие народным ожиданиям, стремление привлечь внимание яркой формой выступлений, создать атмосферу карнавальности и тем самым в той или иной мере отвлечь избирателей от серьезных проблем. Театральная метафора часто используется как средство сатиры, она привлекает внимание к самым больным точкам организации политической жизни.

Распространенность рассматриваемой метафоры в политическом дискурсе объясняется и той важной ролью, которую играют зрелищные искусства в социальной жизни названных стран, и тем, что организация политических мероприятий в современном мире все чаще реально напоминает театральные представления, что по представлениям «политтехнологов» позволяет эффективнее привлекать к ним уставших и все более апатичных избирателей. Неискушенные граждане все чаще воспринимают политическую борьбу как искусственное зрелище, созданное на потребу скучающему электорату, который в качестве аплодисментов, возможно, отдаст свой голос понравившемуся актеру.

Рассмотренные различия между российской и американской политической метафорой в указанной сфере связаны с деталями, а не с общими принципами ее организации:

- в американской политической речи велика доля метафор, связанных с миром кино; подобные метафоры используются и в России, но все-таки не так активно, как в США;
- в российской политической речи значительно чаще, чем в американской, используются образы, связанные с цирковым искусством;
- создатели российских политических текстов нередко обращаются к образам, характерным для традиционных русских национальных зрелищ (*балаган, раек, действо*). Однако сугубо национальные концепты занимают как в российской, так и в американской метафоре рассматриваемой сферы лишь очень небольшую нишу, это всего лишь частички отдельных слотов.

Легко заметить, что в настоящее время уже не воспринимаются как какая-то экзотика или своего рода знаки иного «заманчиво разлагающегося мира» метафоры, связанные с такими зрелищами, как рок-опера, мюзикл, стриптиз и др. В настоящем издании не место для оценки столь сложного и неоднозначного явления, как глобальная экспансия американской культуры, однако важен тот факт, что поток американских по происхождению образов в российской политической речи все увеличивается, а встречного движения пока не наблюдается.

Контрольные вопросы и задания

1. Чем можно объяснить активное использование метафорической модели «ПОЛИТИКА — это ТЕАТР» в современном политическом дискурсе?
2. Чем отличается использование метафорической модели «ПОЛИТИКА — это ТЕАТР» в российском и американском политическом дискурсе?
3. Назовите основные фреймы метафорической модели «ПОЛИТИКА — это ТЕАТР». Почему состав этих фреймов в российском и американском политическом дискурсе практически совпадает?
4. Чем вы можете объяснить тот факт, что метафоры из подсферы-источника «кино» используются в американской политической коммуникации значительно чаще, чем в российской?
6. Выделите в следующих фрагментах метафоры со сферой-источником «кино»? К каким фреймам указанной модели относятся следующие примеры метафорического словоупотребления?

   Славная когорта кандидатов в президенты, похоже, лишилась главного клоуна: ЦИК отказал в регистрации Владимиру Жириновскому (В. Устюжанин, Комсомольская правда).

   Думское меньшинство свой неуспех раскрутило до уровня шекспировских трагедий. Вышли на сцену и обманутый король Лир (Евгений Примаков), и загнанный в угол мятущийся Гамлет (Явлинский), и страдающий Ромео (Кириенко) (С. Благодоров, Комсомольская правда).

   В лагере демократической оппозиции сегодня такой разлад, что и третье место для них — скорее подарок от Владимира Жириновского, который изрядно поднадоел электорату своим избитым репертуаром (М. Куштанин, Российская газета).

Но в этом как раз самая сильная сторона человека, точно понявшего, что сегодня нужно нашему народу, уставшему от политического балагана (Ю. Васильев, Российская газета).

Зато лучший грим был у Геннадия Зюганова. Гримировать Геннадия Андреевича стали так густо и обильно, что лидер коммунистов с каждым днем становился все более похож на шарж своего исторического предшественника. Ну и хорош был «макияж» политический. Чувствуя падающий рейтинг красных идей, Зюганов все чаще гримируется под социалиста, а то и консерватора (А. Семенова, А. Достов, Московская правда).

Есть такая цирковая профессия — антиподист. Это когда артист подбрасывает и ловит предметы не руками, а ногами. В последнее время все большее число отечественных политиков (больших и малых) предлагают российским избирателям освоить причуды этого старинного жанра. Проголосовать не руками, а ногами (С. Чугаев, Комсомольская правда).

Безапелляционность заявлений Явлинского и феноменальный рост его рейтинга всерьез озаботили президентских драматургов (И. Иванцов, Комсомольская правда).

Есть что-то мелкое, циничное и смешное одновременно в показных трюках, направленных на «повышение» рейтингов кандидатов в президенты (А. Хисамов, Российские вести).

Они (власти) играют в свою циничную командную игру, на фоне которой причуды Ельцина были только клоунскими репризами между главными номерами программы (Ш. Муладжанов, Московская правда).

Война в Югославии как ситуация-магнит в российском и американском политическом дискурсе

В последнее десятилетие неоднократно обнаруживалось, что народы России и Соединенных Штатов проявляли трагическое непонимание позиций друг друга по отношению к локальным вооруженным конфликтам. Это непонимание наиболее ярко проявилось при оценке боевых действий на территории бывшей Югославии, Ираке и Чечне. Ярким примером может служить такой факт: абсолютное большинство граждан и все крупные политические партии России осуждали <u>кровавый антисербский террор албанских сепаратистов в Косово и варварские бомбардировки мирных городов Югославии</u>. А вот в большинстве европейских стран и в Соеди-

ненных Штатах общественное мнение было на стороне жертвы режима Милошевича — свободолюбивого албанского народа, которому оказали помощь доблестные войска НАТО.

Очевидно, что обычный человек не в состоянии объективно разобраться в причинах межнациональных конфликтов. Ему «помогают» в этом профессиональные политики и журналисты. А одна из задач когнитивной лингвистики — выявить пути воздействия на общественное мнение, способы концептуализации и переконцептуализации политической действительности в национальном сознании.

Исследование факторов, воздействующих на общественное мнение той или иной страны, — проблема многоаспектная. Один из важных путей ее решения — это когнитивное изучение способов метафорического оправдания (и осуждения) войны, т.е. способов образного объяснения того, почему данные боевые действия с моральной точки зрения необходимы и законны или же, наоборот, аморальны и беззаконны. Такое исследование должно быть проведено с учетом общей роли милитарных (по сфере-мишени) метафор в политическом дискурсе России и Соединенных Штатов.

В современном политическом дискурсе метафора стала мощным средством концептуального воздействия на общество. Например, в когнитивном исследовании Дж. Лакоффа (1991) показано, как правительство США и поддерживающие его средства массовой информации при помощи специальной системы концептуальных метафор внедряли в сознание американского народа (и всего мирового сообщества) мысль о том, что военные действия Соединенных Штатов против режима Саддама Хусейна в Ираке этически безупречны. Основной аргумент — это борьба против кровавого тирана, совершившего неспровоцированный акт агрессии против народа Кувейта. В этой же публикации рассматриваются метафорические аргументы, используемые в Ираке для осуждения вмешательства США во внутренние дела арабских стран и помощи тоталитарному режиму в Кувейте. Для арабов отношения между Ираком и Кувейтом — это внутрисемейные отношения между братьями, которые в какой-то ситуации могут поссориться, но не имеют права призывать в такой ситуации посторонних в качестве защитника или судьи. К тому же

Ирак — это старший брат, который по арабским традициям имеет полное право требовать послушания от младшего. Для арабов Америка — это чужестранец (и к тому же иноверец), пытающийся вмешаться во внутрисемейные отношения арабов. Для американских лидеров отношения между Кувейтом и Ираком — это отношения между наглым разбойником и мирным обывателем, которому, к счастью, приходит на помощь его старый надежный друг — доблестный полицейский.

Как отмечает Дж. Лакофф (1991), взаимное непонимание между американцами и арабами во время войны в Персидском заливе во многом объясняется различной ролью ряда концептуальных метафор в национальном сознании. Используемые американскими политиками для оправдания своих действий метафорические образы оказались убедительными для большинства европейцев и американцев, но на жителей Ближнего Востока большее впечатление производили метафоры сторонников Саддама Хусейна.

К не менее интересным и важным результатам могло бы привести сопоставление метафорического моделирования балканских событий в российском и американском политическом дискурсе. Оказывается, что и американская, и российская системы представления событий в Югославии вполне соответствуют рассмотренной Дж. Лакоффом метафорической схеме «Злодей — Жертва — Доблестный спаситель». Но Злодей и Жертва в политическом дискурсе США и России как бы меняются местами: для американцев Злодеи — сербы, а Невинная жертва — албанцы; а в освещении российской прессы все наоборот: Злодеи — албанцы, Невинная жертва — сербы. Соответственно в роли Доблестного спасителя в европейской и американской метафорической картине мира выступали войска НАТО, тогда как в представлении наших политиков и большинства журналистов эту роль должны были выполнить российские воины. Похоже, что российский взгляд на распределение ролей оказался под сильным влиянием метафоры родства: наши братья по крови и религии, конечно, больше подходят на роль жертвы, чем на роль злодея. Скорее всего, реальность не соответствует ни той, ни другой схеме: обе конфликтующие стороны были одновременно и жертвой и злодеем, а натовские генералы, возмож-

но, думали о демонстрации своей мощи больше, чем о спасении невинной жертвы.

Показательно, что при характеристике положения дел в Югославии российские средства массовой информации постоянно использовали концептуальную метафору РУССКИЕ И СЕРБЫ — БРАТЬЯ. Как известно, использование метафоры родства — мощное средство переконцептуализации политической картины мира. Вместо общепризнанных в цивилизованном мире принципов межгосударственных отношений (невмешательство во внутренние дела, выполнение решений международных организаций, уважение прав человека и др.) к отношениям между Россией и Югославией метафорически применяется модель внутрисемейных отношений. А эти отношения регулируются не столько законами, сколько традиционными представлениями о том, как должны поступать родственники в тех или иных ситуациях. Все члены семьи — это «свои», и при необходимости они должны совместно противостоять «чужим»; в соответствии с семейной этикой на защиту «своего» надо становиться вне зависимости от того, прав он или нет; «своим» надо помогать бескорыстно, не задумываясь при этом о материальных издержках и взаимоотношениях с «чужими».

Удивляет сам способ метафорического выявления «братьев». По используемой логике, сербы — это наши братья, потому что все мы славяне. И Россия просто обязана им помогать. А вот католики-хорваты и мусульмане-боснийцы для нас уже не совсем братья, во всяком случае менее близкие родственники, чем православные сербы. Иначе говоря, при выявлении «братьев» используется еще и конфессиональный критерий. При этом как бы забывается, что в России живут не только славяне и не только православные. Например, российским татарам-мусульманам братья по вере скорее боснийцы и албанцы. А у татар-атеистов на раздираемых религиозными войнами Балканах вообще нет близких родственников.

При оценке роли рассматриваемой модели следует учитывать, что метафора родства — одна из наиболее традиционных для российского политического дискурса. В соответствии с этой моделью отношения между государством и гражданами, между лидером страны (царем, президентом, генеральным секретарем и др.) и народом концептуально пред-

ставляются как отношения в семье, члены которой ощущают кровную связь между собой и душевную привязанность друг к другу. Точно так же представляются отношения между славянскими странами и между православными народами.

Эти метафоры по существу неистребимы в российском сознании. Метафора родства широко использовалась уже в политической речи Российской империи (*Россия — это мать, Москва — матушка, царь — батюшка, императрица — матушка*, соответственно подданные — это *дети*, *«возлюбленные чада», все славяне — братья, православные народы* — тоже *братья*).

В советскую эпоху рассматриваемая модель была приведена в соответствие с новыми идеологическими потребностями. Так, место братьев по вере и крови (православных и славянских народов) заняли «братья по классу» (пролетарии всех стран) и идеологии. Одновременно были обнаружены и другие родственные связи: как сформулировал В.В. Маяковский, «Партия и Ленин — *близнецы-братья*». В других случаях Ленин представал уже как «*дедушка»*, а юные пионеры назывались его *внуками*. Сталин постоянно именовался *«отцом народов»*, а вот Горбачев оказался отцом только перестройки (и одновременно ее *прорабом*).

Каждый новый этап развития политического дискурса привносит изменения в закономерности развертывания рассматриваемой модели. Ведущая концептуальная метафора времен Л.И. Брежнева — это большая *семья братских* народов (а также *братских* партий), каждый рядовой (и не только рядовой) член которой испытывает *сыновьи* чувства в ответ на *отеческую* (и одновременно *материнскую*, одним словом, *родительскую*) заботу коммунистической партии и советского правительства. В последнее десятилетие XX в. оппозиция много говорила о том, что государством управляет некая «семья», главой которой является сам президент. Одновременно крестные отцы, паханы, братки, семьи и кланы обнаружились и в среде политиков. В результате традиционная метафора родства объединялась с криминальной метафорой, которая тоже имеет в нашей стране многовековую историю.

В современных текстах встречается и метафорическое использование лексики родства в соответствии с традиционны-

ми моделями. Так, один из постоянных аргументов противников продажи земли состоит в том, что «*Земля — мать, а мать продавать нельзя*». Ср. также: *Мы все говорим, что после матери вторая мать деревня* (Н. Харитонов). *Мы (русские, украинцы и белорусы) были непобедимы, когда были вместе. У нас общие корни, мы — <u>единая семья</u>* (В. Путин).

Кстати, обратим внимание: наш президент в данном случае включил в «единую» семью только восточнославянские народы.

Значительное место в современной российской политической метафоре занимает образное представление союза страны и ее официального лидера. Президентские выборы могут метафорически обозначаться как *обручение*, последующий период — как *предсвадебный*, вновь избранный президент и страна — как *жених* и *невеста*, инаугурация — как *вступление в брак*, а первые сто дней после нее — как *медовый месяц*. Предложение занять важный государственный пост в нашей стране нередко называется *сватанье* (*сватовство*).

Для американского политического дискурса метафора родства мало характерна, а поэтому российские метафорические аргументы не производят должного впечатления в США. Для американцев гипотетическое и даже вполне реальное кровное родство — это не причина для оказания материальной и тем более военной помощи. Как показал Дж. Лакофф, в Америке особенно действенны метафоры болезни и здоровья, финансовые и спортивные метафоры, образ отвечающего за порядок полицейского, представление войны как продолжения политики (метафора немецкого генерала Карла Клаузевица) и др. В американской ментальности президент как бы подписывает контракт с народом-работодателем. А если президент Милошевич или президент Саддам Хусейн нарушают условия контракта, то они — преступники. Для американцев Югославия — это больной организм, который вынуждены лечить натовские доктора. Или нарушающий порядок гражданин, которого вынужден призвать к порядку доблестный полицейский дядя Сэм.

Однако американские метафоры сохранения здоровья, экономической выгоды и справедливого полицейского плохо воспринимаются в России. Такова уж наша национальная ментальность, что о своем здоровье мы начинаем думать, ког-

да его уже не осталось. Говорить об экономической выгоде мы считаем неприличным, особенно если это касается политических связей с «братьями». А уж «справедливый милиционер» — это для значительной части наших соотечественников просто оксюморон.

С другой стороны, в российской политической (и бытовой) метафоре постоянно присутствуют криминальные образы, причем далеко не всегда они имеют негативную окраску. *Разбойник* и даже *бандит* — это у нас едва ли не похвала, а такие слова, как *разборка*, *разводить*, *мочить*, судя по всему, превращаются в обычные термины политической сферы. Очевидно, что такие метафоры совершенно недоступны американскому политическому сознанию.

В некоторых других случаях концептуальные метафоры русских и американцев на первый взгляд очень похожи, но пониманию мешают некоторые детали. Примером может служить концептуальная метафора ОБЩЕСТВО — это ДОМ. Хорошо известно, что Дом — важнейший культурный концепт в человеческом сознании, это традиционный для мировой культуры источник метафорической экспансии. Так, Н.Д. Арутюнова отмечает: «Со времен Маркса стало принято представлять себе общество как некоторое здание, строение... Эта метафора позволяет выделить в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы» (Теория метафоры, 1990. С. 14—15).

Подобные метафоры широко распространены и в отечественной политической речи. Приведем несколько примеров.

Фундамент общества — возрождение крестьянства (А. Руцкой); Задумайтесь, какую *крышу* нам обещает Черномырдин? (Б. Федоров); К экономическому краху и обнищанию мы пришли из-за раскрытых настежь границ. Разве можно говорить о порядке в доме, если *нет* в доме *дверей* и *замков*? (В. Жириновский).

Метафоры рассматриваемой сферы, как правило, производят впечатление убедительности, соответствия изображаемой картины очевидным правилам мироустройства. Рассмотренные выше образы, видимо, относятся к общечеловеческим, но в этой сфере существуют собственно русские метафоры, об-

разы, отражающие именно наше социальное сознание. В современном массовом российском сознании ДОМ — это вовсе не деревенская изба или собственный коттедж, а многоэтажное здание со множеством квартир, причем квартиры эти часто бывают коммунальными. Образ коммунальной квартиры оказался удивительно подходящим для метафорического обозначения всевозможных политических конфликтов. Ср.:

И у Косово и у Чечни есть сходство с коммунальной квартирой. К жарким баталиям на *коммунальной кухне нам не привыкать — хоть со сковородками, хоть с минометами. А что способно решить квартирную проблему? Только расселение. Иначе «соседи» все равно будут лупить сковородками друг друга или «разводящих»* (Б. Мурадов). *Мир маленький, и в этом сообществе квартир мы должны жить в мире и не гадить друг другу в кастрюли* (К. Боровой).

Можно предположить, что в системе американских политических метафор ДОМ — это не многоэтажная коммуналка, а жилище для одной семьи, это собственность семьи, ее крепость и вместе с тем показатель солидности, состоятельности. Поэтому «коммунальные» метафоры при переводе требуют специального лингвокультурологического комментария.

Рассмотренные материалы показывают, что в политических дискурсах различных стран и народов для обозначения сходных ситуаций нередко используются совершенно различные метафорические модели, а, казалось бы, однотипные метафорические образы могут по-разному восприниматься в различных национальных культурах. Возможно, исследования по когнитивной теории метафоры смогут помочь народам лучше понять метафоры, свойственные другим культурам. Это, в свою очередь, поможет людям стать более терпимыми к другой системе мышления, к иной системе образной концептуализации политической реальности.

Контрольные вопросы и задания

1. Каковы причины различий в метафорическом представлении военных действий на территории бывшей Югославии в российском и американском политическом дискурсе?

2. Почему в российских текстах, посвященных войне в Югославии, так часто использовалась метафора родства? Почему эта метафора практически не использовалась в американской прессе?
3. Почему в американских текстах, посвященных войне в Югославии, так часто использовались метафоры со сферой-источником «Экономика»? Почему подобные метафоры практически не использовались в российской прессе?
4. Почему американская метафора, представляющая государство как полицейского, поддерживающего порядок, и российская метафора, представляющая государство как милиционера, имеют столь различный прагматический потенциал? Почему в наших странах сотрудники органов правопорядка вызывают столь различный эмоциональный отклик?
5. В различных СМИ действия американцев и их союзников в Ираке обозначались как война «с кровавым диктатором», «с арабами», «с армией Ирака», «с народом Ирака», «с Ираком», «с президентом Саддамом». Боевые действие обозначались также как «возмездие» и «борьба против диктатора». Как различаются прагматические смыслы этих обозначений?

Российская монархическая метафора и ее американские эквиваленты

При изучении современной российской политической метафоры нетрудно заметить, что важное место в системе образов занимает концептуальная метафора ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ — это ЦАРЬ (монархическая метафора). Такая метафора в соответствии с национальными традициями представляет главу государства как пользующегося абсолютной властью монарха, «помазанника Божия», а структуру государственной власти — как своего рода феодальную иерархию, в которой существуют не только царь, но и наследник престола, разнообразные феодалы (удельные князья, региональные бароны и др.), императорский двор, свита. Атрибутами государственной власти по-прежнему служат трон, мантия, скипетр и корона. Возможно, у нашего народа до сих пор существует потребность в ниспосланном свыше сильном правителе, который должен быть эталоном совести и высшей

справедливости, действовать уверенно и решительно, не обращая внимания на сомнения и формальности. В рамках представленной модели выделяются следующие фреймы.

1. Фрейм «Носитель верховной власти»

Президент России может метафорически представляться как самодержец, т.е. не ограниченный конституцией или чем-либо еще монарх, полный хозяин своей страны, имеющий священное право на власть, в том числе на передачу этой власти наследнику. В конкретных контекстуальных условиях могут акцентироваться те или иные признаки российского самодержца.

Слот 1.1. Монарх

Слот представлен концептами «царь», «монарх», «государь», «правитель всея Руси», акцентирующими идеи недосягаемости, силы, могущества, авторитета носителя верховной власти, а также его доброты, справедливости, снисходительности.

Ср.: *Хотя вроде бы было выгодно исполнить роль миротворца и справедливого царя, которую так умело играл время от времени Ельцин, Путин не решился* (Ш. Муладжанов). *Превратимся ли мы из ожидающих появления «доброго царя» подданных в граждан, берущих в свои руки судьбу страны, или так и будем, как говорил Чаадаев, «расти, но не взрослеть»*? (А. Кива). *Именно в этот момент он (Ельцин) перестает быть разухабистым русским увальнем, превращаясь в русского государя, отечески опекающего страну* (А. Архангельский). *Но вообще к монархии мы привыкли. И Ленин, и Сталин, и Хрущев, и Брежнев, и Ельцин, и Путин — все монархи* (С. Говорухин).

Эмотивные смысловые компоненты (веры, любви, почитания, страха) усиливают характеристики представления президента как монарха, которого подданные одновременно страшатся и обожают, к которому нельзя относиться как к обычному человеку, как к чиновнику, по воле народа занявшему на время высший пост в государстве.

Слот 1.2. Носитель священной власти

Показательно, что безграничная власть, возможность постоянно быть на виду, любовь, почитание, поклонение народа сближают президента не только с образом монарха, но и святого. Такое сближение усиливает эмоциональный эффект,

направленный на создание образа «безупречности» и «всемогущества», объекта преклонения, вызывающего священный трепет.

Дистанцированность «верховного правителя», а также стремление российского избирателя к абсолютной, всепоглощающей любви и вере находят проявление в обозначении президента, который предстает как *мессия*, *небожитель*, *патриарх*, *помазанник Божий*, *носитель таинства верховной власти*, чью личность *канонизируют* и чье имя стремятся *не упоминать всуе.* Ср.:

В указе и.о. президента Владимира Путина нашему ушедшему «небожителю» гарантированы царские привилегии (Р. Колчанов). *Путин уже фактически глава государства, носитель таинства верховной власти, которая всегда вызывала у немалой части россиян чувство священного обожания* (В. Никонов). *Похоже, что процесс канонизации личности и.о. президента вовсю набирает обороты* (В. Авербух, Д. Владимиров). *Нет смысла преувеличивать мистически-христианские пружины путинского назначения на рубеже тысячелетий как якобы приход мессии, призванного остановить крах православия как глобального фактора* (П. Богомолов).

Деятельность святого нет смысла обсуждать, понимание ее не всегда доступно простому смертному, в него надо верить, он способен творить чудеса.

Слот 1.3. Хозяин страны

В демократических странах высшее должностное лицо воспринимается как своего рода управляющий, которому носитель верховной власти (народ) поручил управление государством, но не передал права собственности. Это ограниченный в правах высший менеджер, но не собственник. В российской традиции обладатель верховной власти часто представляется как полновластный хозяин страны. Российский президент часто метафорически представляется как *хозяин*, *барин*, который самовластно управляет государством. Ср.:

То, с какой охотой губернаторы и разномастные партийцы, деятели искусств, истомившиеся в ожидании нового Хозяина, припали к руке свежеиспеченного кандидата... свидетельствует об одном: Россия так и осталась страной, психологически способной воспринять культ (П. Вощанов). *Этот*

редкий в политической практике консенсус оказался возможным благодаря тому, что общество осознало свою беззащитность перед произволом хозяина Кремля и его окружения (Г. Шахназаров). *О нем (Ельцине) писали как о барине-самодуре, разорившем имение, запутавшемся в долгах, уморившем скот и людей и постоянно меняющем управляющих, на которых он и валил свое банкротство* (Р. Медведев).

Рассмотренный материал свидетельствует, что в соответствии с национальными традициями к президенту в России относятся не как к высшему чиновнику, а как к самовластному правителю, хозяину страны и почти святому, который способен творить чудеса, имеет право казнить и миловать, может облагодетельствовать или разорить подданного, волость, губернию.

2. Фрейм «Монархическая форма правления»

Образ самовластного русского президента-царя последовательно эксплицируется через поступки, свойственные феодальному «властителю», и способ передачи власти. Наш президент не исполняет обязанности, а полновластно царствует. Он сам решает, как ему следует поступать, когда уйти на покой, кому оставить державу.

Слот 2.1. Царствование

Деятельность президента РФ в рамках данного слота ассоциативно связана с *царствованием монарха*, способного *преподнести царский подарок, отчитываться о плодах собственного царствования, по-царски уйти.*

Ср.: *Действительно, такого в России еще не бывало: властолюбивый глава государства, которого уже чуть ли не «приговорили» к пожизненному царствованию, находясь в здравом уме и твердой памяти, вдруг надевает пальто и... уходит* (А. Гатов). *Если начало его (Ельцина) царствования было для России периодом надежд, то второй президентский срок стал временем жестоких разочарований* (Ю. Скуратов). *Не может быть, чтобы в такой день этот человек понял, что он сотворил, и потому наконец-то решился расстаться с властью. Словом, преподнести царский подарок народу* (В. Никифорова).

Идея абсолютной власти подчеркивается метафорическими конструкциями, позволяющими осмысливать срок прези-

дентского правления как эпоху царствования монарха, а форму правления как президентскую монархию.

Ср.: *Одна из таких идей — обязательство в случае избрания инициировать изменение Конституции, которая бы ликвидировала <u>президентскую монархию</u>* (О. Герасименко). *В самой этой фразе заключены все пороки психологии, сформировавшейся в <u>эпоху царя Бориса</u>* (П. Вощанов).

Слот 2.2. Атрибуты власти

Основные атрибуты царской власти это *корона* и *скипетр*, владение которыми символизирует полновластие государя. Соответственно потеря или передача этих атрибутов приравнивается к смене власти.

Ср.: *В этом случае никакой жесткой вертикали власти не получится: она выродится <u>в скипетр</u> нового властителя, которым он сможет и голову проломить* (В. Тимашов). *И даже не в том смысле, что Борис Ельцин ошарашил весь мир, досрочно передав свой «<u>скипетр</u>» Владимиру Путину, — удивительным образом прореагировали на политическую трансформацию биржи* (Н. Бойцов). *Владимиру Путину не удастся забыть, из чьих рук он получил <u>корону</u>* (Р. Юшков).

Еще атрибут монархической власти — *трон.* Его расположение в пространстве, на возвышении, символизирует недосягаемость царя для подданных, его могущество, возможность все видеть и одновременно быть всеми увиденным. В метафорическом контексте президентских выборов широко употребляется наименование *трон*, актуализируя величие и дистанцированность монарха от его подданных. Ср.: *Утверждают, что за сценой борьбу у подножья <u>трона</u> ведут команды Чубайса и Березовского* (М. Стахов). *Они страшно боялись появления <u>на троне</u> чужака* (Ш. Муладжанов). *Лишь оно способно вознести политика <u>на трон</u> реальной победы* (И. Зверев).

Слот 2.3. Наследники

В монархических странах в случае ухода обладателя короны власть передается его наследнику. Монарх обычно заранее решает, кто именно будет его наследником. Такой порядок передачи власти и характеризует рассматриваемая метафора, по существу «отрицающая» законный демократический способ передачи власти в России. Ср.: *Путин Владимир*

Владимирович. ...Долгожданный наследник царя Бориса (В. Жириновский). *Многие чувствуют себя обреченными на победу «наследника» и заранее пытаются подобрать себе место поуютнее в ближайшем его круге* (Е. Савостьянов). *Помимо «наследника» Путина, среди претендентов на пост первого лица России мы видим все тех же, уставших от думских словопрений паркетных бойцов* (К. Сретенский). *Многие газеты писали тогда о Немцове как о «дофине» или наследнике* (Р. Медведев).

Показательно, что монархическая метафора используется даже при обозначении кандидатов в президенты, которым отнюдь не симпатизировал Б.Н. Ельцин. Все кандидаты, так или иначе связанные с политикой и претендующие на пост главы государства, рисуются в виде *престолонаследников, дофинов, кандидатов на трон, соискателей кремлевского трона, соискателей престола.*

Ср.: *За десять дней до выборов президента расклад симпатий наших избирателей, похоже, определился: Путин и Зюганов — основные кандидаты на трон* (В. Днепров). *По большому счету, на фоне нынешнего Ельцина любой «престолонаследник» выглядел бы орлом* (П. Вощанов). *Гораздо органичнее соискатель престола смотрится не в обществе стенографистки, а в момент вручения наград знаменитым и, простите за слово, немолодым женщинам* (С. Новопрудский).

Слот 2.4. Передача власти

Добровольный уход Бориса Ельцина от руководства государством последовательно представлялся в средствах массовой информации как отречение от престола. Соответственно начало деятельности нового президента — это восшествие на трон, коронация или венчание на царство.

Ср.: *Тридцать первого декабря совершенно неожиданно для всех он отрекся от «престола»* (М. Малюкова). *Итоги голосования наверняка стали главным аргументом тех, кто убедил Б.Н. Ельцина освободить престол* (Ш. Муладжанов). *Включая Б.Н. Ельцина, которого сподвигли-таки к передаче престола столь верному и популярному наследнику* (Ш. Муладжанов). *Главное внимание было приковано к мероприятиям, связанным с восшествием В.В. Путина на русский трон* (М. Соколов).

Прагматический смысл данного фрейма можно сформулировать следующим образом: в народном сознании — руководитель государства — это, как и прежде, могущественный, уверенный в себе царь-батюшка, наделенный священной властью. Царь сам решает, как ему править, когда уходить и кому передавать свой трон. Символы монархической власти эксплицируют недосягаемость, властность, могущество президента-царя.

3. Фрейм. «Система монархической власти»

В демократическом государстве существует разделение властей: представительная, исполнительная и судебная власти взаимно ограничивают друг друга и вместе с тем уберегают от ошибок. Метафоры показывают, что российская система власти устроена совершенно иначе. Помимо исполнительной власти (правительства) в монархической России огромную роль играют, во-первых, Двор, семья Государя, его свита, «ближние бояре», а во-вторых, региональные феодалы, воеводы и наместники Государя.

Слот 3.1. Двор и ближайшее окружение монарха

Ближайшее окружение президента, его помощники могут обозначаться как *бояре*, *аристократия*, *Двор*, *придворная свита*, *дворцовый коллектив*, *слуги* и просто *холуи.* Основное отличие такой системы власти состоит в том, что демократически назначенный министр несет ответственность перед народом и парламентом как выразителем интересов избирателей. Метафора подчеркивает, что в России важнейшие решения принимаются совсем в иных условиях, а главное достоинство приближенного — личная преданность монарху. Ср.:

Назначенный губернатор всегда будет стараться угодить не жителям региона, а <u>придворной свите</u>, от которой зависит, останется он на своем посту или нет (Е. Савостьянов). *Возможно, что в той почти бесплодной кремлевской среде, в том <u>«дворцовом» коллективе</u>, в котором с 1996 года работал Путин, он был относительно одинок* (Р. Медведев). *Ельцин раз в году появлялся на людях, окруженный <u>холуями и придворными</u>, давая понять, кто царь на Руси* (А. Проханов). *Фактически и.о. царя страны предлагается собрать <u>бояр</u> и по-годуновски долго выпрашивать собственной легитимности* (В. Константинов).

Слот 3.2. Императорская семья

Как известно, в Российской империи значительное место в системе власти занимала «императорская фамилия»: императрица, императрица-мать, великие князья, княгини и княжны. Ближайшие родственники императора часто назначались на важные официальные должности (что нередко осуждалось противниками режима), но не сама по себе должность (или ее отсутствие) определяла степень влиятельности члена императорской семьи. При чтении современной российской прессы может создаться впечатление, что с тех пор мало что изменилось. Ср.:

Демократический царь создал под себя византийскую систему управления (Двор и Семья «разруливали» ситуацию лучше системы взаимодействия ветвей власти) (С. Бабаева, Г. Бовт). *Специалисты по коридорам власти в таких случаях советуют обращаться не в правительство, а к младшей дочери президента. Это вернее* (В. Горунов). *Лихие депутаты второго созыва придумали Татьяне псевдоним Дочка Франкенштейна* (Н. Гужева). *Известно, что в Москве, в Кремле все решает «семья», и здесь то же. Клан, который сформировал Руцкой* (Н. Иванов).

Слот 3.3. Региональные феодалы и наместники

В соответствии с логикой развертывания рассматриваемой модели периферийная политическая элита (руководители субъектов Федерации и др.) может метафорически обозначаться как *удельные князья, региональные бароны, воеводы, феодалы, наместники государя, помещики.* Ср.:

Путин бьется за диктатуру закона и даже не подозревает, что уральские князьки такой ножичек у него за спиной точат (Ф. Сергеев). *Упреки Москвы в адрес воевод-жуликов не выглядят особенно убедительными* (М. Ростовский). *Я лично с трудом представляю его (Степашина) себе в Совете Федераций среди заседающих там акул-феодалов* (В. Крупнов).

В других контекстах в качестве важных звеньев феодальной иерархии выступают важные государственные чиновники, руководители крупных кампаний, СМИ, банков и иных подобных структур. Ср.:

Гусинский стал первым в России медиабароном. Постепенно расширяя сферу влияния, его империя стала включать

журнал «Итоги», радиостанцию, спутниковое телевидение (С. Богданов). *Министры станут политическим прикрытием своих направлений, «министрами-царями»* (С. Новопрудный).

При изучении представленного материала становится понятным, почему так легко провести метафорическую параллель между президентом и царем, между свободными гражданами демократической страны и подданными самодержца. Неограниченная власть монарха, осознание своего могущества, отдаленность от народа, неведение или нежелание проникнуться его бедами, проблемами, придворные интриги ассоциируются в нашем сознании с президентскими полномочиями и привилегиями, «закулисной» жизнью в кулуарах власти, зачастую равнодушному отношению к избирателям. Но в российском национальном сознании упорно сохраняется «идеальная» политическая ситуация в монархической стране: к власти приходит разумный, деятельный, осознающий свою ответственность правитель, на которого, видимо, до сих пор уповает русский народ. Содержащиеся в сознании избирателей представления вербализуются в концептуальной метафоре.

Важно подчеркнуть, что концептуальная политическая метафора отражает национальное сознание и существующие в данной стране представления о структуре государственной власти. В частности, при сопоставлении агитационно-политического дискурса президентских кампаний в Америке и России обращает на себя внимание тот факт, что в средствах массовой информации США интересующая нас метафорическая модель по существу не используется. Президент «Нового света» может быть представлен как commander-in-chief (главнокомандующий), prizefighter (боксер-профессионал), the leading man (исполнитель главной роли), hero (герой) и т.д. Это свидетельствует о том, что в сознании американского народа верховная власть Соединенных Штатов ассоциативно не связана с монархической системой управления. Президент для американцев — это не монарх, святой или полновластный владелец страны, а нанятый народом управляющий, ведущий в бой командир или исполнитель ведущей роли в политическом спектакле. Таким образом, рассмотренная в данном разделе концептуальная метафора является спе-

цифичной для российских текстов предвыборной агитации и не представлена ни одним наименованием в американском политическом дискурсе.

Однако если речь в американских СМИ заходит о российской президентской кампании, то монархическая метафора оказывается достаточно продуктивной. Для номинации основных кандидатов на пост главы Российского государства в современной американской политической речи часто используются следующие метафоры: a new Russian tsar (новый русский царь), an inheritor (наследник), the Russian strongman (русский властитель), President of all Russia (президент Всея Руси). Ср.:

Now Vladimir Vladimirovich Putin has been catapulted from the shadow into the most public of positions: President of all Russia. He is about to inherit constitutional powers akin to a Czar's in what is called an election but amounts to coronation (J. Mcgeary / Time). [Сейчас Владимира Владимировича Путина вытащили из тени на самое видное место: президент всея Руси. Он, подобно царю, собирается унаследовать власть посредством того, что по конституции называют выборами, а на деле равносильно коронации]. The Russian strongman courts his neighbours (Ch. Caryl / U.S. News & World Repor). [Русский властитель добивается расположения своих соседей].

Внеязыковые причины такого широкого спектра коннотаций следует искать в социальной, историко-культурной информации, в тесной связи национального языка с национальным сознанием. Русскому народу на протяжении многих веков была свойственна вера в сильного правителя, культ его личности. Как известно, у граждан Соединенных Штатов существует совсем иная система политических ценностей и убеждений. Это играет решающую роль в выборе метафорических моделей, которые используются русскими и американцами для обозначения своих политических лидеров.

Представленное исследование свидетельствует, что феодальная сфера по-прежнему занимает важное место среди источников метафорической экспансии в политическом дискурсе современной России, а для ее ведущих фреймов легко находятся аналоги в современной политической действитель-

ности. Но подобная метафора в силу известных культурно-исторических причин совершенно нетипична для американского политического дискурса, где президент — это не «помазанник Божий», а назначенный народом главный менеджер, предводитель армии или исполнитель ведущей роли в политическом спектакле. Отметим также, что сказанное совершенно не относится к британскому политическому дискурсу, где хотя бы номинальной главой государства является отнюдь не метафорический монарх, а поэтому образы двора, свиты и королевской семьи прочно закрепились в национальном сознании.

Рассмотренные в настоящем разделе факты еще раз доказывают, что специфика используемых в обществе метафорических моделей определяется не только национальным языком, но и национальными традициями, национальной культурой, национальным самосознанием, национальной политической системой. Распространенность в России феодальной метафоры определяется вовсе не спецификой русского языка, а нетипичность подобной метафоры для американских и британских политических текстов никак не связана с особенностями английского языка.

Заканчивая общее сопоставление моделей российской и американской политической метафоры, еще раз подчеркнем сложную диалектику процессов. С одной стороны, факты подтверждают реальность существования общих закономерностей, своего рода интердискурса. Например, театральные метафоры в российской и американской политической коммуникации удивительно близки по составу фреймов и слотов, по прагматическому потенциалу, по функциям их использования и даже (разумеется, не в полной мере) по инвентарю концептов. Похожая картина обнаруживается при анализе метафор из военной, спортивной и медицинской сфер-источников.

С другой стороны, сопоставление способов метафорического представления одной и той же политической ситуации (военных действий в бывшей Югославии) в российском и американском политическом дискурсе показывает, как избирательна метафора и насколько различен прагматический потенциал моделей, используемых при характеристике указан-

ной ситуации. Еще более глубокие различия обнаруживаются при сопоставлении российской монархической метафоры и ее американских эквивалентов.

Сопоставление метафорических моделей, используемых в современных российских и американских политических текстах, позволяет лучше понять специфику метафорической картины политического мира в рассматриваемых государствах и выделить то общее, что создает базу для взаимопонимания и толерантности.

Контрольные вопросы и задания

1. Охарактеризуйте основные фреймы метафорической модели «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССИИ — это МОНАРХИЯ». Почему эта модель активно используется в отечественном политическом дискурсе?
2. Почему монархическая метафора, столь характерная для российского политического дискурса, практически не используется в английской и американской прессе при описании политической жизни названных государств?
3. Какие метафорические модели используются в США для обозначения президента и предвыборной борьбы за политическую власть?
4. Определите, какой метафорической модели соответствуют заголовки, приведенные в каждом пункте. Мотивируйте свое мнение.
   1) *Торговая война. В ожидании реванша. Мыльная война. Холодная война* (Статья экономического содержания о рынке производителей мороженого). *Битва за автолюбителя. Битва вафельных стаканчиков. Бой с тенью. Последний бой. A phony war. Yesterday's war, tomorrow's peace. War and piecework. Bra wars. All—Out War. After South Carolina Comes Battle of Michigan.*
   2) *Железный кулак. Контрольный в голову. Глаз народа. Clean hands. In a few hands. Foot in the door. Heads, shoulders and broadening bottoms. The royal appendix.*
   3) *Белорусский «заяц»: время линьки. Начнут ли резать священных коров? Раненый зубр. Скатерка для крыс. Белка в колесе. Пираньи в компьютерных сетях. Талант к мимик-*

рии. КПРФ и «Единство» — кому страшен ручной «Медведь». Paper tigers. Prowling tiger, slobbering dog. Madison Avenue bear. Who let the bears out. The penguin gets serious. Tax beast.

4) *В ожидании шока. Целительное воздержание. Акционерная гомеопатия. Досадная близорукость. Эпидемия жестокости. Шанс выздороветь. Шоковая терапия. Bundesbank's new diet. Pulling teeth. Pass the pain killers. Tasting its own medicine. When America sneezes. Health Care: A Litmus Test.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Политические тексты

Президент России В.В. Путин

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА IX ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФОРУМЕ 14 июня 2005 года. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Думаю, в ходе дискуссии все присутствующие погрузились в ткань обсуждаемой проблемы. А она действительно является одной из ключевых и наиболее важных для многих стран мира, в том числе для России.

В самом начале этой дискуссии прозвучал хоть и небольшой, но все-таки анализ взаимоотношений двух тенденций развития: патерналистского, т.е. с большим участием государства в развитии экономики, и либерального. И правильно было сказано о том, что в разные периоды развития мировой экономики те или иные формы управления были более или менее эффективными.

Давайте вспомним великую депрессию в США конца 20-х — начала 30-х годов. Именно в это время плановая экономика Советского Союза давала наибольшие результаты, именно в это время складывалось индустриальное могущество СССР. Однако позднее, когда более эффективными стали инновационные формы развития, когда мировая экономика, безусловно, стала глобальной, — замкнутость, доведенная до абсурда, патерналистская идея советской плановой экономики довела Советский Союз до коллапса.

Думаю, что многие согласятся со мной, что любое правительство, в том числе и Правительство России, конечно, должно быть в состоянии определить основные тренды мирового развития и мировой экономики, должно быть способно определить состояние своей собственной страны, социальной, политической, экономической ее сфер, для того чтобы выбрать оптимальные пути развития.

Разумеется, наша главная задача остается прежней. Она заключается в том, чтобы обеспечить высокие темпы роста российской экономики. Мы понимаем, что в условиях глобализации это невозможно сделать без интеграции России в мировое хозяйство и в мировую экономику, но при одном непременном условии: при сохранении и обеспечении суверенитета нашего государства. Я хочу пожелать нам в этом успеха.

Большое спасибо организаторам.

Вопросы и задания

1. Выделите в тексте книжную лексику и фразеологию. Чем можно объяснить ее использование в данном тексте?
2. Относятся ли к числу идеологем обозначения двух тенденций в развитии экономики как патерналистского и либерального развития? Поскольку В.В. Путин говорил, в частности, об экономическом развитии США и России в 30-е годы прошлого века, то не лучше ли было называть соответствующие экономики социалистической и капиталистической?
3. Чем можно объяснить тот факт, что в этом выступлении по существу отсутствуют яркие метафоры и стилистические фигуры?
4. Какие функции политической коммуникации проявляются в данном тексте?
5. Охарактеризуйте данный текст с точки зрения его институциональности, оценочности, принадлежности к политическому нарративу и адресности.

Президент России В.В. Путин

ЗАЯВЛЕНИЕ В СВЯЗИ С ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ АКТАМИ, ПРОИЗОШЕДШИМИ В ЛОНДОНЕ. 7 июля 2005 года. ГЛЕНИГЛС

Как известно, сегодня в Лондоне совершено огромное преступление.

В этой связи я хотел бы сказать, что Россия сама неоднократно сталкивалась с террористическими актами, — с жес-

токими, кровавыми преступлениями, которые унесли сотни жизней ни в чем не повинных людей, наших граждан.

Именно поэтому у нас, как ни в какой другой стране мира, особо переживают случившееся, сочувствуют пострадавшим и выражают свои соболезнования. Но произошедшее сегодня лишний раз свидетельствует о том, что все мы слишком мало делаем для того, чтобы самым эффективным образом объединять усилия в борьбе с терроризмом. Я хочу выразить не только надежду, но и уверенность в том, что международное сообщество найдет в себе силы, избавляясь от каких бы то ни было двойных стандартов в оценке кровавых преступлений, подобных тому, которое было совершено сегодня в Лондоне, сделать все, для того чтобы противостоять террору, противостоять вместе и искоренить эту «чуму XXI века» полностью и окончательно.

Вопросы и задания

1. Охарактеризуйте жанровую специфику данного текста.
2. Объясните, что такое «двойные стандарты» в оценке преступлений.
3. Какие функции политической коммуникации проявляются в данном тексте?
4. Охарактеризуйте данный текст с точки зрения его институциональности, оценочности, принадлежности к политическому нарративу и адресности.

Президент России Б.Н. Ельцин

ТЕЛЕОБРАЩЕНИЕ С ЗАЯВЛЕНИЕМ ОБ ОТСТАВКЕ. 31 декабря 1999 года. МОСКВА, КРЕМЛЬ

Дорогие россияне!

Осталось совсем немного времени до магической даты в нашей истории. Наступает 2000 год. Новый век, новое тысячелетие.

Мы все примеряли эту дату на себя. Прикидывали, сначала в детстве, потом повзрослев, сколько нам будет в 2000-м году, а сколько нашей маме, а сколько нашим детям. Казалось когда-то — так далеко этот необыкновенный Новый год.

Дорогие друзья! Дорогие мои!

Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам с новогодним приветствием. Но это не все. Сегодня я последний раз обращаюсь к вам, как президент России.

Я принял решение.

Долго и мучительно над ним размышлял. Сегодня, в последний день уходящего века, я ухожу в отставку.

Я много раз слышал: «Ельцин любыми путями будет держаться за власть, он никому ее не отдаст». Это вранье.

Дело в другом. Я всегда говорил, что не отступлю от Конституции ни на шаг. Что в конституционные сроки должны пройти думские выборы. Так это и произошло. И так же мне хотелось, чтобы вовремя состоялись президентские выборы — в июне 2000 года. Это было важно для России. Мы создаем важнейший прецедент цивилизованной добровольной передачи власти от одного президента России другому, вновь избранному.

И все же я принял другое решение. Я ухожу. Ухожу раньше положенного срока. Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми умными, сильными, энергичными людьми.

А мы — те, кто стоит у власти уже многие годы, мы должны уйти.

Посмотрев, с какой надеждой и верой люди голосовали на выборах в Думу за новое поколение политиков, я понял: главное дело в своей жизни я сделал. Россия уже никогда не вернется в прошлое. Россия всегда будет двигаться только вперед.

И я не должен мешать этому естественному ходу истории. Полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть президентом, и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее! Почему я должен ему мешать? Зачем ждать еще полгода?

Нет, это не по мне! Не по моему характеру!

Сегодня, в этот необыкновенно важный для меня день, хочу сказать чуть больше личных своих слов, чем говорю обычно.

Я хочу попросить у вас прощения.

За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком, и все одолеем.

Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным. Где-то проблемы оказались слишком сложными. Мы продирались вперед через ошибки, через неудачи. Многие люди в это сложное время испытали потрясение. Но я хочу, чтобы вы знали.

Я никогда этого не говорил, сегодня мне важно вам это сказать. Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моем сердце. Бессонные ночи, мучительные переживания: что надо сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше? Не было у меня более важной задачи.

Я ухожу. Я сделал все что мог. И не по здоровью, а по совокупности всех проблем. Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше.

В соответствии с Конституцией, уходя в отставку, я подписал указ о возложении обязанностей президента России на председателя правительства Владимира Владимировича Путина. В течение трех месяцев в соответствии с Конституцией он будет главой государства. А через три месяца, также в соответствии с Конституцией России, состоятся выборы президента.

Я всегда был уверен в удивительной мудрости россиян. Поэтому не сомневаюсь, какой выбор вы сделаете в конце марта 2000 года.

Прощаясь, я хочу сказать каждому из вас: будьте счастливы. Вы заслужили счастье. Вы заслужили счастье и спокойствие.

С Новым годом!

С новым веком, дорогие, мои!

Вопросы и задания

1. Выделите в тексте элементы, свидетельствующие об его принадлежности к институциональному и личностному типам коммуникации.
2. Выделите в тексте наиболее яркие стилистические фигуры и тропы, охарактеризуйте функции этих выразительных средств в данном тексте.
1. Какие функции и типовые свойства политической коммуникации проявляются в данном тексте? Обоснуйте свое мнение.
2. Охарактеризуйте данный текст с дискурсивной и жанровой точек зрения.

ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ БОРИС НЕМЦОВ: СЕНАТОРАМ ЛУЧШЕ НЕ УПРЯМИТЬСЯ

Предложив сенаторам создать согласительную комиссию, Госдума нарвалась на упреки в свой адрес. Дескать, депутаты пошли на попятную, испугались, что не сумеют преодолеть вето верхней палаты и теперь ищут выход из конфузной ситуации. Я не считаю это отступлением. По-моему, депутаты просто проявили политическую мудрость. Соберется согласительная комиссия или нет, не имеет значения — закон в конечном счете будет принят, и концептуально он не претерпит изменений. Но там, где можно решать проблемы дипломатическим путем, без конфликта, надо к этому стремиться. Поэтому лидер фракции ОВР Евгений Примаков и наша фракция выступили инициаторами мирного диалога двух палат парламента.

Совет Федерации, находясь в состоянии перевозбуждения, мне кажется, *погорячился*. На мой взгляд, это ребяческий поступок или жест отчаяния, когда сжигают за собой все мосты, не анализируя последствий. Скандал никому не нужен: ни сенаторам, ни депутатам, ни президентской администрации, надеюсь, тоже. Конфликт между властями всегда приводит к деструктивным решениям, а между тем Совету Федерации скоро предстоит рассматривать бюджет, прини-

мать Налоговый кодекс, ряд основополагающих законов. Если мы хотим эти законы провести, нам, естественно, важно иметь нормальные, а не конфронтационные взаимоотношения внутри парламента. Я считаю, что сильно нарушать баланс, сложившийся между федеральной и региональной властями, не в интересах президента. Потому что большая часть экономических и социальных преобразований, которые планируются в рамках программы правительства, требуют консолидации всех эшелонов власти. Если же региональное начальство будет держать фигу в кармане, ни одно из начинаний не будет претворено в жизнь. Точно так же не будет реализована та идея, о которой постоянно говорит Владимир Путин: создание единого правового пространства, т.е. приведение местных конституций, уставов, законов в соответствие с российским законодательством. Постоянно будет, пусть и молчаливое, но сопротивление, которое сведет на нет разумные инициативы, например, налоговую или земельную реформу. Во вторник, на встрече с президентом, я говорил ему об этом. Мне кажется, Владимир Владимирович со мной согласился.

Как могут развиваться события дальше? Администрация президента, по моей информации, настроена решительно: преодолеть вето несмотря ни на что. Кремль судя по всему недооценил масштабы открытого и скрытого сопротивления. Всего 13 сенаторских голосов в поддержку президента — это, можно сказать, удар под дых. Потому что чиновники из администрации, конечно, работали с губернаторами и те, как всегда, клялись в любви и верности, а потом — «подложили свинью».

Итак, возможны два варианта. Первый: в пятницу Совет Федерации принимает идею согласительной комиссии. Тогда разговор может идти о внесении трех принципиальных поправок: поэтапная ротация членов СФ, отзыв сенаторов, если они не отстаивают интересы региона; право губернатора назначать своего представителя в верхнюю палату без согласования с местным законодательным собранием. Надо быстро, без проволочек, внести эти поправки и принять закон, прежде чем Дума уйдет на каникулы. Не исключено, что сенаторы начнут тянуть резину, постараются отложить вопрос до осе-

ни. Если мы почувствуем это, то 19 июля, в последний день заседания Госдумы, будем преодолевать вето.

Вариант второй: Совет Федерации отказывается от работы в согласительной комиссии. Это менее вероятно, но все может быть. Что ж, *мы протянули сенаторам руку*, они сказали «не надо», значит, всего им доброго. Больше никаких поблажек, включается обычная юридическая процедура. Могу назвать фракции, которые будут голосовать за преодоление вето: СПС, «Яблоко», ОВР, «Единство», ЛДПР, по всей видимости аграрии Харитонова и часть коммунистов. Так что сенаторам нет смысла упрямиться.

Вопросы и задания

1. Выделите в тексте стилистически окрашенную лексику и фразеологию. Насколько уместны подобные единицы в данном политическом тексте?
2. Выделите в тексте наиболее яркие метафоры, укажите, каким моделям они соответствуют.
3. Подберите в данном тексте материалы, свидетельствующие об обновлении русского политического языка в постсоветский период.
4. Какие функции политической коммуникации проявляются в данном тексте?
5. Выделите в тексте элементы, свидетельствующие о его принадлежности к институциональному и личностному типам коммуникации.

ИНТЕРВЬЮ В.В. ЖИРИНОВСКОГО 1 июля 2005 г. ПО ПОВОДУ РАСКОЛА ФРАКЦИИ «РОДИНА»

Причина раскола фракции «Родина» заключается в том, что она изначально была организована на фальшивом фундаменте. Её составили три партии, которых нет в стране: «Партия российских регионов», «Социалистическая партия», «Партия народной воли». В сентябре 2003 года из них вдруг

был сформирован блок. Я даже удивился. Блок могут сформировать лишь те партии, которые зарегистрированы в соответствии с законом и которые действительно есть в реальности. Но то, что их не было, привело к тому, что с приходом в Думу блок «Родина» стал раскалываться. Сразу же произошла ссора Рогозин — Глазьев, от них ушли генерал Шпак, банкиры Геращенко и Лебедев. Это не партии, это случайные люди решили собраться, чтобы прорваться в парламент. А когда они получили мандаты, стали разбегаться. Поэтому этот раскол вполне естественен. Это разные люди, у них разные цели, и каждый из них хотел получить какой-то политический капитал. Глазьев был уже чем-то известен, а Бабурин и Рагозин неоднократно были депутатами. Они решили объединить свои усилия, что бы на базе блока иметь какой-то вес в Государственной Думе. Но кроме отрицательного о них невозможно ничего сказать, потому что это экстремисты, леваки. В основе своей блок сформировался на базе фракции КПРФ. Многие депутаты «Родины» раньше сидели во фракции КПРФ и других левых фракциях еще Верховного Совета РСФСР. Поэтому произошел окончательный раскол, когда они исключили Бабурина. Им не нравится, что он занимает другую позицию. А он не может занимать их позицию: он лидер совсем другой партии! Поэтому та ложь, которую они использовали в своей политической борьбе, по ним же самим и ударила. Если взять Рогозина, то это, наверное, у него уже пятая партия. У него был какой-то «Конгресс русских общин». Где эти русские общины?! В «Народную партию» входил, сидел здесь с 1999 по 2003 год в команде у Райкова. В «Единую Россию» вступал. С Лебедем был на Кавказе, Хасавьюртовские соглашения подписывал. С Ельциным был у Белого дома в 1991 году. В общем, они бегают все время по тусовкам. Бегают туда, где им могут заплатить и в чем-то помочь. И вот эта фальшивка окончательно себя разоблачила, они все расстались, эти три группировки. Ну и ряд их действий: они же пытались наших депутатов переманить к себе путем подкупа. А как они себя вели на местных выборах! — Везде негодные методы политической борьбы!

В расколе больше всех виноват Рогозин. Он хотел на спине Глазьева пролезть в Думу, потому что у того был наи-

более высокий авторитет во фракции КПРФ. Рогозин его и привлек. Самостоятельно Рогозин мог победить где-то в округе. Он в Воронежской области прорывался. А в рамках политической партии у него такого опыта нет, его везде отторгали: в «Единой России», «Народной партии» и других политических структурах. Поэтому он главный закоперщик, зачинщик и виновник разлада, раскола в этом блоке. И естественно, они подорвали свой авторитет у избирателей. У Рогозина есть личные претензии в связи с тем, что он был полномочным представителем президента по Калининграду. Но все, что он обещал сделать по калининградской проблеме, все это лопнуло. Мы ратифицировали договор с Литвой о границах, он нас всех убеждал, что будет свободный проезд из Калининграда в Россию. Ну и где свободный проезд?! Наши граждане едут как иностранцы, берут визы, заграничные паспорта, стоят в очереди в литовское консульство в Калининграде. У кого-то кто-то умер, человек не может приехать на похороны. Не могут встретиться семьи, военнослужащие. А литовская полиция имеет право ссаживать до 20 человек с каждого поезда. Т.е. то, что нам сделал Рогозин по Калининграду, это можно оценить только как диверсию. Его ненавидят весь город и область. Там, где Рогозин, ошибки, провокации. Даже его пребывание в Цхинвали... Чего он там делал накануне трагедии в Беслане. Как он вообще оказался в Беслане?! Кто его туда позвал?! Т.е. очень многие действия с его стороны вызывают сомнения и носят отрицательный оттенок.

Что касается Бабурина, я думаю, что его вины в расколе нет. Хотя он тоже честолюбивый. Они все трое одного поля ягоды: все честолюбивые, все хотят стать президентами, премьер-министрами, лидерами партий, но у них ничего не получается! В индивидуальном качестве они не могут создать партию. Вот, тот же Глазьев! Он же с одним депутатом украл партию Травкина. Поиграли с ней и бросили. Они все трое перебрали десяток партий и никак не могут найти свое место в политической нише, издеваются над избирателями, Государственной думой, всех обманывают, ничего плодотворного у них нет. Они не готовы и не способны быть лидерами какой-то политической структуры. Вместе создали полити-

ческий блок, а он оказался фальшивым. Ну, хорошо, вы незаконно прошли в парламент, но работайте здесь! Не хотят! Разбегаются, спорят, ругаются, устраивают какие-то фиктивные, дурацкие голодовки. Ни в одной стране мира депутаты еще не объявляли голодовку! Они сытые, довольные. Вот как у Рогозина раздулись щеки! Наверное, жрет как поросенок, из-за стола не встанет пока, там не знаю, кислого мяса не съест! Посмотрите на их лица! Они голодовку объявляют! Голодовку тогда объявляют, когда от голода умирают. А у этих по сто тысяч рублей зарплата каждый месяц, а они еще голодовку объявляют! Т.е. профанация! А что делал Рогозин во время выборов на Украине?! — Поехал в Киев к Ющенко, с ним обнимался, целовался, пил всю ночь накануне объявленной победы Ющенко. Рогозин обещал и в России оранжевую революцию устроить. Вот такой легковесный, легкомысленный человек, пытающийся заработать какой-то политический капитал, использовать какие-то моменты, чтобы раскрутить себя.

Этот раскол отразится на левопатриотическом движении тем, что приведет к его очищению. Оно сейчас освободится от негодных, фальшивых политических структур: нацболов Лимонова, тусовки Рогозина. Коммунисты должны окончательно занять левый сектор. ЛДПР всегда была патриотической партией. Мы с самого начала защищали русских, потому что страна была разломлена, разрушена, и было подорвано влияние русского народа.

Нет никаких шансов, что лидеры «Родины» попадут на следующие парламентские выборы. Их даже не зарегистрируют! В январе начнётся регистрация политических партий. В их партиях нет пятидесяти тысяч членов, ни у Рогозина, ни у Глазьева, ни у Бабурина. У них нет структур по всей стране, у них вообще ничего нет. Поэтому они не будут зарегистрированы. А если и будут, то на выборах не получат 7% голосов и в парламент не пройдут.

От патриотического движения в Государственную Думу попадут ЛДПР и КПРФ. Вот две партии, у которых есть шанс попасть в парламент. Может быть, Семигин сумеет что-нибудь организовать. У него же организация называется «Патриоты России», там есть немало хороших людей. Если они

зарегистрируются, то могут пройти в Думу. Аграрии, может быть, попадут. Но чисто патриотическое движение — это ЛДПР. Мы всегда выступали только с этой платформы.

Что касается Рогозина, то этот авантюрист должен сложить свой мандат, потому что обманул всех избирателей. Ведь 9% «Родины» получены блоком. Я думаю, что этим расколом он закрыл свою политическую биографию и должен уйти в небытие. В такой ситуации он вообще должен покончить жизнь самоубийством, потому что обманул миллионы людей и своих товарищей по блоку, устраивал все эти провокации полтора года. Вот они и закончились полным развалом этой политической конструкции, и всем стало очевидно, что это обычные махинаторы.

Я думаю, что сейчас везде будут рассыпаться его небольшие фракции «Родина» в местных парламентах. От него уже отворачиваются активисты на местах. Воронежское отделение раскололось. Единственное отделение, где он имел какой-то минимальный авторитет. Он всем навязывает московских чиновников, бизнесменов. Выступает против олигархов, а сам живет за их счет. В 2007 году он, естественно, в парламент не пройдет. Это конец. Его политическая биография закрылась после развала этого блока. Теперь все знают, что был фальшивый блок, который даже не имеет право находиться в Думе.

Избиратели «Родины» теперь уйдут к КПРФ и к ЛДПР. Частично, может быть, к «Единой России». В стране есть достаточно политических партий, честных, чистых, фундаментальных, которые уже давно на политической сцене и которые смогут полностью взять под себя электорат «Родины» и выполнить свои обещания перед избирателями.

Вопросы и задания

1. Выделите в тексте стилистически окрашенную лексику и фразеологию. Насколько уместны подобные единицы в политическом тексте?
2. Выделите в тексте наиболее яркие метафоры, укажите, каким моделям они соответствуют.

3. Подберите в данном тексте материалы, свидетельствующие об обновлении русского политического языка в постсоветский период.
4. Расскажите о формах проявления политической агрессивности, используя для иллюстрации данное интервью.

А. ЛИВШИЦ «ЭНРОНИЯ» (газета «Известия»)

Enron появился на карте бизнеса в 1985 году. Как обычная газовая компания. Резво помчался вперед. Стиль: предельно агрессивный. Финансовые результаты: ошеломляющие. Через 15 лет стал седьмой корпорацией США. Активы — 63 миллиарда долларов. Зарвался. Наделал долгов. Обанкротился. Вылезло неприглядное. Менеджеры искажали отчетность. Рисовали около 75% прибыли. Не забывая, впрочем, о себе. На перепродаже акций заработали в среднем по 40 миллионов долларов на каждого. А ведь проверяли. И не кто-нибудь. Arthur Andersen. Аудитор мирового класса. Фактически покрывал пройдох. Убаюкивал сказками Андерсена. В конце концов сгинул вместе с Enron. И поделом.

Дорога в тупик оказалась оживленной. По ней пошел телекоммуникационный гигант Worldcom. Активы побольше энроновских — 104 миллиарда долларов. И тоже фокусничал с балансами. Скрыл убытки на 4 миллиарда. Погряз в долгах. Рухнул. Когда-то акция стоила 64 доллара. Ныне — 9 центов. Долгое время Worldcom руководил «благочестивый христианин Берни Эбберс. Лидер Уолл-стрита. Олицетворение успеха. Щеголял в ковбойских сапогах. Водил трактор на ранчо. А потом взял да выдал кредит самому себе. Прямо с банковского счета Worldcom. Химичил и фармацевтический монстр Merck. Приукрасил выручку на 10%. Небезгрешен Xerox.

Что это? Симптомы энронии. Болезнь такая. Пессимисты считают ее генетическим недугом американского бизнеса. Оптимисты — всего лишь вирусной инфекцией. Ничего, пройдет. Наверное, так и будет. Да, несколько компаний превратили свои акции в фантики. Опустили рынок. Потянув маятник в сторону продаж. Но зависнуть он не может. Слишком тяжелый. Рано или поздно пойдет в обратную сторону. К

покупкам. Ведь денег в Америке по-прежнему навалом. Их же надо где-то размещать. Да и администрация с конгрессом не сидят сложа руки. Справится.

Пока же заметна растерянность. Как же, столько лет гордились своим бизнесом. Учили других уму-разуму. Нас, кстати, тоже. Разъясняли: нет лучше, чище, прозрачнее американских компаний. А тут такой конфуз. Энрония показала: среди американских олигархов есть мошенники. Всех обманули. Акционеров. Инвесторов. Аналитиков. Правительство. Рынки. Все обошли. Образцовые законы. Неподкупных контролеров. И даже международные стандарты финансовой отчетности. Так что система регулирования нуждается в ремонте. Проблема — не американская. Мировая.

Энрония протекает тяжело. И дело не только в снижении акций и курса доллара. На месте крушения дредноутов образовались воронки. Засасывают банки и инвестиционные фонды. Те, что давали взаймы, покупали ценные бумаги. Теряют деньги и доверие. Поскольку позволили себя объегорить. Серьезно пострадал престиж США. Выяснилось, что беспрецедентно долгий бум эпохи Клинтона был отчасти дутым. Непонятно, что теперь будет с любимой игрой американских политиков — раздачей советов остальному миру. Трудно администрации. Ведь Enron всегда был рядом с республиканцами. Теперь, выходит, что дружили с жуликами.

Как это скажется на России? Многие говорят: важен только курс доллара. В остальном... Эка невидаль. Да у нас таких энронов пруд пруди. Умеем все. Прятать деньги. Ворковать с аудиторами. Манипулировать балансами. Технологии и впрямь похожи. Цели, правда, разные. Заморские виртуозы преуспевали в рисовании прибыли. А наши — в стирании. Бухгалтерскими ластиками. Для ухода от налога. Скоро, однако, перестанут. В массовом порядке займутся капитализацией. Добиваясь роста курса акций. Иными словами, пока в России энронии нет. Но заразиться можно. Нужна профилактика.

Стоило бы вернуться к стандартам финансовой отчетности. Залатать дыры, через которые пролезли плуты. Подумать о карантине для больных энронией. Чтоб не тащили в небытие здоровых деловых партнеров. Если уж спасать, то не дохлого обманщика, а живых обманутых. Обязать бизнес часто

менять аудиторов. Может быть, не успеют сторговаться. Создать специальную правительственную структуру. Пусть проверяют финансовую отчетность предприятий. На соответствие законам и международным стандартам. Пока же надзиратель есть только у банков. В лице ЦБ. Остальные не контролируются. Еще надо бы ужесточить ответственность менеджеров и аудиторов. За информационное мошенничество.

Понимаю: выглядит нелиберально. Наши власти дают бизнесу все больше свободы. Воюют с бюрократами. А тут предлагают гайковерт. Посмотрите на США. Оплот либерализма. Потому и поражен энронией. Зачем нам чужой вирус? Своих болезней достаточно. Скептики скажут: ничего не выйдет. Слишком много греховодников. Всех не пересажают. А всех и не надо. Достаточно одного. Остальные поймут.

Вопросы и задания

1. Выделите доминантную для данного текста метафорическую модель. Какие еще метафорические модели используются в тексте? Обоснуйте свою точку зрения.
2. Докажите, что в данном тексте используются антитеза, повтор однотипных грамматических форм, парцелляция, риторический вопрос, Выделите наиболее яркую для данного текста риторическую фигуру.
3. Насколько понимают смысл заголовка читатели до ознакомления с данной статьей? Какой стилистический эффект при этом возникает?

НЕРАВНЫЙ БРАК НА НЕБЕСАХ
(статья опубликована без указаний
на авторство под рубрикой «Авиация»
в журнале «Коммерсантъ», 23.07.1996)

Голландская авиастроительная фирма Fokker оказалась в роли невесты с хорошей фамилией, но совершенно без приданого. Прежний муж — германский концерн Daimler-Benz — объявил о разводе: отказался от ее финансовой поддержки.

А на свои средства разведенка Fokker прожить никак не могла. И объявила о банкротстве. Искала мадам Fokker новых женихов по всему миру, да тщетно. Засылали сватов и канадцы (Bombardier), и корейцы (Samsung), и шведы (SAAB), и даже китайцы (Aviation Industries), однако дальше смотрин дело не шло — предложения так никто из них и не сделал. Зато его неожиданно сделали русские... Жениться на Fokker не прочь авиационная корпорация «Яковлев»... Официальное объявление (правда, пока не о свадьбе и даже не о помолвке, а лишь о намерении) состоялось в конце июня.

Слухи об этом произвели сенсацию (особенно в западной прессе), однако отнестись к ним всерьез было трудно. Ведь калым для этой свадьбы требуется немалый (свыше $200 млн). Женишок, прямо скажем, хоть и умен, но не столь уж богат... Он опытный жених и прекрасно знает: чтобы своя прикипела, нужно за чужой приударить. Если «Як» сосватает фрау «Fokker», он станет гораздо привлекательнее для российских невест. Пока жених ведет себя как-то странно... Все это заставляет задуматься: может, жених-то на сторону смотрит?

<...>

Помогло то, что у жениха оказался влиятельный папаша — правительство России. Оно одобрило в принципе планы «Яка» и поручило Минфину проанализировать финансовый аспект будущего брака. ...Ведь денег на калым у папаши тоже нет, а есть только авторитет. Поэтому жених может под честное слово папаши (правительственные гарантии) одолжить денег у богатых соседей (западных банков). Но тут другая загвоздка. Сами-то соседи и на слово поверят, однако, кроме папаши, есть у жениха еще и мамаша — Госдума. И за семейным бюджетом она следит строго. Понравится ей невестка — внесет в закон о бюджете поправку. Папашино слово без мамашиного согласия немногого стоит: правительственные гарантии приписываются в бюджете отдельной строкой. Расчет у жениха вот какой. Детей от нового брака поднимать примерно на четверть дешевле. То же и братья жениха говорят, в частности АНТК «Туполев» и МАПО-МиГ. Однако появление мачехи Fokker больно ударит по родным детям «Яка» — ведь детишки Fokker-50 и Fokker-70 вступят на российском

рынке в прямую конкуренцию со своими сводными братьями Як-42 и Як-242, причем преимущество будет отнюдь не на стороне последних.

Вопросы и задания

1. Какая метафорическая модель развертывается в данном тексте?
2. Выделите метафоры, соответствующие доминантной для данного текста метафорической модели.
3. Какой прагматический потенциал возникает при использовании доминантной модели в данной статье? Как относится автор к предполагаемой сделке между владельцами авиапредприятий?
4. Какой стилистический эффект возникает при взаимодействии названия данной статьи и ее основного текста?
5. Какие средства акцентирования метафоры используются в данном тексте?
6. Перескажите текст на английском языке.

А. СЕДОВ. «ПО ЗОВУ ОЛИГАРХОВ?»
(статья опубликована в газете «Комсомольская правда», 26.02.2003)

Никакого «союза четырех» (Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан) не вызвездилось бы, если бы этого не возжелали российские олигархи. Подписи под намерениями четырех президентов — это брачный контракт наших акул бизнеса с соседскими недрами и заводами. Женитьба хоть и не равная, но по любви. Гарем из трех дополнительных экономик нашим бизнес-султанам до зарезу понадобился потому, что их супербарыши от экспорта нефти, газа и металлов уже некуда вкладывать в собственной отчизне. Все лакомые предприятия в России ими давно скуплены. А нефтедоллары все прибывают — мировые цены на сырье стоят бешеные. Раньше олигархи пристраивали лишний капитал на Западе. Но теперь, когда США и пол-Европы вляпались в Ирак, а доллар падает, доверять деньги Западу страшно. Уж лучше соседям.

На Украине можно прикупить пищепром, металлургию, газопроводы и заправки. У белорусов — откусить машиностроение, у казахов — залежи нефти и газа. Есть где порезвиться!

Соседи этому рады. Их экономики явно заневестились. Пока сватались к Западу, остались в старых девах — без любви и приданого. Т.е. — без инвестиций и приемки в ВТО. А капитал заполучить на «милые безделушки» типа роста производства и новых рабочих мест страсть как хочется. Российские женихи оказались не такими капризными. Им полурыночные и в меру коррумпированные соседки очень даже по вкусу. Сами такие.

Под свадебный перезвон украинцы рассчитывают беспошлинно впихивать к нам свой сахар и трубы. Белорусы — холодильники, телевизоры и самосвалы. Казахи — металл и уголь. Да Бога ради, если завтра эти отрасли перекупят денежные мешки! Простому народу со свадебного стола обещают подешевение всего соседского-завозного. Торговать-то друг с другом обещаем беспошлинно. Но верится не очень. Цены будут такие, какие народ способен переварить. Если вчера он покупал кило сала за 70 рублей, а телевизор — за 5 тысяч, купит за столько и завтра. Бизнес в убыток работать не будет. Иначе зачем ему такая интеграция?

Вопросы и задания

1. Какая метафорическая модель развертывается в данном тексте?
2. Выделите метафоры, соответствующие доминантной для данного текста метафорической модели.
3. Какие еще метафоры используются в данном тексте?
4. Какие средства акцентирования метафоры используются в данном тексте?

О. САВЧЕНКО. «О ЧЕМ ГОВОРЯТ ПРОЦЕНТЫ» (статья опубликована в «Российской газете» 28.03.2000)

Наш народ стал более ответственным. Нынешняя избирательная кампания воочию показала это. Привычного полити-

ческого шоу, которое мы видели во время недавних выборов в Госдуму, на сей раз никому устроить не удалось. Не случилось и войны компроматов, сдобренной разъездами поп-звезд по городам и весям России, как не было и упакованных в коробки из-под ксерокса долларов.

Спектакль отменили. И в этом немалая заслуга и.о. президента Владимира Путина. Именно он задал цивилизованный тон всей кампании. Да и что делать остальным, когда один из участников действа перестает играть роль и начинает быть самим собой? Что делать, если он отказывается от услуг режиссера, гримера, костюмера, суфлера? Вы как хотите, говорит он своим коллегам, а я не желаю играть роль в приготовленной всем нам пьесе, я буду просто жить.

Действительно, как быть коллегам, если все они давно подзабыли, что значит жить в политике. Если все они на свою беду только и умеют играть в государственников, демократов, патриотов, реформаторов, оппозиционеров, премьеров и т.д. Зюганов хорош в роли державника до тех пор, пока Ельцин притворялся борцом против государственного тоталитарного ига. Оголтелый популизм Жириновского еще как-то смотрелся на фоне натужно-философской пустоты Явлинского. Пресная наукообразность Кириенко выгодно оттеняла туманную всеядность Примакова. Каждый в меру своих сил играл роль. И вдруг, когда появился человек, для которого политика не игра, а естественный способ существования, все его конкуренты стушевались, отработанные театральные позы исчезли. И это понятно: отсутствие позы в одном человеке делает невыносимой ее наличие в других.

Вопросы и задания

1. Прочитайте текст. Выделите метафорические словоупотребления. Охарактеризуйте метафорическую модель (модели) и фреймы, к которым относятся выявленные метафоры.
2. Возможно ли выделение метафорической доминанты в тексте статьи? Каким образом организованы содержащиеся в тексте метафоры? Как система метафор влияет на восприятие текста читателем?

3. Докажите на примерах из текста, что способность к развертыванию является одним из важнейших свойств концептуальной метафоры.
4. Выявите экстралингвистические причины актуализации сферы источника, к которой относятся метафоры, содержащиеся в статье. Определите прагматический потенциал метафорических словоупотреблений, используемых в тексте.
5. Какие средства акцентирования метафоры используются в рассматриваемой статье?

Е. АРТЕМОВ. «ДУБЛЕРЫ СХОДЯТ С ДИСТАНЦИИ» (статья опубликована в газете «Известия», 10.03.2000)

«А, пришли посмотреть на будущего президента Соединенных Штатов», — такими словами встречал своих избирателей кандидат от республиканцев Джордж Буш. Дело происходило еще до того, как были обнародованы результаты голосования, проведенного в прошедший вторник. Этот день вошел в историю президентских гонок с приставкой «супер». Оттого, что выборы одновременно прошли в шести штатах, среди которых были такие гиганты, как Калифорния и Нью-Йорк, и потому, что страна выбирала делегатов сразу на два съезда — Республиканской и Демократической партий.

Начиная с прошлого лета американская пресса высвечивала прожектором лишь одного актера на сцене — губернатора штата Техас Джорджа Буша-младшего. Сын бывшего президента США настолько свыкся с ролью первого, что не заметил, как в «супервторник» рядом с ним появился равный соперник, до того пребывавший в тени, — вице-президент Альберт Гор.

Еще неделю назад и тот и другой все свое внимание уделяли внутрипартийным схваткам. Буша пытался стащить с вершины холма ветеран вьетнамской войны, бывший летчик Джон Маккейн, на Гора наседал бывший баскетболист Билл Брэдли. Первый, по-петушиному распрямляя грудь, атаковал Буша с позиций партийного реформатора и бунтаря. Второй с ухмылочкой всезнайки ловко загонял соперника в лабиринты интеллектуальных дискуссий. «Супервторник» снял с таб-

ло имена дублеров. Джордж Буш по количеству покоренных штатов победил бывшего пилота со счетом приблизительно 2:1. Гор выиграл у Брэдли «всухую», не оставив самому высокому (в прямом смысле) политику в США никаких шансов. На дорожке остаются лишь два бегуна — Буш и Гор. Перед ними одна цель — Белый дом — и одна дата в календаре — 4 ноября. «Суперсуббота».

Если прошлой осенью Буш намного опережал Гора, то сейчас их шансы практически сравнялись: по последним данным, у обоих сейчас приблизительно одинаковый рейтинг — 46 процентов.

Буша в известной степени подвела ориентация на традиционные ценности. Лет тридцать назад его образ идеального республиканца — добродетельного христианина, убежденного консерватора, верного супруга (бурная молодость не в счет) — прошел бы на ура. Но, как выяснилось, в начале нового тысячелетия понятие «настоящий республиканец» для большинства избирателей — пустой звук. Не случайно Маккейн взлетел на гребне поддержки своего рода маргиналов от Республиканской партии, которые предпочли более задористые лозунги и свежие идеи.

Опытные советники убеждают техасца перестать муссировать тему моральных качеств хозяев Белого дома и начинать рекламировать собственные прожекты. Тем более что его сопернику Гору есть чем похвастать. В активе президентской команды — впервые достигнутый страной солидный бюджетный профицит, самый низкий уровень безработицы за последние четыре десятилетия, практически нулевая инфляция. Единственное, что может подкосить к ноябрю экономические достижения команды Клинтона, — это резко подскочившие цены на бензин.

Буш называет себя реформатором, но результаты реформ в его родном штате не отыскать днем с огнем. Демократы бьют его за то, что в условиях тотальной пальбы на улицах американских городов он противится принятию законодательства, ограничивающего продажу огнестрельного оружия, не учитывая велений времени, выступает за запреты абортов и не желает принимать меры по охране окружающей среды, хотя его штат Техас — один из самых задымленных в Америке.

Вице-президент в последнее время изменился. Он вышел из тени Клинтона, перестал быть похожим на человека, который проглотил палку, и начал передвигаться по сцене почти как профессиональный танцор. А объявивший себя будущим президентом Буш по-прежнему слишком часто шмыгает носом и все кому-то подмигивает, глядя в камеру.

Вопросы и задания

1. Выделите метафоры в тексте. К каким моделям они относятся?
2. Выделите доминантную метафорическую модель (модели) в статье. Определите, по какому принципу происходит развертывание модели (моделей) в тексте? Охарактеризуйте сферу-источник и сферу-мишень метафорической экспансии.
3. Метафоричен ли заголовок статьи? Каким образом он взаимосвязан с основным текстом статьи? Охарактеризуйте на примере данной статьи значимость заголовка для восприятия текста. Что такое сильная позиция метафоры в тексте? Как эта позиция влияет на восприятие метафоры?
4. С чем связана продуктивность доминантной метафорической модели в представленной статье? Что является причиной актуализации данной сферы-источника в политической ситуации «Выборы главы государства»?

ЛИТЕРАТУРА

1. Основная литература

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.

Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Екатеринбург, 2001.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.

2. Дополнительная литература

Chomsky N. Language and Politics. Montreal and New York, 1988.

Hahn D.F. Political Communication: Rhetoric, Government and Citizens. State College (Pennsylvania). 1988.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.

Watts D. Political Communication Today. Manchester and New York, 1997.

Алтунян А. О собирателях земли русской: Жириновский как публицист // Вопросы литературы. 1996. № 2.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3.

Базылев В.Н. Автопортреты политиков: от психопоэтики к психополитике // Политический дискурс в России-3. Материалы рабочего совещания. М., 1999.

Бакумова Е.В. Взаимопонимание в политическом дискурсе и метафора // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур. Воронеж, 2004.

Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше // Вопросы языкознания. 1994. № 4.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.

Виноградов С.И. Слово в парламентской речи и культуре общения // Русская речь. 1993. № 2—4.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.

Вольфсон И.В. Язык политики. Политика языка. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003.

Воробьева О.И. Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи. Архангельск, 2000.

Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб., 2004.

Григорьева О.Н. Политический театр современной России (взгляд филолога) // Интернет-журнал «Полемика». 2001. № 9.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 1999.

Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 4.

Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Енина Л.В. Идеологическое содержание современных лозунгов протеста // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.

Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики. М.; Волгоград, 2000.

Жельвис В.И. Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.

Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского времени // Вопросы языкознания. 1997. № 3.

Земская Е.А. Цитация и способы ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики. Екатеринбург; Омск, 1999.

Какорина Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Киселев К.В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. Екатеринбург, 2002.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. «Свое» — «чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. М., 1995. № 1.

Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. № 6.

Кордонский С. Фундаментальный лексикон: язык и политический спектр в России // Век XX и мир. 1994. № 1—2.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1999.

Красильникова Н.А. Оппозиция «Мы» — «Они» в дискурсе экологических движений Англии, России и США // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Вып. 15. Екатеринбург, 2005.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции языка. Екатеринбург; Омск, 1999.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.

Куртин Ж.Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: Когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.

Ле Э. Лингвистический анализ политического дискурса: язык статей о чеченской войне в американской прессе // Полис. 2001. № 2.

Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Ю.И. Левин. Поэтика. Семиотика: Избр. труды. М., 1998.

Лихачев Д.С. Экология культуры. Л., 1985.

Майданова Л.М., Соломатов С.И, Федотовских Т.Г., Чудинов А.П. Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах. Екатеринбург, 2004.

Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 13. Екатеринбург, 2004.

Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2000.

Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы (очерк языка выборов) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1.

Романов А.А. Политическая лингвистика. Функциональный подход. М.; Тверь, 2002.

Ряпосова А.Б. Милитарная метафора в современном агитационно-политическом дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 6.

Савельев А.Н. Политическая мифология и политическая технология // М., 1998. № 8.

Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. М., 1999.

Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблема становления // Филологические науки. 1996. № 2.

Слово в парламентской речи и культура общения. М., 1995.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

Сорокин Ю.А. Человек из будущего, которого у него нет: Григорий Явлинский // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.

Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступит. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1, 3, 4; 2002. № 1, 2, 3; 2003. № 1, 3, 4; 2004. № 4.

Шаховский В.И. Голос эмоций в русском политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2: Материалы рабочего совещания. М., 1998.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград, 2000.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Политическая жизнь в зеркале русского анекдота // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2003.

Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Учебное издание

Чудинов Анатолий Прокопьевич

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Учебное пособие

Подписано в печать 22.02.2006. Формат 60× 88/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,7. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 1000 экз. Изд. 1162.

ООО «Флинта», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 345.
Тел./факс: 334-82-65, тел.: 336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru, flinta@flinta.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г. Москва В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90.